

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 6 (45)
2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

***Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации***

Главный редактор – ***В.Л. Чепляев***
Зам. главного редактора – ***О.Н. Фомин***
Ответственный секретарь – ***Д.В. Акаев***

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
А.А. Сафаров (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; ***В.В. Герасимова***, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; ***О.А. Лиценбергер***, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; ***Е.Ю. Сидорова***, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; ***О.И. Цыбулевская***, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; ***Т.И. Черняева***, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

№ 6 (45)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***

Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),

V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),

N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),

O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),

V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),

S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),

A.A. Safarov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy);*

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics);*

V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History);*

O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History);*

A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy);*

E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics);*

Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology);*

O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law);*

S.E. Channov, *Doctor of Science (Law);*

T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

M.F. Glukhova
Management of Social Resources
in Conditions of Uncertainty

In conditions of uncertainty, risks of vital activity rapidly evolve and human needs for social protection increase. Resource management is exercised at the individual, state, and corporate levels and is expressed in specifics of social security of an individual.

Key words and word-combinations: uncertainty, social risk, resources of social protection, social security.

В условиях неопределенности стремительно развиваются риски жизнедеятельности и увеличиваются потребности человека в социальной защите. Управление ресурсами социальной защиты осуществляется на индивидуальном, государственном, корпоративном уровнях и выражается в специфике социальной защищенности личности.

Ключевые слова и словосочетания: неопределенность, социальный риск, ресурсы социальной защиты, социальная защищенность.

УДК 364.01
ББК 60.90

М.Ф. Глухова

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЗАЩИТНЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Социально-экономические, социально-политические, социокультурные трансформации в постсоветской России не только отражаются на характеристиках жизнедеятельности человека, но и проявляются в специфике самовосприятия личности в роли субъекта социальных отношений на индивидуальном и групповом уровне. Современное российское общество демонстрирует факты, сигнализирующие о реальных и потенциальных опасностях, противоречиях в социальной жизни, которые существенно снижают характеристики качественного функционирования человека.

Высокие риски бедности, незанятость, экономическое неравенство, маргинализация и ее последствия, дисфункциональность семей и отдельных личностей, социальная исключенность в ее различных проявлениях –

все это определяет необходимость формирования и реализации вариативных сценариев социальной защиты, ориентированных на содействие человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации.

Человек, находящийся в трудной жизненной ситуации, признается таковым, если в процессе жизнедеятельности появляются какие-либо условия или обстоятельства, которые существенно ограничивают его возможности для удовлетворения базовых потребностей. В связи с этим существенным проявлением трудностей в процессе жизнедеятельности является то, что человек постоянно или эпизодически нуждается в профессиональной или непрофессиональной (добровольной) социальной помощи и поддержке. Результатом же воздействия на человека трудной жизненной ситуации становится не только ограничение возможностей самореализации в обществе, но и прежде всего изменение образа жизни, которое часто выражается в существенном снижении или резком падении уровня и качества жизни.

Риск появления трудностей в жизни человека обусловлен многочисленными факторами объективного и субъективного характера, случайными, закономерными связями и обстоятельствами. Вместе с тем функционирование в постоянно изменяющихся условиях сопровождается возникновением неопределенностей, касающихся как самого человека, так и социальной среды, в которой происходит его развитие и самореализация.

Категория неопределенности характеризует ситуации, в которых отсутствуют конкретные характеристики, подлежащие оценке в количественных и качественных измерениях, а «ее степень и характер могут варьироваться от краткосрочных состояний кризиса до крайней неопределенности, выраженной в неструктурируемости, т.е. невозможности построения модели социального процесса, системы, адекватной реальности» [1, с. 59].

При выяснении специфики жизнедеятельности человека в неустойчивом обществе с позиции неопределенности необходимо выявить ресурсы, которые способны нейтрализовать или минимизировать остроту воздействия рискованных факторов.

Ресурсное обеспечение социальной защиты включает различные сегменты ее институционализации в современном российском обществе: социозащитные ресурсы человека, семьи; социозащитные ресурсы, регулируемые на государственном уровне; социозащитные ресурсы, формируемые в рамках корпоративной культуры современных организаций.

Социозащитные ресурсы человека обусловлены степенью его способности и уровнем готовности к самостоятельному поиску источников и средств, которые позволят не допустить изменение или утрату достигнутых социальных характеристик жизнедеятельности.

Среди индивидуальных социозащитных ресурсов выделяются объективные и субъективные параметры функционирования личности. Объективные ресурсы включают профессиональные и карьерные достижения, уровень материального благосостояния, социальные связи, состояние здоровья и прочее; субъективные – личностные характеристики, показывающие различную степень готовности к изменениям по социально значимым аспектам жизнедеятельности (занятость,

семья, досуг, отдых и пр.). Результатом действия той или иной стратегии поведения личности в рамках применения объективных и / или субъективных ресурсов становится предупреждение или нейтрализация опасностей, а также стабилизация или достижение некоторого равновесия жизненной ситуации. Следовательно, для формирования и реализации выбранной стратегии поведения человеку необходимо владеть потенциалами для самостоятельной реализации защиты от факторов риска, обостряющихся в ситуациях неопределенности.

Анализ социальных практик показывает, что индивидуальные социозащитные ресурсы, так же как и стратегии поведения при неопределенности, имеют существенные различия. Молодежь, проецируя значительную мобильность, обладает более устойчивыми адаптационными характеристиками, а в сложных ситуациях рассчитывает на свои собственные силы (например, посредством поиска трудовых форм решения своих проблем) [2, с. 163] или на помощь близких. Семьи с детьми полагаются на собственные потенциалы и частично на помощь от государства, гарантированную российским законодательством [3, с. 78–79]. Люди старшего возраста в первую очередь надеются на поддержку со стороны государства (посредством обращения в профильные социозащитные структуры) [4, с. 63].

Вместе с тем в настоящее время сохраняются иждивенческие практики, которые отрицательно сказываются на самом человеке, перекладывающем ответственность за решение собственных проблем на государство и общество. С другой стороны, социальная пассивность и социальная безответственность со стороны отдельных категорий граждан продолжает поддерживаться, что выражается в неэффективном распределении государственных социозащитных ресурсов и препятствует достижению распределительной справедливости в постсоветской России.

Ресурсы, формируемые в рамках социальной политики, получили особое развитие в связи с тем, что социозащитная парадигма является одним из ведущих направлений при реализации социальных функций Российского государства. При этом «социальная защита призвана преодолеть социальную незащищенность, т.е. риск оказаться за чертой бедности» [5, с. 51].

Важнейшим ориентиром в указанном контексте становится создание в обществе необходимых условий для функционирования человека, включая удовлетворение его физиологических, социальных и духовных потребностей в процессе жизнедеятельности. В конкретном выражении социальная защита, действуя в качестве важнейшего инструмента социальной политики, развивается в рамках системы, ориентированной на поддержку социального функционирования человека и создание условий для обеспечения соответствующего уровня и качества жизни, сглаживания последствий воздействия факторов риска в ситуациях неопределенности.

Жизнь в постоянно изменяющемся современном обществе сопряжена с различными противоречиями, которые выражаются в значительном числе социальных проблем. При неопределенности человек часто теряет ориентиры, не может сосредоточить собственные ресурсы или осуществить правильный выбор

для своевременного реагирования на трудности и стабилизации жизненных условий. Вместе с тем в наиболее затрудненном социальном положении при нестабильности и неопределенности оказываются люди, имеющие ограничения жизнедеятельности по состоянию здоровья, возрасту, характеристикам материальной обеспеченности, а также в связи с особенностями структуры и процессов функционирования семьи.

В этом случае социозащитные ресурсы сосредотачиваются в рамках специфических стратегий, программ, мер, ориентированных на социальное обеспечение, активную поддержку граждан, жизнедеятельность которых затруднена. Постоянно развиваясь, государственная система социальной поддержки взаимодействует с гражданами, которые по каким-либо причинам не могут самостоятельно (без помощи извне) продуктивно организовать свою жизнедеятельность или независимо справляться с жизненными вопросами и трудностями. Формирование и реализация социозащитных ресурсов, предназначенных для смягчения затруднений, выравнивания уровня жизни до определенных стандартов, преодоления исключенности человека, осуществляются по двум направлениям, включающим денежные и натуральные формы социальной поддержки.

Первое направление включает государственные услуги, оказываемые в соответствии с федеральным и региональным законодательством, регламентирующим различные меры социальной поддержки тем или иным категориям граждан. Мерами, способствующими снижению напряженности жизненной ситуации человека, являются: денежные выплаты (единовременные, ежемесячные и ежегодные); оказание натуральной помощи; предоставление льгот; оформление путевок для санаторно-курортного лечения; адресная социальная помощь и другие.

Предлагаемые социозащитные ресурсы призваны исправить жизненные обстоятельства человека, не допустить, чтобы его материальное положение осталось на показателях ниже прожиточного минимума, установленного в регионе, а также ослабить напряженность в жизнедеятельности человека, связанную с воздействием факторов риска.

Второе направление подразумевает оказание услуг социального обслуживания для различных категорий и групп населения в рамках мер государственной поддержки по стандартам, установленным федеральным и региональным законодательством.

Социозащитные ресурсы в виде широкого спектра социальных услуг формируются и реализуются в специализированных учреждениях социального обслуживания для лиц старшего возраста, инвалидов, семей с детьми, женщин и других категорий.

Наиболее востребованными в современной социальной практике стали следующие виды профессиональных интервенций: услуги домашнего социального обслуживания для одиноких граждан; услуги по социальной реабилитации и адаптации лиц с ограниченными возможностями; услуги по социальному патронату выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без по-

печения родителей; социально-консультационные услуги для семей, детей, подростков «группы риска»; социально-психологические и социально-правовые услуги женщинам; информационные услуги различным группам населения в связи с трудными жизненными обстоятельствами и другие аспекты социальной работы [6, с. 762].

Социальные процессы в российском обществе демонстрируют необходимость изменения государственной системы социальной защиты, ее ориентирование на активные и превентивные формы взаимодействия с населением. С одной стороны, требуется более специализированная, профильная поддержка человека, жизнь которого связана с трудностями и ограничениями; с другой – актуализируется проблема стимулирования активности граждан, имеющих ресурсы для самостоятельного решения проблем жизнедеятельности.

Сегодня социально острым является вопрос о внедрении инновационных практик, которые обеспечат оптимальное использование имеющихся государственных социозащитных ресурсов и позволят более адресно, точно поддерживать наиболее «слабые» категории граждан. Более того, в настоящее время парадигма модернизации социальной сферы и ее сегментов является важнейшим механизмом, при помощи которого можно отказаться от неэффективных или малоэффективных способов социальной поддержки в пользу более «технологичных средств». Предоставление государственных услуг на основе адресности способствует индивидуализации социозащитных мер и уходу от «обезличенных» пассивных форм поддержки. Имеется в виду учет социального положения человека, находящегося в трудной жизненной ситуации; оценка степени его нуждаемости в получении услуги; анализ особенностей уровня жизни (технологии социального аудита, экспертизы). Переход на активные формы социальной поддержки способствует аккумулированию собственного ресурсного потенциала семей и отдельных граждан для преодоления сложных экономических и социальных обстоятельств и обеспечивается при помощи технологий социального контракта, социального посредничества, консультирования. Результатом действия новой социозащитной парадигмы должно стать «сокращение числа небедных участников программ социальной поддержки и активизация трудового потенциала бедных» [7, с. 264].

В современных условиях получили развитие социозащитные ресурсы (материальные и нематериальные), формируемые в рамках корпоративной культуры организаций. Востребованность корпоративных социальных практик обусловлена тем, что функционирующая государственная система социальной защиты в форме социального страхования не может в полном объеме гарантировать полноценную защиту работающего человека от социальных рисков.

Корпоративное социальное страхование гарантирует работнику компенсации в случае потери дохода и / или предполагает назначение дополнительных денежных средств при наступлении рискованной ситуации. Наиболее распространенными ситуациями признаются беременность и материнство, болезнь, травма, инвалидность, утрата кормильца, старость и другие. Вариантом социальной поддержки человека в ситуации риска становятся определенные доплаты, вели-

чина которых прямо пропорциональна сумме заработной платы и / или количеству отработанных лет в данной организации.

Востребованной частью корпоративного социального страхования может стать негосударственное пенсионное страхование за счет работодателя для повышения размера пенсионного обеспечения в старости. Наиболее широкое распространение в корпоративных социальных программах получило добровольное медицинское страхование, что гарантирует работнику оказание более квалифицированного медицинского обслуживания, включая профилактику социально значимых заболеваний и стимулирование здорового образа жизни.

Социозащитные ресурсы организаций часто направлены на работников, имеющих несовершеннолетних детей, с проблемами здоровья или другими обстоятельствами жизнедеятельности, которые требуют индивидуального подхода в сфере социально-трудовых отношений. Им предлагаются особые условия труда, среди которых наиболее востребованными стали: гибкий режим труда, сокращенные рабочий день или рабочая неделя, работа в дистанционном режиме, дополнительный отпуск без сохранения заработной платы.

Достижение социальной защищенности человека при использовании личных, государственных, корпоративных ресурсов необходимо рассматривать в качестве важнейшей цели современной парадигмы социальной защиты. Анализ современных практик показывает, что реальный уровень социальной защиты и социальной защищенности человека, как правило, занижен в сравнении с формальными показателями, представленными в нормативах, параметрах, стандартах. В условиях неопределенности на человека воздействуют факторы риска, которые могут привести к трудной жизненной ситуации. В обобщенном виде социальная защищенность представляет субъективно-объективное восприятие человеком своего положения в трудной жизненной ситуации, а ее достижение становится результатом взаимодействия личных, государственных и корпоративных ресурсов, получивших развитие в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности: теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
3. Повышение эффективности социальной поддержки семей с детьми в городе Москве. М., 2008.
4. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве: информационно-аналитический доклад. М., 2011.
5. Управление программами социального обслуживания и социальной помощи / под ред. А.Л. Александровой. М., 2007.
6. Глухова М.Ф. Профессиональная социальная работа в условиях модернизации социальной сферы российского региона // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2014. С. 759–763.
7. Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации / под ред. Т.М. Малевой, Л.Н. Овчаровой. М., 2010.

Z.V. Fomina
Turning to Traditional Values:
Cultural Policy Bases

The author analyses the deep layers of the spiritual world of Russians, forming the specifics of Russian mentality, from the viewpoint of their influence on the processes of social and cultural transformations of the last decades. The statement on the fundamental role of the basic traditional values in the system of personal attitudes in historically transient situations is grounded. Possible ways to overcome the crisis in the spiritual realm are considered.

Key words and word-combinations: spirituality, spiritual world of an individual, Russian mentality, basic values.

Анализируются глубинные слои духовного мира россиян, образующие специфику российского менталитета, с точки зрения их влияния на процессы социокультурных трансформаций последних десятилетий. Обосновывается положение о фундаментальной роли базовых традиционных ценностей в системе личностных ориентаций в исторически переходных ситуациях. Рассматриваются возможные пути преодоления кризисных явлений в духовной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: духовность, духовный мир личности, российский менталитет, базовые ценности.

УДК 008.001
 ББК 71.4

З.В. Фомина

ПОВОРОТ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ: ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Новая волна «холодной войны», в которую оказалась втянутой современная Россия, интенсифицировала процессы возвращения к традиционным ценностям нашего социума. Однако речь идет именно об интенсификации: указанная тенденция возникла значительно раньше и причины ее выходят далеко за пределы необходимости решения сиюминутных с исторической точки зрения задач – противостояния западным санкциям и опоры на аутентичные экономические резервы. Весьма знаменательно в этом контексте объявление в России 2014 года Годом культуры, а 2015-го – Годом литературы. Нет никакого сомнения, что целью этой акции является акцентирование именно традиционной русской культуры и литературы, рассматриваемой как существенный фактор духовной консолидации общества. Обращение к теме данной статьи мотивировано стремлением с более общих позиций осмыслить духовную ситуацию, в которой оказалось современное российское общество. В связи с актуализацией проблемы традиционных ценностей представляется целесообразным порассуждать о некоторых фундаментальных особенностях внутреннего мира россиян, определяющих менталитет народа и имеющих архетипический характер.

В культурном пространстве нашего социума общим местом стали утверждения о духовном кризисе общества, нравственной дег-

радации личности, об утрате традиционной русской духовности и наступлении ценностей бездуховного техницистского Запада. Эти утверждения не лишены оснований, хотя и требуют дополнительных экспликаций, ибо сами проявления указанного кризиса видятся неодинаково: то, что одним представляется упадком, для других выступает свидетельством обновления и возрождения. И тем не менее само наличие кризисной ситуации, определенная трансформация, связанная с утратой существенных характеристик духовного облика народа, вряд ли могут вызывать сомнения.

Попробуем разобраться в этом процессе глубже, с тем чтобы выяснить, существуют ли в современной ситуации какие-либо духовные ресурсы, способные противостоять нравственной деградации общества. Первоначальный, поверхностный взгляд фиксирует переориентацию в системе ценностей: то, что раньше осуждалось, отодвигалось на обочину сознания («вещизм», «потребительская психология», частный интерес), становится основной целью и стимулом развития. Эта ситуация отказа от высших, однако запредельных, нереализуемых ценностей порождает аллюзию, заставляющую вспомнить знаменитый тезис Ницше (в постсоветской России «Бог умер» во второй раз). При этом до нашего соотечественника тех лет, словно впервые, докатилось ницшеанское «Хватит прятать голову в песок высших ценностей!», и он безоглядно ринулся к реально ощутимым земным благам, ясно вырисовывающимся на западном горизонте, благо они теперь совсем рядом, близко, прямо перед заново открывшимися глазами («Будем жить, как в Европе!»). Ринулся со всем грузом злополучного менталитета – склонностью к крайностям («пан или пропал»), к недооценке фактора времени («сейчас или никогда»), к нравственному авантюризму («не погрешешь – не покаешься»).

Отмеченная инверсия вполне закономерна. В условиях тотальной недостаточности, своеобразного социального вакуума (отсутствия как материальных условий, так и духовных опор) прежде всего заявляет о себе телесное – наиболее фундаментальные, неотложные, жизненно важные потребности. Уместно вспомнить, что создатель «гуманистической этики» Абрахам Маслоу считал удовлетворение этих естественных («низших») потребностей необходимой предпосылкой формирования и удовлетворения более высоких – социальных и метапотребностей. При этом он подчеркивал, что низшие, физиологические потребности обладают значительно большей силой, чем высшие, и заявляют о себе с непреодолимой силой [1, с. 191]. Удовлетворение именно этих потребностей и предлагает в первую очередь западная модель, разумеется превратно, поверхностно понятая на уровне общественной психологии, однако в силу указанных причин легко воспринятая и широко распространившаяся. Таким образом, произошло изменение приоритетов в системе базовых ценностей. В условиях, когда труд так и не стал в сознании людей важнейшим и необходимым условием достижения материального благополучия, такая переориентация несет в себе огромную опасность для всей духовной жизни общества и является серьезным нравственным испытанием для каждой отдельной личности, поскольку порождает стремление к достижению богатства *любым* путем.

Дело не только в том, что отмеченная ориентация порождает преступность

в «низах» и коррупцию в «верхах». Куда более серьезными представляются нравственно-психологические последствия указанных процессов: главной ценностью становится ничем не сдерживаемое, неконтролируемое удовлетворение желаний в его самом широком диапазоне (не только потребности в пище, одежде, жилище и т.п., но и в сексе, власти, самоутверждении). Разумеется, само по себе стремление к удовлетворению указанных потребностей вполне естественно и не несет в себе ничего негативного. Опасение вызывает то, что в условиях отсутствия каких-либо устойчивых духовных оснований и культурных ограничений реализация этих интенций принимает чаще всего примитивные, некультурные формы (достаточно упомянуть засилье самых низкопробных образцов массового искусства, скандальные шоу на центральном телевидении и изобилие типографской продукции порнографического характера). Можно ли остановить этот процесс? Или, по крайней мере, можно ли в него вмешаться?

Для ответа на эти вопросы, для понимания сущности духовной эволюции современного российского общества недостаточно простой фиксации фактов и обобщения на уровне явлений (вроде выяснения рейтингов материальных и духовных ценностей). Необходимо более глубокое исследование фундаментальных оснований духовной жизни народа, в частности имеет смысл вновь обратиться к осмыслению особенностей российского менталитета. Характеристики последнего уже достаточно подробно проанализированы в литературе – остается лишь выяснить их место и роль в современной социокультурной ситуации. При этом следует, по возможности, избегать односторонностей и включать в сферу анализа как «положительные», так и «отрицательные» проявления указанного менталитета.

На чем основаны утверждения о существовании так называемой русской духовности? Прежде всего обратим внимание на такую важнейшую специфическую черту русского сознания, как тяга к абсолютному, интенция к высшим, надприродным смыслам и ценностям. Эта особенность уже анализировалась нами в предыдущих работах. Приведем здесь лишь один из фрагментов: «Развивавшаяся в условиях вечной скудости материальной жизни, русская мысль никогда не ориентировалась на создание “земного рая” как *последней* цели человеческого существования. Русскому сознанию чуждо ограниченное по своей сути стремление к кропотливому будничному устройству жизни, к строгой упорядоченности земного существования, свойственное цивилизованному европейцу. Оно всегда направлено к запредельному, сверхобыденному, стремится к Высшему, Абсолютному» [2, с. 188]. Данное утверждение не претендует на универсализм: оно не означает, что духовность с необходимостью присуща, «врождена» всем без исключения россиянам. Вместе с тем речь идет о фундаментальной характеристике российского менталитета, которая, не всегда выступая в явной форме, часто пребывая в зачаточном, потенциальном состоянии, тем не менее подспудно проявляется в определенной жизненной направленности. Озабоченность «вечными» проблемами при известном пренебрежении к бытовой стороне жизни, а также особенная склонность к душевному общению – это существенные черты, характеризующие российскую ментальность независимо от степени их индивидуального проявления. Всеобщность и фунда-

ментальность указанных характеристик, а равно и акцентирование русской духовности не означает, что русскому человеку полностью чужды чувственные удовольствия и радости материальной жизни. Однако за всеми жизненными проявлениями русской душе всегда видится некий иной план, не позволяющий остановиться на наличной действительности как на последней цели и побуждающий искать это неопределенное, но смутно улавливаемое нечто как безусловное и общезначимое, составляющее действительный смысл бытия.

Как бы то ни было, нельзя не признать, что сознание большинства российских обывателей периода «перестройки» было направлено лишь на внешнюю сторону западного образа жизни, точнее сказать – на его результат, достигнутый в ходе методичного, организованного и кропотливого труда множества поколений. Справедливости ради следует сказать, что сам по себе труд уже не является первостатейной ценностью и для западного обывателя, на что обращает внимание, например, французский социолог Ж. Дюмазедье [3]. Благополучие современного среднего европейца – не только его личная заслуга и результат его собственного труда. Он пользуется наличными благами цивилизации, часто не задумываясь об их источниках, что и дало основание Х. Ортеге-и-Гассету назвать его «избалованным ребенком» [4, с. 124]. Современный россиянин часто работает больше и напряженнее. Но у нас нет возможности пожирать плоды предшествующих поколений – мы сами еще только должны создать эту базу для себя и своих детей.

Осуществление этой задачи наталкивается на препятствия, уходящие своими корнями все в те же особенности национального менталитета. Это – отсутствие не только привычки, но и склонности к отмеченному ранее методичному, организованному и кропотливому труду. Предпринятая в советское время попытка идеологов коммунизма поднять престиж коллективного труда как условия всеобщего благоденствия не увенчалась успехом прежде всего, конечно, потому, что в нем отсутствовали действенные стимулы (если уж не личная заинтересованность, то хотя бы процветание общества как результат труда – однако и последнее не было достигнуто). Но может быть, здесь сыграла роль и другая причина (архетипического характера), а именно то, что материальное благополучие – не та цель, ради которой русский человек станет «усиливаться», чему подчинит всю свою жизнь.

Обратим внимание и на другую характерную черту российского менталитета, существенную для наших дальнейших рассуждений, – склонность к коллективизму (в религиозно-мистическом модусе представляющую как соборность). Коллективизм, порожденный общинностью, обеспечивал поддержку индивида в его жизненном обустройстве, соборность – ощущение духовного единства, принадлежности единому (большому, более значимому, чем отдельная личность) целому. Определение соборности как духовного единства отдельных личностей, индивидуальностей не меняет сути дела, не снимает (в смысле отрицания) ее понимания как общности, коллективности. В соборности главное все же не индивидуальность, а принадлежность духовному *единству*. Именно эти особенности обеспечили успех коммунистической пропаганды и позволили большевикам вовлечь огромные массы людей в исторический эксперимент, пер-

спективы которого соответствовали традиционным устремлениям русского человека: опять все вместе, опять к высоким целям. Светлое будущее, рай на земле, и притом для всех. Следует особо подчеркнуть, что стремление к построению «рая на земле» в сознании россиян несет, на наш взгляд, специфический аксиологический смысл: ценность его определяется не только и даже не столько ориентацией на земные блага, материальное обустройство, сколько возможностью достижения социальной справедливости – благополучия для всех.

Однако ценности, провозглашенные большевиками, могли увлечь умы и души, но не могли их удержать, могли стать стимулом движения, социальных изменений, но не могли выполнить функцию устойчивых духовных ориентиров – по причинам, уже случившимся в истории. Имеются в виду и лицемерие идеологов, аналогичное тому, что в свое время побудило Ф. Ницше обвинить христианство во лжи и фальсификации и назвать священника опаснейшим паразитом, и несовпадение целей и результатов: в социалистической действительности коллектив стал фактором не только взаимной поддержки людей (последнего отрицать нельзя), но и подавления отдельной личности. Коллективизм эволюционировал в тоталитаризм. Духовное единство обернулось запретом на инакомыслие и подавлением всего личностного, индивидуального. Наконец, практика социализма обнаружила несостоятельность продекларированных претензий не только на построение коллективного рая на земле, но и на обеспечение элементарного материального благополучия граждан. Все это не могло не подготовить условий для новой переоценки ценностей, которая и произошла в нынешний период истории нашего общества.

Впрочем, и здесь сказались особенности национального менталитета, в частности многократно упомянутый переход из одной крайности в другую. Как заметил еще в 2000 г. Ф.Х. Кессиди, «отказ от того, что являлось негативным (или казалось таковым) в прошлом, оборачивалось и оборачивается в наши дни решительным разрушением чуть ли не всего прошлого, а стало быть, разрывом связи времени и поколений, прерыванием собственной истории» [5, с. 88]. Следствием уничтожающей критики реального социализма стало то, что были дискредитированы и те высокие цели и ценности, которые им провозглашались и в определенной степени поддерживались. В результате в постсоветский период неблагополучной оказалась не только материальная жизнь, но и духовная жизнь лишилась каких-либо опор. В этих условиях возникла благоприятная возможность для восприятия чуждого. Неудивительно, что с первых шагов верхушечной революции, провозгласившей перестройку, произошла довольно быстрая эволюция сознания постсоветского общества, отмеченная существенными трансформациями во внутреннем мире личности, причем она значительно опередила все реальные социально-экономические изменения. Однако сфера духовного отличается важной спецификой: здесь невозможны мгновенные *коренные* изменения. Что изменилось на самом деле? Что означает так называемая «революция в умах»?

Для ответа на эти вопросы оказываются весьма интересными рассуждения и выводы Ф.Х. Кессиди о степени изменчивости менталитета народов, сделанные им на основе исследования древних греков. «Разумеется, – пишет он, – в ходе исторического развития данной этнической (национальной) общности, а также

под обратным влиянием сложившейся системы экономических отношений и политических структур, роли внешних обстоятельств... менталитет народа подвержен изменению (однако не в столь существенной степени, чтобы можно было говорить о преобразовании данного этноса в другой). Иначе говоря, в историческом развитии некоторые главные особенности характера и склада ума этноса остаются неизменными, а если и испытывают, то сравнительно незначительные изменения и преобразования» [5, с. 91]. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что сколько-нибудь серьезный анализ актуальной социокультурной ситуации не может не учитывать особенностей менталитета народа, которые с неизбежностью обнаруживаются во всех его исторических проявлениях.

Что дает данный методологический подход для понимания современной ситуации? В первую очередь он требует более осторожного, критического отношения к прямолинейным утверждениям о полной переориентации в системе ценностей россиян. Приведем хотя бы один аргумент. Сама по себе недостаточность материальных благ, отставание от Запада в уровне потребления еще не были фактором неизбежного крушения ценностей социализма. Почему? Потому что, несмотря на все отмеченные недостатки в советский период, так или иначе сохранялись и воспроизводились духовные ценности, отвечавшие базовым, фундаментальным интенциям основной массы населения. Это прежде всего справедливость, понимаемая как равенство всех в потреблении (различиями в материальном благополучии между «вождями» и массами по сравнению с бездной между «новыми» и «старыми» русскими можно пренебречь). Это и стабильность, обеспеченная гарантиями государства (выполнявшего все ту же спасительную роль общины), и, наконец, принадлежность великому целому – мощной державе (неважно, что индивидуальное потребление не удовлетворяет, зато показатели и престиж страны в целом высоки). Заметим, что значение этих базовых ценностей явно обнаружилось не в период социализма, а именно после его крушения. Оно было осознано, актуализировалось не только в ностальгических настроениях оказавшегося обманутым, обездоленным в результате приватизации народа, но и в новых откровениях бывших критиков советской системы, так называемых диссидентов.

По нашему мнению, бесполезно порассуждать о причинах этой новой (очередной) инверсии ценностей. Очевидно, речь идет не о возврате ценностей социализма, а об устойчивом приоритете в менталитете народа основных базовых (духовных) ценностей, которые, независимо от социальных модификаций, то есть от характера социально-экономических отношений, составляющих внешнюю оболочку духовной жизни, сохраняют свое субстанциональное значение, выступая системообразующим фактором всей социальной жизни общества и личности.

Обладает ли данный вывод эвристической ценностью? Есть ли в нем позитивный смысл? Иными словами, может ли он помочь преодолению духовного кризиса? Обратим внимание на следующее обстоятельство. Опасность современной ситуации очевидна и осознается всеми, в том числе высшим руководством страны. Однако попытки решить проблему старыми модернистскими методами, когда управляющая элита, якобы знающая, куда и как идти, направляет развитие общества, опираясь на ту или иную теоретическую конструкцию,

в настоящее время уже не могут иметь успеха. Дискурсивные практики исчерпали себя: слово, столь часто прикрывавшее очевидную ложь, утратило свою силу. Не случайно поиски национальной идеи, предпринятые в свое время официальными идеологами, не увенчались успехом: они осуществлялись не в том месте. Изменить духовно-нравственную атмосферу в обществе путем убеждения, апелляции к сознанию, воздействуя на сферу рационального, ныне уже невозможно («Бог умер!»).

Отметим лишь одну возможную «сферу влияния», которая имеет непосредственное отношение к трансформациям духовного мира личности. В сложившейся ситуации, думается, есть лишь один источник, на дне которого еще можно обнаружить живительную влагу человеческой духовности – внутренний мир человека, та самая характерная для российского менталитета, метафизичность, запредельность, глубоко затаившееся (запрятанное?) изначальное стремление к высшему, абсолютному – то, что Иван Ильин назвал «духовностью инстинкта». Эти глубинные пласты внутреннего мира, иррациональные в своей основе, могут быть пробуждены, активизированы только иррациональными же силами. Особая, исключительная роль принадлежит здесь искусству, и в частности музыке. Это утверждение может показаться утопичным, проявлением некоего романтического прекраснотворения. Однако признаки осознания важности указанной сферы уже налицо: об этом свидетельствует хотя бы предложенный министерством культуры Российской Федерации для обсуждения проект Программы развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 год, в котором продекларировано возвращение к традициям воспитания и образования, подчеркнута *особая роль музыкальной культуры* в формировании духовного мира человека, в развитии общества в целом [6].

Тезис об исцеляющей, очищающей роли искусства не нов и не оригинален. Но почему мы должны принимать во внимание только новое? Возможно, стоит обратиться к опыту и мудрости наших предшественников, размышлявших все о тех же вечных философских вопросах, что и мы. Не случайно в последнее время все чаще обнаруживаются неоконсервативные тенденции в современной философской и культурологической мысли не только в России, но и на Западе [7, с. 68–69]. Речь не идет о возможности нравственного исцеления общества посредством воздействия одного только высокого искусства, но о необходимости более пристального внимания к сфере культуры. Думается, наблюдающаяся духовная трансформация личности представляет собой более значимое для нашего будущего развития событие, чем сокращение объемов производства или снижение экономической эффективности.

В заключение отметим, что высокое искусство и так называемые высшие ценности никогда не будут реальным действенным ориентиром основной массы населения – все проявления и следствия «восстания масс» со времен Ортеги-и-Гассета и по сегодняшний день остаются в силе. Однако для сохранения и жизни культуры, для воспроизведения человеческого в человеке достаточно того, чтобы хотя бы часть (пусть очень небольшая) общества была носителем этих высших ценностей, которые задают образцы собственно человеческого бытия и устанавливают те самые пределы, выход за которые превращает челове-

ка в «обезьяну цивилизации». А это уже проблема культурной политики и практики государственного управления сферой культуры.

Библиографический список

1. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
2. Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценности. Саратов, 1997.
3. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга. М., 2003.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.
5. Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. 2000. № 6.
6. Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 год (проект). URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=59536
7. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.

Ya.V. Vedeneeva
**Trends in the Transformation
of Law Enforcement Service
in the Context of the Russian
Federation Public Service Reform**

The current conditions of reforming the system of law enforcement authorities are considered. The author analyzes the legal basis for the organization of law enforcement service and reveals the contradictions of rhetoric and practice of the transformation of one of the key agencies in the system of law enforcement institutions.

Key words and word-combinations: reform of the Interior Ministry, police, modernization, public service.

Рассматриваются условия реформирования системы органов охраны правопорядка. Анализируются законодательные основы, регулирующие вопросы организации правоохранительной службы? позволяющие выявить противоречия риторики и практики процесса трансформации одного из ключевых ведомств.

Ключевые слова и словосочетания: реформа МВД, полиция, модернизация, государственная служба.

УДК 342.56
ББК 67.7

Я.В. Веденеева

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Устойчивое состояние государства напрямую зависит от эффективной деятельности системы обеспечения его правоохранительной функции. В настоящий период в действующем законодательстве нет перечня, четко закрепляющего субъекты правоохранительной системы. Наряду с устоявшейся традицией использования понятия «правоохранительные органы» отсутствуют формальные основания определения тех или иных федеральных ор-

ганов исполнительной власти как таковые. Дуалистичность понимания сути правоохранительной деятельности порождает разрозненное восприятие этой обособленной по признаку профессиональной деятельности группы органов государственной власти.

Немаловажно адекватно оценить производимые изменения в области законодательства, прямо или косвенно регулирующего деятельность в сфере охраны правопорядка. В связи с этим в исследовательский фокус попала законодательная база, затрагивающая вопросы правоохранительной службы. Произведен социологический анализ ключевых нормативно-правовых актов, определяющих профессиональную деятельность в системе МВД.

Транзитивное состояние современного социума определяет механизмы трансформационных процессов различных сфер общества. Условия перехода от старых правил к новым формируют основание для пересмотра режимов функционирования институтов власти, что оказывает прямое воздействие на содержание деятельности профессиональных групп, задействованных в государственных институтах. Система органов охраны правопорядка призвана обеспечить функцию защиты граждан и их интересов. Сотрудники органов охраны правопорядка являются весьма специфической профессиональной стратой, подверженной изменениям, продуцируемым реформациями социума.

Согласно действующим нормативно-правовым актам правоохранительную службу следует понимать как «вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины» [1, ст. 7]. В процессе становления российского общества, после развала СССР органы охраны правопорядка были вынуждены соответствовать условиям времени и модифицировать собственные профессиональные компетенции, причем не всегда легально. Это нашло прямое отражение в формате взаимодействия представителей правоохранительных структур и населения. Анализируя профессиональную деятельность российского правоохранителя в постсоветском пространстве, можно выделить несколько периодов, определяющих понимание профессии. Современное положение профессионалов, задействованных в правоохранительной службе, определяется тенденцией соответствия западному образцу, что выражено в смене подхода к организации работы ведомства, пересмотре принципов деятельности, внедрении новых норм и правил, переименовании, переобмундировании сотрудников.

Реформа МВД становится весьма противоречивым феноменом, отражением происходящих в обществе событий, продолжением политики в сфере правоохранительных органов, проводимой ранее. Актуальной представляется рефлексия законодательной базы, регулирующей деятельность МВД, в динамике социокультурных изменений. Для получения представлений о преобразованиях, происходивших с правоохранительными органами, обратимся к социологическому анализу законодательной базы, прямо или косвенно регламентирующей профес-

сиональную деятельность служащих МВД (N=10). Социальная экспертиза законодательства позволяет выявить ключевые формально закреплённые изменения профессионального статуса служащих в органах охраны правопорядка.

В 1991 г. после распада Советского Союза все подразделения МВД СССР были переданы под контроль Российской Федерации с включением их в систему МВД России. Данные изменения закреплёны нормативно в Законе РФ № 1026-1 «О милиции», регулирующие работу органов внутренних дел вплоть до 2011 г. Рассмотрим подробнее положения законодательства, закрепляющие основные ценности и установки профессии милиционера в обозначенный период. Закон «О милиции» конструировал новое представление о сотруднике правоохранительных органов, соответствующее трансформациям, происходившим в российском обществе. Пункты нового законодательства продвигали идею демократизации, деполитизации, деуниверсализации милиции: «Деятельность милиции строится в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизма, гласности» [2, ст. 3]. Посредством нормативного акта постулируется проблема толерантности: «Милиция защищает права и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [2, ст. 5]. Законом утверждалась правовая и социальная защищённость граждан, например регламентировались социальные гарантии для сотрудников милиции: льготная оплата жилья, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатный проезд в транспорте. В. Черников отмечает: «Впервые в истории России во главе угла милицейской деятельности обозначились защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан» [3, с. 28].

Федеральный закон «О полиции» стал документом, породившим новую традицию законотворческого процесса – общественную экспертизу проектов федеральных законов [3, с. 27]. В Федеральном законе «О полиции» от 2011 г. появляются утверждения, направленные на изменения порядка повседневной деятельности сотрудников МВД. В частности, в Законе появилась статья, утверждающая «прозрачность» работы правоохранительных органов: «Граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права» [4, ст. 8]. Деятельность полиции становится открытой и предаётся публичной огласке, то есть социум регулярно информируется о работе МВД, в частности, посредством систематических ответов и сообщений пресс-секретарей: «Полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами» [4, ст. 8].

Если говорить об информировании на микроуровне, то можно отметить обязательные отчеты участковых полицейских перед гражданами, проживающими на подведомственной территории. Данные нововведения направлены на изменение сложившихся представлений общества о российском полицейском. Долгое время в социуме господствовали стереотипные суждения о сотрудниках правоохранительных органах, согласно которым МВД является весьма коррумпированной сферой, функционирование которой строится, благодаря личным связям: «Парадоксально, но сотрудники правоохранительных органов, призванные обеспечивать выполнение законов, сами же их нарушают» [5, с. 82]. Б. Гладарев делал следующие выводы относительно общественных представлений о работнике правоохранительных органов: «Собирательный портрет российского милиционера, каким он предстает в глазах населения сегодня, можно кратко представить следующим образом: это молодой человек 25–35 лет, выглядящий неряшливо, злоупотребляющий ненормативной лексикой, часто с агрессивным поведением, с зарплатой ниже прожиточного минимума и образованием в восемь классов, любящий выпить и берущий “по мелочи” взятки» [6]. Статья 8 рассматриваемого Закона должна содействовать укреплению самосознания самого служителя порядка. Систематические отчеты перед начальством и общественностью начинают нормировать легитимное поведение сотрудников полиции и минимизируют случаи обхождения закона ради личной выгоды.

Продолжает данную политику в сфере укрепления нового образа сотрудника правоохранительных органов статья Закона, освещающая основные аспекты, раскрывающие особенности формирования общественного доверия полиции. Мнение граждан признается приоритетным в вопросах оценки эффективности работы органов полиции, в связи с чем законодательство утверждает создание общественных советов, имеющих возможность высказать свои комментарии и предложения по проблеме совершенствования системы МВД: «Общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» [2, ст. 9]. Таким образом происходит налаживание обратной связи между полицией и обществом, которое можно рассматривать в качестве потребителей услуг, предоставляемых МВД. Нормативно-правовая база утверждает новую систему взаимодействия между полицией и населением. Патернализм, господствующий долгое время в отношениях между гражданином и служителем порядка, уступает место партнерству. Например, предусматривается возможность принесения извинений сотрудником правоохранительных органов гражданину в случае необходимости. Результатом подобных преобразований становится необходимость пересмотра ценностей профессии, что становится проблематичным для людей, которые имеют длительный опыт работы в системе МВД и привыкли руководствоваться иными установками. Например, в Законе появляется статья, раскрывающая особенности взаимодействия и сотрудничества полиции и государственных органов, местного самоуправления, общественных объединений, организаций и граждан. Взаимодействие в данном случае будет значить умение работать в команде, налаживать контакт с другими специалистами, осуществление межведомственного взаимодействия.

Нормативная база предписывает сотрудникам полиции высказывать мнения рекомендательного характера, а не оказывать влияние на решение, принимаемое командой в целом. Долгое время работа полиции носила авторитарный характер, в результате чего сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с проблемой трансформации установок в отношении подобных вопросов.

Статья об использовании достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем актуализирует такую ценность профессии, как совершенствование и самосовершенствование: «Полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру» [2, ст. 11]. Сотрудники полиции должны систематически обновлять багаж полученных знаний, проходить обучение и переобучение, быть в курсе современных технологий, владеть ими и применять в повседневной деятельности. Следовательно, профессия полицейского предполагает непрерывный процесс получения знаний, необходимых для осуществления данной деятельности. Сотрудник полиции должен быть готов к тому, что ему неоднократно будут рекомендовать улучшить свой образовательный уровень посредством обучения в вузе, ссузе или прохождения стажировки.

Значительно обновлен раздел, касающийся прав полиции, появились новые полномочия, которые, как правило, связаны с возможностью осуществления контроля за частной жизнью граждан, проживающих на территории Российской Федерации. Данный раздел закрепляет за профессией полицейского право участия в специфических ситуациях и решения этических проблем. Речь идет о возможности проникновения в жилые помещения, организации обыска, задержания, что, естественно, сопровождается этическими дилеммами, которые связаны со спецификой подобной деятельности. Сотрудники полиции в данном случае нарушают личные границы человека, вторгаются в его жизненный мир, трансформируют социальную реальность, которая конструировалась на протяжении многих лет. Столкновение с этическими дилеммами связано с необходимостью соблюдения конфиденциальности полученной информации, так как согласно закону сотрудники полиции ведут банк данных населения и имеют доступ к сведениям, касающимся частной жизни человека.

С одной стороны, закон наделяет сотрудников МВД правом следить за жизнью граждан, а с другой – сами полицейские начинают контролироваться государством. Вспомним, что Закон «О полиции» обязывает сотрудников правоохранительных органов предоставлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как своих, так и своих супругов. Соответственно, соглашаясь работать в органах внутренних дел, полицейские одобряют подобные вмешательства в пространство личной жизни.

Нововведения нормативного акта устанавливают определенные условия «вхождения» в профессию. В Законе описаны критерии, связанные со службой в полиции, которые становятся определенными барьерами для желающих работать в органах внутренних дел. Например, законодательно закреплён испытательный срок для желающих проходить службу в армии. Поступление на службу предваряется прохождением врачебной комиссии, которая оценивает физи-

ческие способности кандидата, его состояние здоровья, а когда показатели не соответствуют установленной норме, отказывает в получении желаемой должности. Границы профессии определяются и набором запретов, которые становятся своеобразными рамками для сотрудников полиции. Служители порядка не имеют права заниматься оплачиваемой деятельностью, которая финансируется из иностранных источников или лицами, не имеющими гражданства. Введение Закона ужесточает требования относительно разглашения информации к бывшим сотрудникам. Действующие сотрудники не имеют права публично высказываться о своей службе, в частности и работе полиции в целом. Противоречивость изучаемого законодательства заключается в том, что, с одной стороны, провозглашается «прозрачность» работы полиции, а с другой – налагается запрет на высказывание собственного мнения относительно деятельности государственных органов и их руководства. Закон предусматривает возможность объединения в профессиональные союзы, то есть появляется самоорганизация профессионального сообщества по определенным критериям, ценностям для преследования общей цели.

Следует подчеркнуть значимость проекта федерального закона о государственной правоохранительной службе Российской Федерации в формировании профессиональной культуры полицейских. Интерпретация законопроекта в сфере концептуализации Э. Хьюза позволит выделить особенности профессионализации полицейских. Анализ законопроекта показал, что в официальном дискурсе формируется представление об атрибутах, наполняющих повседневную деятельность сотрудника правоохранительных органов: «Сотрудникам выдаются служебные удостоверения, подтверждающие их личность, и жетоны с личным номером» [7, гл. 1, ст. 5]. Атрибуты службы в правоохранительных органах непосредственно связаны со спецификой работы, предполагающей опасные для жизни ситуации, в связи с чем ношение огнестрельного оружия легитимизируется посредством нормативных актов: «Сотрудники после прохождения соответствующей подготовки имеют право на постоянное ношение и хранение огнестрельного оружия и специальных средств» [7, гл. 1, ст. 5]. Символический багаж профессии предполагает определенные взаимодействия членов коллектива, которые можно назвать ритуальными. Примером может стать принятие присяги сотрудниками, впервые поступившими на государственную правоохранительную службу.

Законодательный акт предусматривает процессы обучения профессии: передачу функционально необходимого знания, навыков и умений, трансляцию ролей, особого профессионального прошлого. Граждане, которые впервые принимаются на должность, обязательно должны пройти первоначальную подготовку. Профессиональное обучение сотрудников правоохранительных органов представляет собой первоначальную, специальную, боевую, физическую и психологическую подготовку, периодическую проверку на пригодность. Процессы подготовки и обучения соотносятся с систематической аттестацией кадров, обязательное прохождение которой зафиксировано проектом: «В целях определения служебного соответствия сотрудника предъявляемым требованиям проводится служебная аттестация» [7, гл. 2, ст. 29].

Анализ законодательных основ показал, что на государственном уровне посредством нормативных актов формируется особая профессиональная культура сотрудников правоохранительных органов. Законодательная база фиксирует предложенные Э. Хьюзом концепты, свойственные профессиональной культуре. Особые когнитивные структуры сообщества раскрываются в позициях законодательных актов, формирующих предписания о способах взаимодействия сотрудников МВД и граждан. Нормативно-правовая база отражает особый распорядок и режим работы, предметную среду и материальную культуру профессии. Работа в МВД связана с секретностью, что прописано в пунктах законов, запрещающих высказывать мнение о работе правоохранительных органов. Вещной средой для сотрудника правоохранительных органов становятся удостоверение, жетон, огнестрельное оружие, форменная одежда. В законопроектах указаны механизмы доступа к профессии – прохождение медицинского освидетельствования, стажировки. Ценности профессии – совершенствование и самосовершенствование – поддерживаются через процессы обучения, переобучения и аттестации, что зафиксировано нормативными документами.

Главным выводом, сделанным по итогам анализа нормативных актов, организующих работу правоохранительных служащих стало предположение о том, что все изменения (датирующиеся периодом с 1991 по 2013 г.), происходящие в профессии сотрудника органов охраны правопорядка, продуцируются не тем, как меняются законы и внедряются новые положения, а изменениями, которые происходят в обществе. Посредством законодательной базы и реформ формируется профессиональная культура сотрудников правоохранительных органов, выгодная государству. Возможно, требования, которые сформулированы в разрабатываемых законах, predeterminedены не только институциональными интересами власти, но и меняющимися условиями социальной среды, составляющей область профессиональных интересов служащих нового «социального сервиса».

Библиографический список

1. О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58 (в ред. от 2 июля 2013 г.). М., 2013.
2. О милиции: Закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 (с изм. от 1 янв. 2011 г.). М., 2011.
3. Черников В. Закон о полиции: новеллы и преемственность // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 26–34.
4. О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3 (в ред. от 14 окт. 2014 г.). М., 2014.
5. Коленникова О., Косалс Л., Рыбкина Р. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 73–83.
6. Гладарев Б. Мутации дяди Степы // Нева. 2009. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/1/gl15.html>
7. Законопроект о государственной правоохранительной службе Российской Федерации. URL: <http://www.mirt-d.ru/pravoohran.html>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

E.S. Avdeeva, V.V. Varapaeva
Russia and Countries
of the Former Soviet Union:
Condition of Economies
and Foreign Trade
Communications in 2013

The main results of integration communications of 2013 in the former Soviet Union, such as mutual export and import of the countries, behavior of exchange rates, formation of a common market and a clustering of economic space are analyzed. Tendencies of development and strategic priorities of the countries and integration groups of this region are determined.

Key words and word-combinations: foreign trade communications, development strategy, export, import, integration group.

Анализируются основные итоги интеграционных связей 2013 г. на постсоветском пространстве, включающие взаимный экспорт и импорт стран, поведение курсов валют; формирование общего рынка и кластеризация экономического пространства. Определяются тенденции развития и стратегические приоритеты стран и интеграционных группировок евразийского региона.

Ключевые слова и словосочетания: внешнеторговые связи, стратегия развития, экспорт, импорт, интеграционная группировка.

УДК 338(1-773)
ББК 65.7

Е.С. Авдеева, В.В. Варапаева

РОССИЯ И СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИК И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В 2013 ГОДУ

В последнее время страны ближнего зарубежья, входившие в СССР, четко разделились на два лагеря: активно сотрудничающие с Россией и те, которые стараются прекратить данное сотрудничество. Создание максимально благоприятных условий международной коммерческой деятельности для национальных компаний путем заключения различного рода преференциальных торговых соглашений, образования торговых блоков и интеграционных объединений – главный вектор мировой торговой политики в последние десятилетия. В настоящее время большая часть международной торговли осуществляется в рамках региональных торговых соглашений, поэтому, учитывая эти тенденции развития мирового хозяйства, необходимо обеспечить привлекательность интеграционной перспективы группировок с учас-

тием Российской Федерации и придать мощный политический импульс для ее реализации. Регион постсоветских стран находится на пересечении стратегических интересов всех основных мировых центров силы, а потому борьба за сферы влияния в нем будет особенно сильной.

На территории бывшего СССР с 1990-х годов было создано достаточное количество интеграционных группировок: Союз Независимых Государств, Евразийское экономическое сообщество, Единое экономическое пространство, Организация за демократию и экономическое развитие, Союзного государства России и Беларуси, Таможенный союз (в рамках ЕврАзЭС). Союз Независимых Государств явился первой интеграционной группировкой на территории постсоветских государств и долгое время считалось наиболее эффективным образцом. Однако в настоящее время все активнее проявляют себя ЕврАзЭС и Таможенный союз, созданный на его основе. Именно подобное активное сотрудничество со странами бывшего СССР становится одним из вариантов обеспечения конкурентоспособности собственной продукции.

Замедляются темпы экономического роста стран – членов всех интеграционных группировок на постсоветском пространстве на фоне продолжающейся макроэкономической дестабилизации стран еврозоны, Китая и Соединенных Штатов Америки и внутренних системных ограничений. Вся мирохозяйственная система находится в неустойчивом состоянии: внутренние проблемы развитых стран (дисбаланс в финансовой сфере и госдолг, безработица и слабый совокупный спрос) в большой мере усугубляются негативными мировыми тенденциями после финансовой рецессии в ситуации некоторого экономического оживления. Умеренно пессимистичные прогнозы развития мировой экономики (в 2014 г. – 4%, темп роста развивающихся стран – 5,7%, развитых стран – 2,2%) [1] и вероятность появления новых негативных тенденций накладывают отпечаток на развитие стран рассматриваемых группировок.

В экономике стран СНГ в 2013 г. продолжается процесс взаимозависимости функционирования интеграционных группировок от глобальных макрофакторов, ситуации в мировой экономике в целом, а также ее отдельных частей и интеграционных группировок (ЕС и др.) и крупнейших игроков (США, Китай и др.), демонстрирующих наибольшие темпы роста в настоящее время.

За 2013 г. общий объем внутреннего валового продукта в целом по СНГ составил 2646,9 млрд. долларов США, что на 5,14% больше предыдущего года; объем промышленной продукции – 1669,9 млрд долларов, что на 5,77% больше аналогичного показателя предыдущего года; объем производства сельскохозяйственной продукции – 203,3 млрд долларов, что на 11,46% больше показателя предыдущего года; инвестиций в основной капитал – 553,4 млрд долларов, что на 34,68% больше показателя прошлого года; оборот розничной торговли – 977,5 млрд долларов, что на 9,73% больше аналогичного показателя 2012 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Важнейшие социально-экономические показатели стран СНГ,
млрд долларов США ***

Страна	ВВП	Промышленная продукция	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли	Продукция сельского хозяйства
Азербайджан	73,6	42,9	22,8	25,1	6,7
Армения	7,1 ¹	3,0	1,1	3,6	2,2
Беларусь	71	67,9	22,6	28,9	11,7
Казахстан	147,3 ¹	119,5	39,8	33,1	16
Кыргызстан	7,2	3,4	1,6	4,5	3,5
Молдова	5,9 ¹	–	0,7 ¹	2,8 ²	1,9
Россия	2095,8	1263,1	415,5	743,8	119,1
Таджикистан	8,5	2,1	1,2	2,4	3,5
Туркменистан	–	–	12,8 ¹	–	–
Узбекистан	56,8	29,2	13,2	22,7 ³	14,7
Украина	180,7	138,8	20,9 ¹	110,6	24

Примечание: ¹ январь – сентябрь 2013 г.; ² январь – ноябрь 2013 г.; ³ включая оборот предприятий питания.

Однако межстрановые сравнения в государствах интеграционной группировки невозможны без соотношения абсолютных показателей. Это сравнение будет неточным и не будет отражать реальной позиции стран в рамках СНГ, если учитывать абсолютные показатели развития, так как стартовые возможности стран, такие, например, как численность населения, различны. Поэтому рассмотрим основные социально-экономические показатели развития стран СНГ в среднедушевом параметре, опираясь на расчеты Статкомитета СНГ в соответствии со среднегодовыми курсами национальных валют к доллару США по данным национальных (центральных) банков стран СНГ.

Лидирующими странами по размеру ВВП на душу населения в 2013 г. стали: Россия (14 594,55 млн долл. США, что на 4,28% больше предыдущего года), Казахстан (8614,0 млн долл., что на 14,54% больше предыдущего года), Азербайджан (7747,36 млн долл., что на 6,0% больше уровня 2012 г.) и Беларусь (7473,6 млн долл., что на 14,51% больше уровня 2012 г.). В среднем по СНГ этот показатель в 2013 г. составил 5410,66 млн долларов США на душу населения, что на 16,03% больше уровня предыдущего года.

Средний рост ВВП по странам СНГ за 2013 г. составил 105,5%, что на 1,29% больше уровня 2012 г. Самые высокие темпы роста ВВП продолжает демонстрировать Туркменистан (110%), а также Кыргызстан (110,5%), Узбе-

* Расчет Статкомитета СНГ, сделанный исходя из среднегодовых курсов национальных валют к российскому рублю, доллару США и евро по данным национальных (центральных) банков стран СНГ.

кистан (108%), Молдова (108%). Однако необходимо отметить, что темпы роста по сравнению с 2012 г. уменьшились по всем странам. Россия, равно как и Беларусь, Украина, продолжает демонстрировать самые низкие параметры роста ВВП в пределах 100–102%. В 2013 г. все страны имели положительную динамику роста ВВП, а Кыргызстан и Молдова, демонстрировавшие отрицательные показатели в 2012 г., стали лидерами по темпам роста. Следует также учитывать, что рост экономики остается уязвимым от множества рисков, и один из основных – это риск еврозоны. В среднесрочной перспективе вызывают опасения высокие уровни долговых обязательств не только в еврозоне, но и в США и в Японии, а также различные другие риски.

Рассматривая этот показатель в динамике начиная с 2001 г., можно заметить, что в целом по сравнению с предыдущим годом наблюдается положительная динамика объемов ВВП в целом по экономикам стран СНГ. Однако страны до сих пор не вышли на докризисный уровень этого показателя. Данное обстоятельство является следствием влияния внешних факторов, а также многочисленных внутренних проблем как отдельных стран СНГ, так и в целом группировки, таких, как замедление темпов внутреннего спроса, медленный переход на инновационный путь развития экономик, и других.

Средний рост производства промышленной продукции в рассматриваемых странах составил 105,48%. При этом отрицательные темпы роста демонстрируют две страны: Беларусь (95,2%) и Украина (95,3%). Это может быть связано с низкой конкурентоспособностью их продукции на мировом рынке, а также с функционированием ряда стран в системе ВТО и отменой различных преференций и субсидирования. Наибольшие темпы роста наблюдались в Кыргызстане (134,3%), хотя в 2012 г. они были отрицательными, и в Узбекистане (108%). Это в первую очередь связано со сравнительно низкими данными по этому показателю за предыдущие годы.

Особый рост фиксируется в добывающей промышленности, а именно в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых (в среднем по странам 139,9%), затем следует обрабатывающая промышленность в области металлургического производства и производства готовых металлических изделий (118,1%), а также производство прочих неметаллических минеральных продуктов (113,42%). Отрицательную динамику демонстрируют следующие направления: производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (94,35%), производство машин и оборудования (94,36%), текстильное и швейное производство (95,04%).

Анализируя промышленную политику стран СНГ, их можно разделить на подгруппы в зависимости от состояния и источников поступлений в бюджет.

В первую группу следует включить страны – экспортеры энергоносителей: Россию, Казахстан, Азербайджан. Эта группа характеризуется значительной величиной экспорта топливно-энергетических ресурсов в ВВП. Страны обладают значительными финансовыми резервами, накопленными от реализации этих ресурсов в течение 2000–2007 гг. В основном бюджеты этих стран и их платежные балансы профицитны, что в первую очередь связано именно с данным источником доходов. Лидером по объему добычи и экспорта топливно-энерге-

тических ресурсов является Россия. Однако за последние три года объемы экспорта этих ресурсов не увеличились, а, напротив, постепенно снижаются или находятся на одном и том же уровне [2].

Вторая группа – страны, экспортирующие рабочую силу: Армения, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан, бюджеты которых в значительной степени финансируются благодаря поступлению средств трудовых мигрантов. Ресурсная база этой группы стран также богата ископаемыми для экспорта, однако их объем не настолько велик, чтобы стать основной составляющей экспорта. Данная группа характеризуется отрицательными торговыми балансами, дефицитными бюджетами, обусловленными трудностями со сбором налогов и зависимостью от внешнего финансирования.

Третья группа – страны с диверсифицированной структурой экспорта: Беларусь, Узбекистан, Украина. Их экспортный потенциал состоит из продовольствия, минеральных продуктов, химии, текстиля и т.д. Отличается эта группа от предыдущих тем, что здесь, наряду с ресурсным (сырьевым) экспортом, существует и большая доля продукции с высокой степенью переработки. Но поскольку продукция часто не выдерживает конкуренции на мировом рынке и объем продуктов с высокой степенью обработки невелик, то движение к инновационному развитию экономики находится в зачаточном состоянии и потому достаточно нестабильно и не может гарантировать стабильные поступления в бюджет. Следовательно, торговый баланс и бюджет могут быть как профицитными, так и дефицитными. Однако эти страны по основным социально-экономическим показателям ближе к первой группе, состояние их внешних балансов стабильнее, чем у второй группы, а бюджетная политика сильнее.

Средний рост объемов производства продукции сельского хозяйства в целом по СНГ составил 109,43% (в 2012 г. – 99,06%), что на 10,47% больше уровня предыдущего года. Резкое падение объемов производства сельскохозяйственной продукции в 2012 г. связано в первую очередь со вступлением России в ВТО. Например, по соглашениям ВТО разрешенный уровень государственной поддержки сельского хозяйства Российской Федерации составляет 4,4 млрд долларов США на 124 млн гектаров сельскохозяйственных земель. Для сравнения Китай с таким же объемом сельскохозяйственных земель имеет 147 млрд долларов государственной поддержки, а ЕС (объем сельскохозяйственных земель – 121 млн га) – 107,7 млрд долларов. Уровень разрешенной государственной поддержки в Российской Федерации ниже, чем в Японии, Швейцарии и других странах. Полностью отсутствует государственная поддержка экспорта сельскохозяйственной продукции (для сравнения в ЕС она составляет 15,48 млн долл. в год). По итогам функционирования России в системе ВТО, по ведущим сельскохозяйственным продуктам произошло резкое увеличение импорта и соответственно уменьшение экспорта. Так, обнуление пошлин в пределах квоты и снижение пошлин на 10% вне квоты на свинину ведет к значительному понижению рентабельности отечественных предприятий, а следовательно, и их банкротству, что обусловит рост импорта до 2 млн тонн в год. Снижение пошлины на сахар почти в 2 раза (до 140 долл. за тонну) сделает изготовление свекловичного сахара невыгодным, а значит, практически все производство (1,9 млн т в

год) будет замещено импортом тростникового сахара (до 1,9 млн т в год). Учитывая, что большинство молочных ферм работают на грани рентабельности или ниже ее пределов, снижение пошлин на 5–10% приведет к сокращению производства на 38% и росту импорта на 60% (до 47,5 тыс. т в год).

В 2013 г. предприятия стали приспосабливать свои производства к стандартам ВТО, что не могло не отразиться на качестве производимой ими продукции. Наибольший прирост объемов сельскохозяйственной продукции показали Молдова (38,3%), Украина (13,7%), Казахстан (10,8%). Отрицательный прирост наблюдается только в Беларуси (–0,4%). Лидерами по среднечеловеческому производству сельскохозяйственной продукции за 2012 г. являются Беларусь (1263,16 млн долл.), Россия (716,18 млн долл.) и Казахстан (710,06 млн долл.). Однако из них только Беларусь показывает положительные темпы роста по сравнению с 2011 г. (106,1%), а Россия (95,3%) и Казахстан (82,2%) – отрицательные.

Средний темп роста объемов инвестиций в основной капитал по странам СНГ за исследуемый период составляет 106,25%, что немного меньше темпов роста 2012 г. При этом максимальные темпы роста наблюдаются у Таджикистана (17,2%), Азербайджана (15,1%), Узбекистана (9,8%); отрицательные темпы роста у Украины (–12,3%), Армении (–8,1%), России (–0,3%). По данным 2012 г., лидерами по инвестициям в основной капитал являлись страны Таможенного союза России, Беларуси, Казахстана, но в 2013 г. они демонстрируют достаточно скромные достижения в этой сфере [2].

Рассматривая структуру инвестиций в основной капитал по источникам финансирования за 2013 г., можно отметить, что практически во всех странах СНГ преобладают собственные средства предприятий и организаций, составляя от 30 до 60% общего объема инвестиций. Исключением являются только две страны СНГ: Азербайджан и Таджикистан, где преобладает государственное финансирование основных средств: 43,8 и 42,1% соответственно. Небольшую долю от общего объема инвестиций в основной капитал составляют кредиты отечественных банков и заемных средств других организаций: от 0,5 до 16%. Исключением является Беларусь, где объемы подобных инвестиций составляют 20,9%, однако за последние годы также наблюдается динамика сокращения этих инвестиций более чем на 18%. Практически во всех странах СНГ значительны объемы инвестиций иностранных предприятий, а также кредиты иностранных банков (от 10 до 30%), причем динамика их объемов постоянно растет. Небольшими объемами этого источника инвестиционной деятельности характеризуется Российская Федерация: только 1,1% общего объема инвестиций являются кредитами иностранных банков. Средства населения являются также значительным источником инвестиционных поступлений Армении (29,6%), Кыргызстана (21,5%).

Сложившиеся в предыдущие периоды тенденции к укреплению большинства национальных валют стран СНГ по отношению к доллару США изменились: почти во всех странах курс доллара вырос по сравнению с 2012 г. Так, белорусский рубль ослабил свои позиции по отношению к доллару США на 7,18%, узбекский сумм – на 10,85%. Остальные валюты потеряли незначитель-

но – 2–3% [2]. Эта тенденция наблюдается уже несколько лет и может быть свидетельством плавной политики девальвации национальных валют и государственной поддержке национальных товаропроизводителей.

Так, мировые цены на основные статьи казахстанского экспорта в 2012 г. формировались на достаточно высоком уровне. В результате ситуация на внутреннем валютном рынке оставалась стабильной. Курс тенге в 2012 г. колебался в пределах 149,11–152,1292 тенге за доллар США. За 2013 г. обменный курс тенге ослаб к доллару в номинальном выражении на 2,02%.

Основной целью Национального Банка Республики Казахстан в 2013 г. являлось обеспечение стабильности цен в стране и удержание годовой инфляции в пределах 6–8%. Устойчивость национальной валюты позволила Национальному Банку Республики Казахстан нарастить международные резервы страны. За 2013 г. золотовалютные активы Национального Банка Республики Казахстан уменьшились на 3,6%. Данная динамика была в первую очередь обусловлена конвертацией тенговых поступлений за счет золотовалютных активов Национального Банка Республики Казахстан для пополнения валютных активов Национального фонда Республики Казахстан [3]. В Кыргызстане еще в 2012 г. произошло снижение производства на предприятии по разработке золоторудного месторождения «Кумтор», что стало причиной замедления экономического роста и обесценивания национальной валюты на 3,08% [4].

Таким образом, основными целями денежно-кредитной политики рассматриваемой группы стран стало удержание инфляции в пределах однозначных показателей в среднесрочном периоде. Национальные (Центральные) банки стран продолжают проведение интервенций с целью сглаживания резких скачков обменного курса национальных валют, не оказывая влияния на формирование общего тренда динамики обменного курса, задаваемого рыночными предпосылками.

В 2013 г. внешняя торговля стран СНГ осуществлялась на менее благоприятных условиях, чем 2012 г. И связано это было с нестабильной конъюнктурой мировых рынков сырьевых товаров, в первую очередь энергоносителей. В связи с замедлением мировой экономики продолжали снижаться спрос, а следовательно, и цены на основные экспортные товары стран Содружества, что коснулось прежде всего основы экспорта – энергоресурсов, черных и цветных металлов. При этом нестабильность сырьевых рынков в ряде стран СНГ, в частности из-за появления новых видов энергоносителей (например, сланцевого газа), подрывает деловой оптимизм. Эффективность государственного финансирования продолжает оставаться на низком уровне, а частный капитал, это касается в первую очередь России, покидает национальную экономику.

Внешнеторговый оборот уменьшился на 2,06%, экспорт в страны СНГ сократился на 7,64%, в другие страны – на 1,41%, импорт из стран СНГ уменьшился на 10,92%, однако из остальных стран увеличился на 2,06%. Таким образом, сальдо торгового баланса уменьшилось на 5,45%. К положительным тенденциям можно отнести то, что за исследуемый период сальдо во взаимной торговле со странами СНГ выросло в 3,3 раза. Однако необходимо отметить и рост импорта со стороны третьих стран в страны СНГ и уменьшение объемов

экспорта стран СНГ в третьи страны, что связано с недостаточной конкурентоспособностью товаров стран СНГ, а также их ресурсной направленностью (табл. 2).

Фактически структуры экономик и экспорта стран Содружества в 2000-х годах сближались, все более утрачивая взаимодополняемость и переходя в положение конкурентов, что также сильно снижало стимулы к интеграции. В общеполитическом плане утяжеление экономических структур СНГ, сопровождавшееся концентрацией производства и капитала, стимулировало процессы централизации политической власти, ее ориентацию на определенные интересы, зачастую не совпадающие с планами расширения и углубления регионального интеграционного сотрудничества вместе с Россией. В результате указанных процессов взаимная торговля стран СНГ развивалась в последние годы значительно медленнее, чем товарообмен с дальним зарубежьем.

Таблица 2

Внешняя торговля стран СНГ (в текущих ценах, млрд долл. США)**

Показатель	Январь – ноябрь 2012 г.			Январь – ноябрь 2013 г.			Январь – ноябрь 2013 г., % к январю – ноябрю 2012 г.		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		взаимная торговля стран СНГ	торговля с др. странами мира		взаимная торговля стран СНГ	торговля с др. странами мира		взаимная торговля стран СНГ	торговля с др. странами мира
Внешнеторговый оборот	1164,4	260	904,4	1140,4	235,9	904,5	97,9	90,7	100,01
экспорт	690,4	130,9	559,5	672,5	120,9	551,6	97,4	92,3	98,6
импорт	474,0	129,1	344,9	467,9	115,0	352,0	98,7	89,1	102,3
Сальдо торгового баланса	216,4	1,8	214,6	204,6	5,9	198,7	–	–	–

Крупнейшим экспортером является Россия. В целом по интеграционной группировке ее экспорт с 2000 г. вырос в 4,88 раза, а импорт 7,13 раза. Большинство стран СНГ имеют отрицательный торговый баланс: Украина, Беларусь, Молдова, Кыргызстан, Армения, Таджикистан. Наибольшее положительное сальдо торгового баланса у России, Казахстана и Азербайджана. Сальдо торгового баланса Российской Федерации связано с большими объемами экспорта топливно-энергетических товаров, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 74,5% (в январе – декабре 2012 г. – 73,0%).

Сальдо торгового баланса Российской Федерации за январь – декабрь 2013 г. сложилось положительное в размере 208,6 млрд долларов США (увеличение на

** Здесь и далее данные в целом по Содружеству приведены без учета Туркменистана и Республики Узбекистан. Информация по отдельным странам Содружества включает объемы экспортно-импортных операций с этими странами.

1,1 млрд долл.). При этом в торговле со странами дальнего зарубежья сальдо равнялось 176,4 млрд долларов (увеличение на 3,2 млрд долл.), со странами СНГ – 32,2 млрд долларов (снижение на 2,1 млрд долл.) (табл. 3).

Таблица 3

**Объем взаимной торговли товарами стран Содружества
в январе – ноябре 2013 г. (в текущих ценах, млн долл. США) [2]**

Страна	Экспорт	В % к январю – ноябрю 2012 г.	Импорт	В % к январю – ноябрю 2012 г.	Сальдо торгового баланса	
					январь – ноябрь 2012 г.	январь – ноябрь 2013 г.
Азербайджан	1417,4	129,3	2314,7	111,4	-981,1	-897,3
Армения	364,1	120,4	1216,8	100,5	-908,1	-852,7
Беларусь	21001,7	97,3	22719,6	82,1	-6079,6	-1717,9
Казахстан	9997,0	95,7	202858,7	101,5	-9534,6	-10288,7
Кыргызстан	738,9	91,9	2673,9	105,0	-1743,8	-1935,0
Молдова	853,5	100,0	1490,0	102,8	-595,8	-636,5
Россия	65866,6	91,1	37139,6	91,4	31658,1	28727,0
Таджикистан	218,3	97,8	1770,1	96,5	-1610,8	-1551,8
Украина	20367,7	87,4	25439,0	80,2	-8408,7	-5071,3

Так, во взаимной торговле стран СНГ, кроме России, сальдо торгового баланса отрицательное, хотя в некоторых из них наблюдается положительная динамика по экспорту (Азербайджан – 29,3%), (Армения – 20,4%); такая же положительная динамика существует и по импорту (Азербайджан – 11,4%), (Армения – 0,5%), (Казахстан – 1,5%), (Кыргызстан – 5,0%), (Молдова – 2,8%).

То же самое можно отметить и в торговле внутри Таможенного союза (ТС). В структуре экспорта из ТС в третьи страны преобладают минеральные продукты (72,4% от общего объема экспорта государств – членов ТС и

ЕЭП); металлы и изделия из них – 8,6% и продукция химической промышленности – 5,7%. В структуре импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства (48,3% от общего объема импорта государств – членов ТС и ЕЭП), продукция химической промышленности (15,6%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (12,9%). Со второго полугодия 2013 г. началось замедление сокращения взаимной торговли в ТС. Без учета минеральных продуктов взаимная торговля росла, но темпы роста замедлялись, по итогам года составив 1,2%. В торговле с третьими странами импорт на протяжении года рос, экспорт сокращался, причем обе тенденции замедлялись.

Таким образом, можно сделать вывод, что за исследуемый период усилились интеграционные связи внутри исследуемого региона, что выразилось в первую очередь в увеличении объемов межстрановых поставок внутри интеграционной группировки, единстве стратегических приоритетов развития как промышленного производства путем формирования кластеров экономического развития, так и

валютного регулирования и контроля. Однако, несмотря на положительные интеграционные итоги функционирования, необходима разработка базисного документа стратегического развития, который бы включал и объединял основы и тенденции стратегического развития стран интеграционной группировки.

Библиографический список

1. Перспективы развития мировой экономики // Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.imf.org/external/ns/loe/cs.aspx?id=67>
2. Межгосударственный статистический комитет СНГ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.cisstat.com>
3. Основные направления денежно-кредитной политики на 2013 год: постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Основные направления денежно-кредитной политики на 2013–2015 годы: постановление Национального банка Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

A.A. Zhumabaeva
Features of Public Service
Modernization
in the CIS Countries

Issues of the public service modernization in the CIS countries are studied. The experiences of forming and reforming the public service institution in the CIS are analyzed. The author reveals the historical and socio-political conditions of public service modernization in the CIS countries.

Key words and combinations: public service, CIS, civil service reform, modernization.

Рассматриваются вопросы модернизации государственной службы в странах СНГ. Анализируется опыт формирования и реформирования института государственной службы в странах СНГ. Автором выявлены исторические и социально-политические предпосылки модернизации государственной службы в странах СНГ.

Ключевые слова и словосочетания: государственная служба, СНГ, реформа государственной службы, модернизация.

УДК 342:35
ББК 67.401.02

А.А. Жумабаева

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В СТРАНАХ СНГ

Проблемы развития государственной службы, повышения качества оказываемых услуг населению актуальны не только для России, но и для других государств, в том числе стран – участниц Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Одной из ключевых проблем государственного управления практически для всех стран является поиск наиболее эффективных механизмов реализации задач и функций государства. Одним из таких механизмов государственного управления выступает государственная служба. Наиболее остро стоят проблемы качества госу-

дарственной службы и профессионализма государственных служащих, проблемы авторитета государства и государственных служащих в обществе и некоторые другие [1, с. 41]. Качество государственной службы, в свою очередь, напрямую определяется содержанием и масштабами процессов модернизации государственной службы [2, с. 3]. «Модернизировать», – отмечает Ю.Н. Старилов, – утверждает исключить из практики публичного администрирования устаревшие формы и методы управленческой деятельности; исключить из административного законодательства очевидно ненужные и тормозящие позитивное развитие институты; «обновить» административно-правовые институты на основе новейших рекомендаций с целью улучшения их юридического качества [3].

Проводимая в последние годы в странах СНГ модернизация государственной службы направлена на дальнейшее совершенствование государственной службы в соответствии с требованиями времени и задачами повышения конкурентоспособности государства. Глобализация экономических и культурных отношений и современные вызовы повысили важность эффективности принимаемых правительствами решений. Эффективность таких решений, в свою очередь, в значительной степени определяется уровнем профессионализма государственного аппарата. Как отметил председатель Агентства по делам государственной службы Республики Казахстан А. Байменов, «при глобальной конкуренции качество работы государственного аппарата выступает ключевым фактором конкурентоспособности стран, в том числе в создании благоприятного инвестиционного климата, условий для бизнеса и обеспечения траектории устойчивого развития. Недавние кризисы еще более актуализировали проблему повышения качества государственного регулирования, напомнив, что наряду с невидимой рукой рынка важное значение имеет видимая рука правительства, ответственная за своевременное реагирование на возникшие вызовы» [4, с. 21].

Развитие государственной службы, приведение ее в соответствие с возрастающими ожиданиями граждан, особенно в условиях широкого распространения Интернета и социальных сетей, являются важнейшими приоритетами деятельности любого правительства. Приоритетные направления реформ государственной службы зависят от различных факторов. Прежде всего, эти направления в каждой стране определяются исходя из анализа собственных специфических проблем, продиктованных стратегическими приоритетами, уровнем демократизации общества. Однако некоторые вызовы связаны как с глобальными факторами, носящими универсальный характер, так и с некоторыми региональными факторами, обусловленными общностью истории, культуры и традиций.

Темпы реформ, а также уровень развития государственной службы определяются ролью самого государства, степенью демократизации общества, уровнем социально-экономического развития. В наиболее развитых странах накоплен богатый теоретический и практический опыт реформ, законодательство о государственной службе детально разработано, действуют специальные государственные органы, охватывающие те или иные аспекты деятельности государственных служащих.

Если в странах дальнего зарубежья проблемы государственной службы решаются преимущественно эволюционным путем, то в странах СНГ эти проблемы

пришлось решать в ускоренном порядке. Законодательство о государственной службе в этих странах находится на ранней стадии своего развития. Первые специальные законы о государственной службе приняты в середине 1990-х годов, когда многие страны постсоветского пространства решали задачу реформирования системы государственного управления и профессионального аппарата, приспособления его деятельности к условиям рыночной экономики.

Правовое регулирование общественных отношений в области государственной службы осуществляется нормами конституций и специальных законов. В конституциях государств – участников СНГ закреплён круг субъектов, обладающих правом поступления на государственную службу. Так, в ч. 2 ст. 55 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. предусмотрено право граждан Республики служить в государственных органах. При этом должностные лица государственных органов назначаются из числа граждан Азербайджанской Республики. Иностранцы и лица без гражданства могут приниматься на государственную службу в установленном законом порядке. В соответствии с ч. 4 ст. 33 Конституции Республики Казахстан граждане Республики имеют равное право на доступ к государственной службе. Требования, предъявляемые к кандидату на должность государственного служащего, обуславливаются только характером должностных обязанностей и устанавливаются законом. Статья 52 Конституции Кыргызской Республики гарантирует для граждан Кыргызстана равные права и возможности при поступлении на государственную и муниципальную службу, продвижении в должности в порядке, предусмотренном законом.

Не всегда в этих странах обеспечивается последовательность и преемственность реформ. Недостаточно научных разработок в сфере государственного управления и государственной службы, что обусловлено рядом исторических причин. В связи с этим для стран СНГ важно наращивать потенциал собственных научных исследований и создавать базу для исследований, а также активизировать обмен накопленным опытом.

В настоящее время не во всех странах созданы специальные органы по вопросам государственной службы. Однако опыт некоторых государств – участников СНГ показывает, что существование специальных органов в сфере государственной службы является традиционным. Так, в Казахстане в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 18 сентября 1998 г. «О мерах по дальнейшей оптимизации системы государственных органов Республики Казахстан» образовано Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы. В Республике Армения специальным органом управления гражданской службы является Совет по гражданской службе, «который занимает более важное положение в структуре государственного управления, чем, например, министерство» [5, с. 140]. В Азербайджанской Республике также создан Совет управления государственной службой, который не является государственным органом, а его члены (18 человек, назначаемые Президентом, Председателем Милли Меджлиса (Парламента) и Председателем Конституционного Суда) осуществляют свои полномочия на общественных началах [6, ст. 5]. В Кыргызстане создана слаженная система управления государственной службой, включающая Совет по государственной службе, государственную кадровую службу,

институт статс-секретарей и службы управления персоналом государственных органов [7].

Современный период развития Российской Федерации характеризуется системным реформированием государственно-служебных отношений, в связи с чем использование передового зарубежного опыта как в сфере правового регулирования служебных отношений, так и в системе организации государственной службы позволит более эффективно решать стратегические и текущие задачи административной реформы и реформы государственной гражданской службы [8, с. 39].

В настоящее время в России создана нормативная база для государственной гражданской службы; получает свое дальнейшее развитие система профессионального обучения государственных и муниципальных служащих; функционируют механизмы противодействия коррупции в системе государственной службы; создана инфраструктура для информатизации системы государственной и муниципальной службы; начали действовать механизмы оценки работы государственных органов. Наряду с этим существует и ряд проблем развития государственной службы. Среди них А.И. Турчинов выделяет следующие: «недостаточная теоретическая проработка реформы; отсутствие эффективного управления государственной службой; слабое информационное обеспечение, экспертная кулуарность, отсутствие учета общественного мнения; децентрализация задач реформы и развития госслужбы; отставание нормативно-правового обеспечения; проблемы кадрового обеспечения; реформа как арена столкновения интересов различных субъектов; размытость полномочий государственных органов; некритическое отношение к зарубежному опыту; жесткая зависимость от политической ситуации» [1, с. 47]. Причинами указанных проблем автор называет прежде всего протекционизм, формальное применение многих норм законодательства о государственной и муниципальной службе, снижение уровня профессионализма.

В Республике Казахстан в результате реформ сформирована модель государственной службы, которая, по мнению международных экспертов, соответствует современным международным стандартам. В начале 2000-х годов Казахстан признан лидером реформ в сфере государственной службы в регионе. В 1998 г. в Республике создано первое среди стран СНГ Агентство по делам государственной службы с территориальными подразделениями, образована Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

Законом Республики Казахстан «О государственной службе» впервые на постсоветском пространстве осуществлено разделение государственных служащих на политических и административных, предусмотрена защита административных государственных служащих при смене политических государственных служащих, введен обязательный конкурсный отбор на административные государственные должности. С начала 2000-х годов более 550 тыс. граждан приняли участие в конкурсах для занятия вакансий в государственных органах, при этом около 130 тыс. из них назначены на должности [4, с. 23].

В 2012 г. в Стратегии «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства» определены приоритеты нового этапа реформ и обозначены ключевые индикаторы реформ, к которым отнесены: повышение уровня

доверия населения к системе отбора и продвижения кадров; повышение уровня доверия самих государственных служащих к соблюдению принципа меритократии; повышение уровня удовлетворенности граждан качеством и доступностью государственных услуг.

С внесением 26 марта 2013 г. принципиальных изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О государственной службе» создана Национальная комиссия по кадровой политике при главе государства, принят ряд подзаконных актов. Сформирован управленческий корпус «А», усовершенствованы институты и механизмы управления персоналом, механизмы проведения конкурсного отбора и формирования кадрового резерва, законодательно введены понятия оценки качества работы государственных служащих, стажировки, наставничества, карьерного планирования, ротации. Впервые в Закон «О государственной службе» включена отдельная глава по соблюдению служебной этики и антикоррупционному поведению.

В 1999 г. принят первый Закон Кыргызской Республики «О государственной службе», заложивший правовые основы профессиональной деятельности в органах государственного управления. В 2004 г. с принятием нового Закона «О государственной службе» и Закона «О муниципальной службе» заложены концептуальные основы для функционирования государственной службы нового типа, соответствующей международной практике организации управления, отделившей политику от профессиональной деятельности. В этот период создана система управления государственной службой, включающая в себя Совет по государственной службе, государственную кадровую службу, институт статс-секретарей, а также службы управления персоналом государственных органов. Учреждение в 2004 г. института статс-секретарей государственных органов, ответственных за проведение политики в сфере государственной службы в министерствах и ведомствах, стало принципиальным новшеством. Утверждены также реестры должностей государственной службы и муниципальной службы с разделением на политические и административные должности. Внедрена система конкурсного отбора для государственных и муниципальных служащих, занимающих административные должности. Образованы Национальный резерв и внутренние резервы кадров государственных служащих.

Принятие в 2010 г. новой Конституции Кыргызской Республики, ознаменовавшей переход к парламентской форме правления, выдвинуло ряд новых требований к качеству государственной и муниципальной службы. Тогда же законодательно определены квалификационные требования к государственным и муниципальным служащим, а поступление на работу в государственные и муниципальные органы стало осуществляться путем конкурсного отбора.

На современном этапе происходит реализация Концепции модернизации государственной службы Кыргызской Республики, утвержденной в 2011 г. Указом Президента Республики. Директор государственной кадровой службы Кыргызской Республики А.А. Карашев выделил «одиннадцать шагов модернизации государственной службы Кыргызстана». Так, основными направлениями модернизации государственной службы являются: переход на стратегическое планирование деятельности государственной кадровой службы Кыргызской Респуб-

лики; укрепление института статс-секретарей; дальнейшая профессионализация государственной службы в условиях парламентаризма, связанная с сокращением количества политических должностей с переводом части из них в разряд административных; оптимизация системы должностей государственной и муниципальной службы путем унификации ряда государственных и муниципальных должностей со сходными функциями и полномочиями, выравнивания по вертикали и горизонтали должности с сопоставимым объемом полномочий, статуса государственных и муниципальных административных должностей для лучшей карьерной мотивации, ротации государственных и муниципальных служащих; разработка новых типовых квалификационных требований по новой иерархии административных должностей, типовых должностных инструкций работников органов государственного управления и местного самоуправления, разработка нового базового интегрированного Закона «О государственной и муниципальной службе», который должен закрепить намеченные преобразования и способствовать развитию государственной и муниципальной службы [9, с. 49–55].

Основные элементы системы государственной службы в Азербайджане закреплены в Законе Азербайджанской Республики «О государственной службе». Закон распространяется на служащих, проходящих государственную службу в органах исполнительной, законодательной и судебной власти. При этом порядок прохождения государственной службы лицами, занятыми на государственной службе в органах прокуратуры, юстиции, национальной безопасности, обороны, чрезвычайных ситуаций, пограничной службы, миграционной службы, внутренних дел, таможи, налогов, иностранных дел и фельдъегерской связи, в Центральном банке Азербайджанской Республики, регулируется иными законами Азербайджанской Республики. Служба в этих органах является особым видом государственной службы. После принятия указанного Закона создана обширная правовая база, учитывающая мировую практику. Среди принятых следует особо отметить законы «Об обязательном страховании государственных служащих», «О правилах этического поведения государственных служащих», «О борьбе с коррупцией». В настоящее время ведется работа над созданием Кодекса государственной службы.

Основу правового регулирования государственной службы Республики Армения составляет закон Республики Армения от 27 декабря 2001 г. «О гражданской службе», которым урегулированы правоотношения лишь в одном виде государственной службы – гражданской службе, под которой подразумевается профессиональная деятельность, которая независимо от изменения политических сил осуществляется в законодательно установленных государственных органах [5, с. 8]. Специфика правового регулирования государственной службы Республики Армения заключается в том, что наряду с ней к общественной службе отнесены: осуществление политики, служба в органах местного самоуправления, гражданская работа в государственных органах и органах местного самоуправления. В свою очередь, государственная служба включает в себя гражданскую службу, судебную службу, специальную службу в республиканских исполнительных органах обороны, национальной безопасности, внутренних дел, налоговых, таможенных органах, органах по чрезвычайным ситуациям, а также дипломатическую и иную службу, предусмотренную законами.

Республика Беларусь, как и другие постсоветские государства, после обретения государственного суверенитета по-своему урегулировала вопросы государственной службы, отразив их в Законе Республики Беларусь от 23 ноября 1993 г. «Об основах службы в государственном аппарате». В настоящее время в основе республиканского законодательства о государственной службе лежит Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. «О государственной службе в Республике Беларусь». Следует указать на большое количество нормативных правовых актов в данной сфере правового регулирования. Совокупность актов по вопросам государственной службы отличается громоздкостью, а упомянутый Закон не выполняет роль системно-базового акта, закрепляющего единую методологическую основу правового регулирования государственной службы [10, с. 5–6].

Таким образом, как показывает анализ, уровень развития законодательства о государственной службе в странах СНГ разный. Если одни страны находятся на стадии глубоких преобразований, то другие – на этапе их завершения или модернизации государственной службы. Состояние системы государственной службы характеризуется динамичностью реформ в этой области.

Следует подчеркнуть, что результативность процесса модернизации государственной службы в странах СНГ существенно зависит не только от таких факторов, как управляемость этим процессом, но и от интенсивности обмена опытом проведения реформ, в ходе которого выявляются общие проблемы правового регулирования производимых преобразований в системе государственной службы, осуществляется поиск новых, более эффективных механизмов организации государственной службы. Несмотря на то что Россия имеет свой собственный путь развития, опыт стран СНГ по реформированию и модернизации государственной службы должен быть учтен при административной модернизации системы государственной службы.

Библиографический список

1. Турчинов А.И. Государственная служба России: состояние и проблемы развития // Региональный Хаб в сфере государственной службы в Астане: электронный журнал. 2013. Октябрь. № 1 (01). С. 41–46. URL: http://www.regionalhub.org/Portals/0/Documents/Publications/2013_01_Regional-Hub.pdf
2. Рюден Е.Ю. Административно-правовое обеспечение службы полиции (милиции) в федеративном демократическом государстве в условиях административной модернизации: сравнительно-правовая характеристика ФРГ и РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Старилов Ю.Н. Влияние Конституции Российской Федерации на административное право: проблемы модернизации. URL: <http://applaw.knu.ua/index.php/holovna/item/308-vliyanie-konstitutsii-rossijskoj-federatsii-na-administrativnoe-pravo-problemy-modernizatsii-starilov-yu-n>
4. Байменов А. Модернизация государственной службы: вызовы и решения // Региональный Хаб в сфере государственной службы: электронный журнал. 2013. Октябрь. № 1 (01) С. 21–27. URL: http://www.regionalhub.org/Portals/0/Documents/Publications/2013_01_Regional-Hub.pdf
5. Овсепян О.А. Правовое регулирование государственной службы Республики Армения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
6. Об утверждении Положения о Совете управления государственной службой Азербайджанской Республики: Закон Азерб. Респ., 29 марта 2002 г., № 283-III: текст по сост. на 2 июня 2008 г. // Компания «СоюзПравоИнформ: законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=2572&oidn=_1UL0W90M4#_1UL0W90M4

7. *Караев А.* В Кыргызстане создана сложенная система управления государственной службой. URL: <http://www.kabar.kg/rus/society/full/55709>
8. *Хайретдинов Р.А.* Административно-правовое регулирование государственной службы в странах СНГ: сравнительный анализ // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9 (52). С. 39–41.
9. *Караев А.А.* Государственная и муниципальная служба Кыргызстана: из опыта прошлого к перспективам развития // Региональный Хаб в сфере государственной службы: электронный журнал. 2013. Октябрь. № 1 (01). С. 47–55. URL: http://www.regionalhub.org/Portals/0/Documents/Publications/2013_01_Regional-Hub.pdf
10. *Чуприс О.И.* Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Минск, 2009.

D.T. Pashaev
Regional Features of the National Policy of Tsarist Russia in the Transcaucasia

The specifics of the national policy of the Russian Empire in Transcaucasia is considered. Religious and ethnic uniqueness of the Caucasian peoples that were a part of the Russian Empire is analyzed. It is proved that during the conquest of Transcaucasia and the establishment of its authority in the region Russian government applied all measures for its involvement in the economic and cultural system of the empire.

Key words and word-combinations: national policy, Transcaucasia, the Russian Empire.

Рассматривается специфика национальной политики Российской империи в Закавказье. Анализируется религиозное и этническое своеобразие кавказских народов, входивших в состав Российской империи. Доказывается, что в процессе покорения Закавказья и установления своей власти в этом регионе русское правительство применяло все меры для его вовлечения в экономическую и культурную систему империи.

Ключевые слова и словосочетания: национальная политика, Закавказье, Российская империя.

УДК 94(47)“17/1917”
ББК 63.(2)5

Д.Т. Пашаев

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Исторически Российское государство складывалось как многонациональная держава, что обуславливало особую значимость национального вопроса во внутренней политике [1]. Важнейшим показателем успешности национальной политики становится урегулирование и гармоничное сочетание потребностей всех этносов и народов, относящихся к конкретной стране, а также создание для их развития материальной и правовой основы.

Свою специфику приобрела национальная политика России на Кавказе в XIX в. Процесс вхождения закавказских территорий занял по времени более четверти века. Еще в 1783 г. был подписан договор о протекторате, создававший очевидную возможность для укрепления со стороны Российского государ-

ства намерений по инкорпорации Восточной Грузии, что в 1801 г. и произошло: к России была присоединена Картли-Кахетия. В том же году была сформирована Грузинская губерния. Абхазское княжество до завершения Кавказской войны обладало суверенитетом, а с 1864 по 1918 г. Абхазия напрямую подчинялась российской администрации. Азербайджан, как Иран, с середины VII в. прошел процесс исламизации, а также принудительное насаждение шиитского толкования ислама во время царствования Сефевидов в XVI в. Однако в начале XIX в. в истории Азербайджана произошло очередное ключевое событие в социально-политической жизни, изменившее направление развития государства и общества – управление перешло к европейскому государству.

Одной из важных проблем, на которую следует обратить внимание, является национальное определение закавказских народов в Российской империи. В начале XIX в. в правительственных документах России все население, исповедующее мусульманскую религию, определялось общим термином «мусульмане», из-за чего появлялась необходимость в дополнительной его идентификации по языковому, географическому и иным характерным признакам. С. Броневской, российский ученый XIX в., выделял в Закавказье две основные группы жителей: мусульман и христиан. Мусульман он, в свою очередь, подразделял на шиитов и суннитов, а христиан – на «последователей Греко-Восточной веры (грузины, имеретинцы, гурийцы, мингрелы, часть жителей Ахалцихского пашалыка) и Армянской веры, коими являются только армяне» [2, с. 27–29]. Тюркоязычных же мусульман Восточного Закавказья, как указывал историк XIX в. Н.Ф. Дубровин, нередко называли просто татарами [3, с. 334]. Вместе с тем часто употреблялось и другое определение – турки. В Закавказье приверженцев мусульманской религии называли татарами или турками. В начале XX в. согласно официальным источникам, в России насчитывалось примерно пятнадцать миллионов мусульман [4, с. 40].

Показателями национальной политики Российской империи стали особенности включения закавказских территорий в состав Российской империи, происходившего в начале XIX в. Указом от 24 июня 1822 г. Кавказская губерния превратилась в область. Это решение стало частью политики, направленной на постепенную ликвидацию ханств, которые переименовывали в дистанции, округа или провинции. После русско-иранских войн, происходивших с 1804 по 1813 г. и с 1826 по 1828 г., Азербайджан был разделен по реке Аракс [5; 6]. Начиная с того момента, Российская империя неизменно, разными методами и в разной степени, существенно влияла на ближневосточное, тюркоязычное и исламское традиционное общество этой страны.

Одним из результатов Туркманчайского договора, заключенного в 1828 г., стала отмена царским правительством в Восточной Армении ханской административной системы. Армянская область была создана в начале 1828 г. и первоначально делилась на Нахичеванский и Эриванский уезды, а также Ордубадский округ. Областное управление, во главе которого стояли царские чиновники, занималось уголовно-судебными, административными и хозяйственными вопросами.

В результате новых административных преобразований, направленных на укрепление царской власти на Кавказе, в 1849 г. в числе прочих была сформирована Эриванская губерния, включавшая в себя Ордубадокий, Норбазетский,

Александропольский, Нахичеванский и Эриванский уезды. Другие районы Восточной Армении вошли в состав Елизаветпольской и Тифлисской губерний. В таком виде административное деление просуществовало до 1917 г.

После присоединения новых территорий и включения их в административную систему перед Российской империей встал вопрос о том, как укрепить свою власть в Закавказье. В зависимости от вариантов решения данного вопроса выделяются две основные школы. Одна, прагматичная, предлагала, учитывая местные традиции, делать ставку на квазиавтономный регионализм. Другая доказывала обязательность единообразия, централизации и неизбежной русификации. В последующем ни одна из данных точек зрения не стала преобладающей, и при каждой последующей смене курса политики государства в Закавказье подобные споры вспыхивали с новой силой. Регионалистский подход превалировал в 1840-е годы, следствием чего стало установление Кавказского наместничества. Вся ответственность в регионе за гражданские и военные дела от центральной власти делегировалась наместнику, наделенному правом непосредственного доклада царю. Первым наместником стал граф М.С. Воронцов, следовавший тактике кооптации местных элит, а не ассимиляции и интеграции [7, с. 8; 8, с. 43].

В тех исламских областях Кавказского региона, где обедневшие беки и аги утрачивали свое влияние, М.С. Воронцов стремился формировать новую верхушку общества, давая ей статус, схожий со статусом общероссийского дворянства. Это было подтверждено Декабрьским рескриптом 1846 г. Следуя данной политике, царизм активно вовлекал в гражданскую службу вновь формируемое мусульманское дворянство, привлекая в чиновничество «всех сыновей аг и беев, которые могут доказать свое благородное происхождение». Кавказские образовательные программы положили начало появлению местного класса профессиональных бюрократов, которые получали образование в «русско-татарских» школах, ставших новым элементом в традиционных обществах [9, с. 43–56]. В 1865 г. после отставки М.С. Воронцова, наметился плавный отход от примирительной политики, присущей ему. И несмотря на то что во время великих реформ 1860–1870-х годов в самой Российской империи активно шли процессы децентрализации и либерализации, в Закавказье параллельно проводилась политика «органического слияния» с Россией. Исторический маятник отклонился в сторону интеграционистской позиции, в 1880-е годы наместничество было отменено (было восстановлено лишь в 1905 г.).

Важно, что в процессе покорения Закавказья и установления своей власти в этом регионе русское правительство применяло все меры для его вовлечения в экономическую и культурную систему империи. Однако повинности и подати отменены не были, а самоуправство главнокомандующих оставалось практически неограниченным. В Закавказье случались злоупотребления, нередко относимые к национальному угнетению. По данному суждению в исторических трудах исследователей, представляющих разные исторические национальные школы, сколько-нибудь серьезных противоречий не наблюдается.

Российские власти, расширяя права местных помещиков и тем самым укрепляя на местах свою социально-политическую опору, принимают ряд законов, призванных усилить зависимость крестьян от землевладельцев. Естественным

следствием подобной политики стали крестьянские волнения, на которые центральная власть ответила расширением и усилением административного аппарата.

Созданный в 1833 г. «Комитет об устройстве Закавказского края», фактически представлял собой наместничество. С 1833 г. согласно решению Государственного совета «О правилах для управления Армянской областью» указанная область разделялась на следующие округа: Мурмалинский, Сардарпатский, Шарурский и Эриванский. Судопроизводство и управление в округах осуществлялось русскими военными и гражданскими чиновниками [10, с. 188]. На государственную службу представители коренных народов Закавказья не принимались. Лишь в Грузии к государственной службе допускались члены дворянских или княжеских фамилий.

13 мая 1833 г. Государственный совет Российской империи утвердил постановление об изменении в Закавказье структуры управления. Данные преобразования были направлены на то, чтобы ввести на территории «природное русское дворянство», которое «одно в состоянии составить верный надзор, политическую и гражданскую связь между Россией и Закавказским краем», предписывалось «раздать все конфискованные имения и земли... природным русским дворянам»; усилить дворянство в армянских и мусульманских провинциях в связи с тем, что «дворянство есть необходимая принадлежность самодержавного государства» [7, с. 280–294].

Переселение в Закавказье из внутренних губерний Российского государства крестьян и сектантов должно было сгладить социальные противоречия, наблюдавшиеся в центральных регионах страны. Однако политика наделения колонистов землями и противопоставление переселенцев коренным народам не увенчалась успехом: колонисты, несмотря на подразумеваемую покровительственную программу со стороны местных властей, подвергавшиеся социальному гнету, не превратились в надежную опору царизма. Антицаристские выступления привели вскоре к закрытию на национальных окраинах учебных заведений, а также к усилению надзора над печатью. В Закавказье политика власти встречала у местного населения неодобрение. Даже некоторые видные представители феодального класса стали организаторами и инициаторами антиправительственных движений [11, с. 181–182].

В целом при всех существовавших противоречиях присоединение к России Грузии, Азербайджана и Армении позволило жителям данных регионов устранить политическую раздробленность. Данные территории были включены в единый общероссийский рынок, а значит, и в мировую экономику. В Российском государстве население не преследовалось по национально-религиозным мотивам, удалось избежать и феодальных опустошительных конфликтов. Так, в 1840-х годах количество жителей в Восточной Армении, если сравнивать с началом XIX в., фактически удвоилась благодаря происходившему притоку армян. Это лучшее свидетельство того, что в Российской империи были созданы условия для совместного существования закавказских народов, для их дальнейшего численного роста и эффективной национальной консолидации страны.

Политика России сказалась на том, что в 1860–1870-е годы экономическая жизнь Закавказья существенно оживилась, активно развивалась внешняя и внутренняя торговля, отмечался рост товарно-денежных отношений. Это стало возможным благодаря широкому притоку на Кавказ русского капитала. Российский капитализм в пореформенный период приобщал Кавказ к мировому рынку, унич-

тожая следы патриархальной замкнутости. Также в экономику Закавказья начал проникать и иностранный капитал (в основном немецкий, французский, голландский и английский), были построены предприятия меднорудной и нефтяной промышленности, заводы по производству коньяка, вин, кожи, переработке хлопка и другие. Описанные процессы вели к резкому увеличению городского населения и существенному расслоению среди крестьянства. Шло масштабное дорожное строительство. Железная дорога Батум – Тбилиси – Баку начала работать в 1883 г., а в 1899 г. открылась дорога Карс – Александрополь – Тбилиси.

Характеризуя общие тенденции в национальной политике Российской империи со второй половины XIX в., можно выделить следующие особенности. Все народы являлись носителями государственности, российское законодательство формально практически не имело правовых ущемлений по национальному признаку. Центральная власть старалась крайне осторожно вмешиваться в дела национальных окраин, которым предоставлялись, например, такие привилегии, как сохранение местных вероисповеданий или шариатского суда у мусульман, освобождение от всеобщей воинской повинности неправославного населения или от крепостной повинности. При этом ущемление в правах применялось, исходя из степени владения государственным, то есть русским языком и конфессионального признака. Конфессиональные отличия, как правило, соответствовали национальным, из-за чего подобные ограничения вполне можно отнести к национальной дискриминации.

В истории Российской империи не было юридически доминирующей нации, не было факта «метрополий» или же открытого притеснения «нерусских» во благо наиболее многочисленного русского этноса. Это редчайший пример в мировой истории, когда под многовековым владычеством империи не был уничтожен ни один из народов.

Религиозное и этническое своеобразие кавказских народов, входивших в состав Российской империи, не стало препятствием для их вовлечения в российскую общность и интеграции в имперское государство при сохранении ими своей ментальной уникальности.

Библиографический список

1. Давдов А.Х. Из истории национального вопроса // Мы вместе: журнал Санкт-Петербургского Дома национальностей. 2012. № 2. С. 14–18.
2. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1.
3. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1, кн. 2.
4. Исхаков С.М. Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX в.) // Революция и человек. М., 1996.
5. Aliyarli S. Ed. Azerbaijan Tarixi. Baku, 1996.
6. Atkin M. Russia and Iran. 1780–1828. Minnesota University Press, 1980.
7. Колониальная политика российского царизма в 20–60 годах XIX века. М., 1937. Т. 1.
8. Мильман А. С. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX века. Баку, 1966.
9. Таирзаде Н.А. Численность и состав учащих русских учебных заведений Азербайджана в 40–50-х годах XIX века // Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. общественных наук. 1964. № 1. С. 43–56.
10. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. М., 1978.
11. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе. М., 1958.

A.A. Bessonov
On the Essence of Criminalistics
Characteristics of Crimes

The essence of criminalistics characteristics of crime is considered. Basing on the historical and systematic analysis the author examines the nature, methodology, functions, objectives and principles of the criminalistics characteristics of crimes. It is concluded that the theory of criminalistics characteristics of crimes is an independent criminalistics theory.

Key words and word-combinations: criminalistics characteristics of crimes, independent criminalistics theory.

Рассматривается сущность криминалистической характеристики преступлений. На основе исторического и системного анализа определяется природа, методология, функции, задачи и принципы формирования криминалистической характеристики преступлений. Делается вывод о том, что теория о криминалистической характеристики преступлений является самостоятельной частной криминалистической теорией.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистическая характеристика преступлений, частная криминалистическая теория.

УДК 343.98
ББК 67.52

А.А. Бессонов

О СУЩНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистическая характеристика преступлений почти 50 лет выступает информационной основой формирования частных методик расследования и оправдывает свое существование. Вместе с тем некоторые ученые (Р.С. Белкин, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин, А.Ф. Лубин) предлагают отказаться от нее в связи с тем, что отсутствует ее научно обоснованное понятие, не определена гносеологическая природа, имеется системно-функциональная недостаточность. Однако представляется возможным не согласиться с такой точкой зрения по следующим причинам.

Особого внимания заслуживает из основных является вопрос о природе криминалистической характеристики преступлений. Проведенный нами исторический и системный анализ позволил прийти к выводу, что по своей гносеологической природе она является, во-первых, информационной (методологической) основой формирования частных методик расследования (то есть категорией теоретического познания), а во-вторых,

инструментом (средством) практического познания в процессе расследования [1, с. 55]. На ее основе должна строиться ретроспективная информационная модель конкретного преступления (которая и есть продукт практического познания), ибо, как верно отметила О.И. Белокобыльская, криминалистическая характеристика преступления является своеобразной матрицей, которая «накладывается» на конкретное преступление и с помощью которой возможно построить наиболее вероятностную модель преступления [2, с. 11].

Представляется, что в таком подходе к рассматриваемой криминалистической категории «нет никакого смещения продуктов научного и практического познания», как на то указывают Е.П. Ищенко и В.Я. Колдин [3, с. 132], поскольку это два аспекта ее сущностного проявления, не исключających друг друга.

В качестве методологической основы теории криминалистической характеристики преступлений необходимо отметить [4, с. 84–98; 5, с. 330–368]: всеобщий метод криминалистики – материалистическую диалектику; ряд частных (общенаучных) методов: наблюдение, описание, сравнение, моделирование, эвристические, математические, кибернетические методы; некоторые специальные методы: структурно-криминалистический, используемый собственно для построения типовых криминалистических характеристик отдельных видов (родов) преступлений, а также статистические, социологические и психологические методы. Все перечисленные методы должны использоваться в совокупности.

Эмпирической базой для формирования криминалистической характеристики преступлений должны являться данные официальной статистики о состоянии преступности; материалы об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; материалы уголовных дел и результаты их судебного рассмотрения, а также дела о нераскрытых преступлениях; материалы оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности; данные ведомственного анализа и обобщения следственно-судебной практики; результаты оперативных совещаний органов дознания и следствия, межведомственные информационные письма, в которых изложена практика раскрытия и расследования преступлений; сведения, полученные при опросе практических работников органов дознания, следствия и суда, а в некоторых случаях органов власти и контроля; отдельные данные типовых криминалистических характеристик, смежных с исследуемыми преступлениями (например, элементы криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, могут использоваться для создания типовых криминалистических характеристик преступлений, предусмотренных ст. 159¹–159⁶ УК РФ); международный опыт раскрытия и расследования преступлений определенных видов (родов).

Важное значение имеют принципы формирования криминалистической характеристики преступлений. Во-первых, это принцип системности, предполагающий рассмотрение всех ее элементов в их взаимосвязи и взаимообусловленности между собой, а также во взаимосвязи с результатами практической деятельности. Во-вторых, принцип научности (объективности), который заключается в следующем: а) теоретические положения, составляющие содержание этой научной категории, должны быть основаны на анализе и обобщении результатов практики и ими же детерминированы; б) полученные данные дол-

жны быть точными и не носить вероятностного характера. В-третьих, принцип динамичности, то есть постоянное и своевременное уточнение и изменение типовых криминалистических характеристик преступлений и (или) их отдельных элементов исходя из насущностей практической деятельности и складывающейся реальности в сфере уголовного судопроизводства. В-четвертых, принцип целесообразности, подразумевающий выбор структуры криминалистической характеристики преступлений и содержания составляющих ее элементов применительно к определенному виду (роду) преступлений исходя из обоснованности для использования в формировании частных криминалистических методик и удобства применения в практической деятельности, но, конечно же, с учетом требований уголовного и уголовно-процессуального законов. В-пятых, принцип превентивной инновационности, то есть требование об актуальности изменения знаний, составляющих содержание криминалистической характеристики преступлений, с целью предупреждения возможных негативных тенденций в развитии криминальных процессов (в том числе касающихся отдельных видов (родов) преступлений) в будущем. В-шестых, принцип относимости, который предполагает, что сведения, входящие в содержание, должны обуславливаться понятием механизма преступления и обстоятельствами, подлежащими доказыванию согласно уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. И в-седьмых, принцип зависимости от уголовного и уголовно-процессуального законов, что предполагает необходимость соответствия содержания ее элементов действующему законодательству указанных отраслей права.

Процессы формирования новых и переработки существующих типовых криминалистических характеристик преступлений должны носить системный характер. Это должно происходить через определенные промежутки времени, к примеру раз в 5–10 лет. Соответствующее научное исследование должно осуществляться научными учреждениями. Разрабатывать их можно как для Российской Федерации в целом, так и для определенных ее территорий (федеральных округов, субъектов и пр.). Научным взглядом с этой позиции должны охватываться либо в целом все виды запрещенных уголовным законом деяний на определенный момент времени, либо по группам, исходя из подследственности (например, применительно к преступлениям, отнесенным УПК РФ к компетенции Следственного комитета России).

Что касается назначения криминалистической характеристики преступлений, то это прежде всего проявляется в том, что она выступает информационной (методологической) основой формирования частных криминалистических методик (включая рекомендации об особенностях организации первоначального этапа расследования и взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами, о тактике производства отдельных следственных действий и т.д.).

К примеру, разработанная нами в 2007 г. во время работы в прокуратуре Астраханской области на основе криминалистической характеристики браконьерства, совершаемого в низовьях Волги и Каспийском море, соответствующая частная криминалистическая методика [6] была в 2008 г. внедрена в деятельность органов дознания и следствия УВД по Астраханской области и в учебный процесс трех вузов, подготавливающих специалистов для этих структур. В числе

прочего это позволило повысить раскрываемость преступлений, связанных с незаконной добычей рыбы на территории Астраханской области, с 54,3 до 72,7% (в 2009 г. раскрываемость составила 54,3%, в 2010 г. – 59,7%, в 2011 г. – 64,9%, в 2012 г. – 71,4%, в 2013 г. – 72,7%).

К этому следует добавить, что практически во всех современных научных работах, посвященных проблемам раскрытия и расследования тех или иных видов преступлений, изложению методических рекомендаций, предшествует описание криминалистической характеристики конкретного вида преступлений. Проблема криминалистической характеристики преступлений каждого вида преступлений уже давно включена в программу вузовского курса криминалистики, что себя вполне оправдывает.

В практической же деятельности типовая криминалистическая характеристика того или иного вида преступлений позволяет следователю в самом начале расследования прогнозировать, в частности, какие следы, образуемые действиями лица, совершившего преступление, в каждом данном расследуемом событии могли и должны были остаться; каково конкретное содержание этих следов, где они должны быть локализованы [7, с. 58–59]; среди какого круга лиц следует искать подозреваемого; единолично либо группой лиц совершено преступное деяние и т.д.

Необходимо поэтому, на наш взгляд, согласиться с Н.А. Подольным, считающим, что введение в методику расследования криминалистической характеристики как конструкции, с помощью которой организуется поиск недостающей информации, является безусловным прогрессом в криминалистике [8, с. 123].

Опрошенные нами практические работники органов следствия и дознания (180 работников СК, МВД, ФСБ, УФСН), признавая практическую ценность криминалистической характеристики преступлений (99% из них), указали, что, по их мнению, она в практике раскрытия и расследования преступлений позволяет получить информацию о типичных способах совершения преступлений (39%), следах преступления и наиболее вероятных местах их обнаружения (27%), местах и времени совершения преступления (15%), преступниках (12%), предметах преступного посягательства (7%).

Из указанного назначения криминалистической характеристики преступлений логично выделяются следующие функции, которые ей присущи: информационная (познавательная, методологическая), служебная, прогностическая.

Относительно информационной (познавательной, методологической) функции криминалистической характеристики преступлений можно заметить следующее. Во-первых, в своем содержании она уже имеет новые научные знания об определенном виде (роде) преступлений. Во-вторых, на ее основе возможно формирование научных знаний о содержании других криминалистических понятий, с которыми она взаимосвязана (к примеру, об обстановке и способе преступления, типичных следственных версиях для той или иной категории преступлений), и их классификация. В этом смысле стоит согласиться с А.Н. Колесниченко и В.Е. Коноваловой, утверждающими, что она является своего рода инструментом дальнейшего научного поиска [9, с. 16]. В-третьих, она позволяет разрабатывать конкретные криминалистические рекомендации по организации и планированию расследования определенных видов (родов) преступлений, алго-

ритму первоначальных и последующих следственных действий, тактике производства отдельных следственных действий (в том числе подлежащих применению тактических приемов, средств и методов получения доказательств), особенностям взаимодействия с органами дознания, профилактической деятельности следователя (дознателя) и др.

Иными словами, криминалистическая характеристика преступлений выступает информационным «ядром» частной методики расследования, которым обуславливаются и вокруг которого концентрируются входящие в содержание последней криминалистические знания. Использование ее в качестве средства (инструмента) применения научных знаний при производстве расследования по конкретному уголовному делу (служебная функция) предполагает три этапа.

Первый этап. На основе оценки имеющейся исходной информации, складывающейся следственной ситуации следователь (дознатель) отыскивает в частной методике расследования сходную типовую криминалистическую характеристику преступлений, элементы которой сравнивает и индивидуализирует исходя из обстоятельств расследуемого преступления. На ее основе он также может выдвигать следственные версии, диагностировать следственные ситуации и определять предмет доказывания.

Второй этап. Формируется рабочая модель расследуемого преступления на основе анализа и сравнения типовой криминалистической характеристики преступлений с исходной информацией по уголовному делу. На всем протяжении производства предварительного расследования рабочая модель преступления подлежит постоянной оценке на предмет установления полноты содержания каждого элемента путем соотнесения ее с типичной криминалистической характеристикой преступления и на этой основе происходит ее дополнение и конкретизация.

Третий этап. По окончании производства расследования следователь (дознатель) должен получить полную ретроспективную информационную модель расследованного преступления, которая способна стать объектом судебного исследования.

Прогностическая функция рассматриваемой научной категории предполагает составление на ее основе прогнозов: дальнейшего развития определенных видов (родов) преступлений в целом на территории Российской Федерации либо в федеральных округах, субъектах; отдельных сторон этих преступлений (например, возможная распространенность конкретных способов их совершения, применяемых орудий, новых объектов преступного посягательства и т.д.).

Изложенное позволяет сформировать следующее определение криминалистической характеристики преступлений: научная категория, представляющая собой информационную модель, содержащую сведения о криминалистически значимых признаках преступления определенного вида (рода) и их закономерных связях между собой, построенную на основе анализа и обобщения практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения, предназначенную для формирования частных методик расследования и решения задач предварительного расследования в практической деятельности.

В структуру данной модели входят следующие элементы: обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства); способ совершения и со-

крытия преступления; типичные следы преступления и вероятные места их нахождения (в том числе механизм слеодообразования); объект (предмет) преступного посягательства (в том числе личность потерпевшего); личность преступника [1, с. 53–54].

Таким образом, в представленном нами виде теория о криминалистической характеристике преступлений является вполне зрелым, завершенным и самостоятельным криминалистическим учением, основу которого составляют перечисленные теоретические положения. Как любая частная криминалистическая теория, она имеет свой предмет и объект.

Предметом учения о криминалистической характеристике преступлений выступают закономерности формирования информационной модели преступления на основе изучения его криминалистически значимых признаков, а также использования для создания частных методик расследования и в практике раскрытия и расследования преступлений.

Объектом учения о криминалистической характеристике преступлений являются закономерно повторяющиеся криминалистически значимые признаки преступления, имеющие значение для формирования частных методик расследования и практики раскрытия и расследования преступлений.

Как самостоятельная теория, она органично входит в систему всех частных криминалистических теорий и тесно связана с такими из них, как учение о механизме преступления, учение о способе совершения преступления, учение о механизме слеодообразования, криминалистическое учение о навыках, криминалистическая теория причинности, теория криминалистического прогнозирования, криминалистическое учение о личности.

Содержание этой частной криминалистической теории в общем виде составляют научно обоснованный процесс создания информационной модели преступлений того или иного вида (рода) и процедура ее использования в формировании частных методик расследования и в практической деятельности при раскрытии и расследовании преступлений.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений является информационной моделью преступных деяний, служащей основой для формирования частных методик расследования и выступающей в руках следователя инструментом познания расследуемого преступного события. Она – информационное «ядро» частных методик расследования. Как верно отметил Н.П. Яблоков, «криминалистическая характеристика содержит в себе существенный научный и практический потенциал, еще не реализованный должным образом... В будущем же ее роль и значение в общей теории криминалистики и для решения практических, методических задач еще больше усилятся» [10, с. 13]. В этом плане альтернативы ей не имеется и вряд ли когда будет.

Библиографический список

1. Бессонов А.А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник ПАГС. 2014. № 4. С. 52–57.
2. Белокобыльская О.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

3. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6.
4. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997.
6. Бессонов А.А. Выявление, раскрытие и расследование браконьерства, совершаемого в низовьях Волги и северной части Каспийского моря: практ. пособие. Волгоград, 2007.
7. Гуняев В.А. Содержание и значение криминалистических характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984.
8. Подольный Н.А. Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
9. Коновалова В.Е., Колесниченко А.Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984.
10. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2000. № 2.

M.G. Tsutskova
Information Support of
Participants in a Judicial Process
when Considering Individual
Complaints in Civil Cases

The information support of participants in a civil judicial process in connection with the need to consider and resolve individual complaints is studied. It is proved that regardless of the type of the document appealed all participants of civil proceedings must have the right to information about the process and its progress.

Key words and word-combinations: civil proceedings, participants in a civil judicial process, information support.

Анализируется информационное обеспечение участников гражданского судопроизводства в связи с необходимостью рассмотрения и разрешения частных жалоб. Доказывается, что, несмотря на вид обжалуемого документа, всем участникам гражданского судопроизводства должно быть обеспечено право на информацию о процессе и его ходе.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское судопроизводство, участники процесса, информационное обеспечение.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

М.Г. Цуцкова

ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО
ПРОЦЕССА
ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ЧАСТНЫХ ЖАЛОБ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Производство в судах апелляционной и кассационной инстанций является важной составляющей гражданского судопроизводства, дополнительной гарантией законности и обоснованности судебных актов. Общие правила института судебных извещений и вызовов претерпевают ряд изменений, что обусловлено спецификой задач судов вышестоящих инстанций. В апелляционном порядке подлежат обжалованию не вступившие в законную силу решения и определения суда

первой инстанции (ч. 1 ст. 320; ч. 1 ст. 331 ГПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 327 ГПК РФ судом апелляционной инстанции дело рассматривается повторно по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ.

В разъяснениях Верховного Суда РФ отмечается, что при повторном рассмотрении дела судом апелляционной инстанции по правилам производства в суде первой инстанции, в том числе с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, подлежат применению правила о судебных извещениях и вызовах, установленные главой 10 ГПК РФ. Неявка в суд апелляционной инстанции лиц, надлежащим образом извещенных о времени и месте рассмотрения апелляционных жалобы, представления прокурора, влечет последствия, предусмотренные ст. 167 ГПК РФ, но не могут быть применены абз. 7–8 ст. 222 ГПК РФ [1].

Интересна взаимосвязь вопросов надлежащего извещения при рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций. Так, рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, является, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, безусловным основанием к отмене решения суда первой инстанции. Однако указанный недостаток производства в суде первой инстанции стал легко устраним после принятия Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [2] путем рассмотрения дела судом апелляционной инстанции по правилам первой инстанции.

Ученые-процессуалисты характеризуют данный способ преодоления допущенных нижестоящей инстанцией нарушений закона как «двойное» рассмотрение дела, положительно отражающееся на процессуальной экономии. В случаях допущения несоответствий основополагающим (фундаментальным) положениям судопроизводства (в том числе разрешение спора в отсутствие не извещенных надлежащим образом лиц, участвующих в деле) апелляционная инстанция, рассмотрев дело с участием этих лиц, устраняет допущенное нарушение, восстанавливая их право на участие в судебном разбирательстве [3].

Ценность повторного рассмотрения дела судом апелляционной инстанции заключается также в том, что Европейский Суд по правам человека при толковании ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при оценке справедливости судебного разбирательства склонен рассматривать процедуру судебного разбирательства в целом, включая производство в суде второй инстанции. Если субъект, не извещенный о времени и месте слушания дела в суде первой инстанции принимал участие в заседаниях судов второй и третьей инстанций, имел реальную возможность изложить свои аргументы, представить доказательства, то это устраняет любую несправедливость, которая могла бы быть следствием ненадлежащего уведомления в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции. В связи с этим в подобной ситуации нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не усматривается [4].

В целом Европейский Суд по правам человека при определении степени необходимости присутствия лица, участвующего в деле, на слушании дела во

второй или третьей инстанции ключевым фактором признает пределы полномочий суда соответствующей инстанции. Если юрисдикция суда ограничена вопросами права, то влияние личного фактического участия стороны на соблюдение в ходе судопроизводства требований ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод минимально. Если же пределы рассмотрения дела судом вышестоящей инстанции охватывают наряду с юридическими и вопросы факта, то проведение слушаний в присутствии сторон приобретает решающее значение [5, с. 66]. Европейским Судом по правам человека используется и иной критерий оценки значимости личного присутствия участвующего в деле лица при рассмотрении дела судом второй инстанции – факт проведения устного разбирательства (то есть судебного заседания) [6; 7].

Сам по себе низкий порог значимости личного присутствия не означает автоматического освобождения органа правосудия от обязанности по извещению лиц, участвующих в деле. Однако он способен повлиять на оценку доводов сторон относительно рассмотрения жалобы на судебный акт первой инстанции в их отсутствие при ненадлежащем уведомлении. Таким образом, положения института судебных извещений и вызовов в гражданском судопроизводстве при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции применяются практически в том же объеме, что и во время производства по делу в органе правосудия первой инстанции. Обязанность извещения участвующих в деле лиц лежит на суде апелляционной инстанции [8].

Вместе с тем и данное правило имеет исключение, касающееся порядка рассмотрения частных жалоб на определения судов. В соответствии со ст. 333 ГПК РФ общие требования по извещению участвующих в деле лиц сохраняют свою силу для процедуры апелляционного обжалования трех категорий определений: о приостановлении производства по делу; о прекращении производства по делу; об оставлении заявления без рассмотрения. Согласно тому же законоположению (ч. 2 ст. 333 ГПК РФ) частные жалобы, представления прокурора на любые не упомянутые в числе изъятий определения суда первой инстанции рассматриваются без извещения лиц, участвующих в деле.

С одной стороны, существующее регулирование направлено на упрощение и ускорение процесса, с другой – оно означает фактическое отсутствие судебного заседания и возможности для лиц, участвующих в деле, высказать лично перед судом свою позицию как по существу вопроса, так и по процедуре его рассмотрения, об отводе судьи [9]. В изложенной ситуации Р.В. Шакирьянов усматривает введение перечисленными положениями в российское гражданское судопроизводство письменного порядка [10, с. 148].

На наш взгляд, важен не сам факт введения элементов либеллярного процесса в отечественное судопроизводство, а то, насколько при этом могут быть гарантированы конвенциональные и конституционные права и свободы человека (а также иных субъектов, вовлеченных в рассмотрение дела) и способствует ли новая регламентация достижению целей гражданского судопроизводства. Л.Ф. Лесническая высказывает суждение о противоречии правила ч. 2 ст. 333 ГПК РФ предоставленному каждому Основным Законом России правом на судебную защиту [11].

Перечисленные и многие другие противоречия, связанные с применением ст. 333 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»), стали объектом внимания Конституционного Суда РФ. Так, постановлением от 30 ноября 2012 г. № 29-П [12] положения ч. 2 ст. 333 ГПК РФ были признаны не противоречащими Конституции России как предполагающие права участвующих в деле лиц: на получение извещения о факте подачи частной жалобы; на ознакомление с частной жалобой; на изложение своего мнения в письменном виде (в случаях, когда частная жалоба рассматривается без проведения слушания).

По мнению судебного органа конституционного контроля, процессуальным законом подразумевается, что суд второй инстанции в каждом конкретном случае, оценив ряд параметров дела, должен принять решение – предоставить ли участвующим в деле лицам право донести свою позицию до суда устно или нет. При этом принимаются во внимание характер и сложность разрешаемого процессуального вопроса, доводы частной жалобы; возможность проверки законности и обоснованности определения суда первой инстанции без исследования в заседании имеющихся в деле либо вновь представленных доказательств. Исследователь Т.А. Сахнова заостряет внимание на том, что выбор судебной процедуры в подавляющем большинстве случаев должен предусматривать приоритетное значение волеизъявления участвующих в деле лиц [13, с. 11].

Конституционный Суд РФ фактически поддержан Пленумом Верховного Суда РФ, который сформулировал право суда апелляционной инстанции по своей инициативе вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание и напомнил о необходимости соблюдения Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [14] вне зависимости от порядка рассмотрения частной жалобы (п. 48 постановления от 19 июня 2012 г. № 13).

Продemonстрированная тенденция компенсации пробелов или недостатков процессуального закона внутриведомственными актами, разъяснениями и тому подобным не является положительным и полезным моментом для дальнейшего развития и модернизации отечественного гражданского процессуального права. Признавая главенство закона, следовало бы стремиться к его совершенствованию, а не к сглаживанию его проблемных аспектов подзаконными актами.

Предложенная Конституционным Судом РФ конструкция, представляющая собой агломерат действующего процессуального закона, позиции, выраженной Пленумом Верховного Суда РФ, и собственного мнения судебного органа конституционного контроля, представляется не соответствующей принципу правовой определенности. В качестве причины укажем ее размытость, нечеткость, принципиальный отказ участвующим в деле лицам в праве осуществлять принадлежащие им процессуальные полномочия по собственному усмотрению. Напротив, суд второй инстанции самостоятельно определяет возможный к реализации объем процессуальных полномочий сторон и третьих лиц.

Таким образом, видится, что Конституционный Суд РФ создал почву для

отклонения гражданского процессуального законодательства от принципа диспозитивности, коррелирующего с фактом нарушения ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в дальнейшем. Теме не менее позиции высших судебных инстанций в полном виде реализованы в новой редакции ст. 333 ГПК РФ, которая теперь гласит, что лишь «с учетом характера и сложности разрешаемого процессуального вопроса, а также доводов частной жалобы, представления прокурора и возражений относительно них суд апелляционной инстанции может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, известив их о времени и месте рассмотрения частной жалобы, представления прокурора».

Библиографический список

1. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 // Рос. газ. 2012. 29 июня.
2. СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.
3. Шакирьянов Р.В. Вопросы процессуальной экономии в постановлении Пленума ВС РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 242–282.
4. Постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. по делу «Загородников (Zagorodnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 66941/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 11. С. 5–7.
5. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство: Прецеденты и комментарии. М., 2001.
6. Постановление ЕСПЧ от 9 окт. 2012 г. по делу «Воробьев (Vorobyev) против Российской Федерации» (жалоба № 15722/05). URL: <http://minjust.ru/ru/node/2646>.
7. Постановление ЕСПЧ от 14 мая 2009 г. по делу «Сивухин (Sivukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 31049/05). URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2468407/2468407.htm>.
8. Филатова М.А. Перспективы применения нового апелляционного производства в гражданском процессе (комментарий к главе 39 ГПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 3.
9. Жуйков В.М. Проблемы правового регулирования проверочных производств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 12.
10. Шакирьянов Р.В. Письменное производство в гражданском процессе: из опыта европейских стран // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Казань, Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 25 марта 2011 г.) / отв. ред. Д.Х. Валеев. М., 2012.
11. Лесницкая Л.Ф. Апелляционное производство по гражданским делам в системе судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 нояб. 2012 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.
13. Сахнова Т.В. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1.
14. СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4588.

E.V. Kosenko
Subjects of Marital
and Parental Relationship:
Status Termination

The acquisition and termination of a status of a family relationship subject are studied. Author's viewpoint of individual cases of acquiring a status of a subject in a parental relationship is presented. Examples of subjects' will manifestations when changing family relationships and terminating a status are proposed for discussion.

Key words and word-combinations: family legal relationships, the will of the subject, the status of the subject.

Исследуется приобретение и прекращение статуса субъекта семейного правоотношения. Представлена авторская точка зрения об отдельных случаях приобретения статуса субъекта в родительском правоотношении. Предлагаются к дискуссии примеры проявления воли субъектов семейных правоотношений при изменении и прекращении статуса.

Ключевые слова и словосочетания: семейное правоотношение, воля субъекта, статус субъекта.

УДК 347.61/.64
 ББК 67.404.5

Е.В. Косенко

СУБЪЕКТЫ БРАЧНОГО И РОДИТЕЛЬСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ: ПРЕКРАЩЕНИЕ СТАТУСА

Вопрос о субъектах семейных правоотношений, казалось бы решенный советскими учеными, в последние годы находит новое звучание и подкрепляется новыми научными теориями, опровергающими прежние выводы. О.С. Иоффе полагал, что одной из особенностей семейных правоотношений является то, что его субъектами могут быть только граждане [1, с. 194]. Указанную точку зрения поддержали А.М. Белякова и Е.М. Ворожейкин, считающие, что именно субъектный состав подчеркивает отличие семейного права от гражданского, а следовательно, правоотношения, возникающие между гражданами и организациями, даже если они урегулированы семейными нормами, не могут рассматриваться как семейные (таковы, например, правоотношения, возникающие между гражданами и органом ЗАГСа) [2, с. 38–39].

По мнению современных исследователей, вопрос об отнесении того или иного лица к субъектам семейного правоотношения является спорным, если иметь в виду возможность признания этого статуса за юридическими лицами и организациями. А.А. Серебрякова отмечает: «... введение в СК РФ раздела VI “Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей”, где предусмотрены конкретные права и обязанности органов опеки и попечительства по выявлению и учету таких детей, позволяет предположить, что органы опеки и попечительства, то есть государственные органы, также относятся к числу субъектов семейных правоотношений в

определенных семейным законодательством случаях. Например, заключение договора об осуществлении опеки или попечительства или договора о приемной семье как правовое основание установления опеки или попечительства, в том числе в форме приемной семьи, обязывает органы опеки и попечительства выступать в качестве стороны, наделенной комплексом прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством» [3].

Очевидно, что субъект семейного правоотношения должен обладать правоспособностью и дееспособностью. Первый признак наделяет лицо правами и обязанностями, а второй – позволяет своими волевыми действиями создавать для себя обязанности и пользоваться предоставленными правами. Таким образом, лицо действует сообразно своей *воле*. Но всегда ли лицо выражает волю на вступление в семейное правоотношение и всегда ли субъект семейного правоотношения выражает волю на его изменение или прекращение? Может, в некоторых случаях это происходит помимо воли такого лица или субъекта? Задавшись таким вопросом, обратим особое внимание на прекращение статуса субъекта в брачном и родительском правоотношении.

Прекращение статуса субъекта брачного правоотношения возможно не только по воле самого субъекта, но и в связи с событием – смертью одного из супругов. При этом, нахождение в таком правоотношении может оказывать влияние и на другие сферы жизни гражданина, несмотря на утрату статуса. Например, в Законе РФ «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» предусмотрены льготы, которые сохраняются за супругами (бывшими супругами), а также иными членами семьи в случае смерти члена семьи, имеющего соответствующую льготу [4].

В другом случае правоотношение прекращается по воле самого субъекта. При этом для изъявления его воли, направленной на прекращение супружеского правоотношения, не требуется совпадающей воли второго субъекта. Напротив, семейное законодательство, исходя из принципа добровольности, закрепляет возможность самостоятельного обращения в судебную инстанцию и в случае, если второй супруг препятствует обращению в ЗАГС. Это одностороннее прекращение супружеского правоотношения закреплено законодательно и в других случаях, например прописанных в ст. 19 СК РФ. Строго говоря, прекращение супружеского правоотношения всегда возможно по воле только одного субъекта, а отсутствие волевого действия второго субъекта не имеет значения для принципиальной возможности прекращения супружеского статуса.

Родительское правоотношение регулируется семейным законодательством Российской Федерации, которое не предусматривает возможности отказа от родительских прав. Прекращение субъективных прав и обязанностей родителя возможно только посредством судебной процедуры. Например, широко распространенная на практике нотариальная форма отказа от родительских прав, как правило, с одновременным согласием на усыновление ребенка третьим лицом не прекратит этот статус. Родитель, иное заинтересованное лицо должны обратиться в суд и представить указанный документ, который, в свою очередь, будет являться лишь основанием для вынесения соответствующего решения. Суд не связан этим документом и может отказать в иске. Но даже в случае, если иск будет удовлетворен, родитель, лишенный родительских прав,

сохраняет обязанность по уплате алиментов в пользу ребенка, а следовательно, не лишен родительских обязанностей, что позволяет говорить о том, что родительский статус существенно ограничен, но не прекращен.

Об этом свидетельствует и правило ст. 1075 Гражданского кодекса РФ: на родителя, лишенного родительских прав, суд может возложить ответственность за вред, причиненный его несовершеннолетним ребенком в течение трех лет после лишения родителя родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей.

В родильных домах также развита практика письменного отказа биологической матери от своих прав на ребенка. Не следует отождествлять такой отказ от нотариально заверенного отказа родителя от своих родительских прав. Биологическая мать в момент написания такого документа еще не приобрела статус субъекта родительского правоотношения, поскольку не проведена обязательная процедура установления материнства. *Следовательно, было бы правильнее именовать это юридическое действие отказом биологического родителя от права установления материнства.*

Практикой же выработано и правило о том, что в письменном документе биологическая мать заявляет о своем согласии на усыновление ребенка третьими лицами, что также следует считать юридически неверным. В соответствии со ст. 129 Семейного кодекса РФ именно родители вправе давать согласие на усыновление. Родители – это лица, получившие этот статус, что применительно к данной ситуации не происходит. Таким образом, отсутствие в подобном отказе выраженной воли на усыновление ребенка третьими лицами не будет иметь значения для его последующего усыновления или иного устройства.

Обратим внимание на то, что сам термин «отказ от ребенка» все же применяется в нормативных актах, что тоже вызывает недоумение. Например, в Указе Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» одним из вариантов мер, направленных на предотвращение *отказа от детей*, называется создание службы сопровождения и поддержки беременных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, кризисных центров для матерей с детьми и профилактика таких отказов в родильных домах [5].

Термины «отказ от ребенка», «отказ от детей» применены в других нормативных актах, а также в актах высших судебных инстанций [6; 7].

В этом перечне нуждающихся в помощи лиц родителем является только второе лицо, указанное как мать с ребенком, тогда как беременные и находящиеся в родильных домах женщины родителями в том смысле, которое вкладывает в это понятие семейное законодательство, не являются. Поэтому «отказ от ребенка» – термин, который не отражает ни фактического, ни юридического их положения. В отношении родителя, субъектный статус которого установлен в соответствии с законом, и который принял решение об отказе от своих родительских прав, следует применять термин «родитель, добровольно отказавшийся от родительских прав и обязанностей». Добровольное выражение воли здесь является основанием к лишению родительских прав.

В Семейном кодексе РФ содержится перечень и других оснований, позволяющих суду принять решение о лишении родительских прав (ст. 69). Но ни одно из

них не представляет собой прямого изъявления воли субъектом родительского правоотношения, направленной на прекращение своего статуса. Скорее, воля субъекта направлена на неисполнение или ненадлежащее исполнение своих родительских правомочий, а сам субъект может и не предполагать возможность потери его.

Таким образом, прекращение статуса субъекта родительского правоотношения возможно как путем прямого волеизъявления родителя, выраженной им в письменной форме, так и при отсутствии такого волеизъявления при наличии семейного правонарушения, являющегося основанием к прекращению статуса. В случае если биологический родитель не получил статус субъекта родительского правоотношения и не желает его получить, он выражает волю на отказ от права получения статуса родителя (субъекта родительского правоотношения).

В случае, когда ребенок рожден матерью, не состоящей в браке, отец может и вовсе не составлять какой-либо документ, подтверждающий отказ от получения статуса родителя. Вопрос его отцовства поставлен в зависимость от воли матери ребенка либо от решения органов опеки и попечительства. Другими словами, само получение им статуса субъекта родительского правоотношения не является примером прямого волеизъявления, поэтому такой отказ и не требуется в силу сложившейся практики установления происхождения детей. Здесь следует учитывать, что мать не обязана сообщать персональные данные отца ребенка, однако вправе это сделать. В такой ситуации органам опеки и попечительства целесообразно получить от отца заявление об отказе в установлении статуса родителя ребенка.

Прекращение же статуса субъекта родительского правоотношения в случае лишения родительских прав одного родителя не влечет автоматического прекращения статуса и второго родителя, а следовательно, можно говорить о *независимости субъективного статуса одного родителя от другого*. Наконец, статус субъекта родительского правоотношения для несовершеннолетнего прекращается для последнего в силу наступившего события – достижения возраста 18 лет. Несовершеннолетний не вправе ставить вопрос о лишении родителя родительских прав. Таким образом, он не может требовать прекращения родительского статуса.

В контексте рассматриваемого вопроса о приобретении и прекращении статуса субъектов супружеского и родительского правоотношения следует, на наш взгляд, согласиться с мнением В.Ф. Яковлева: «...весьма своеобразно проявляется в семейно-правовом регулировании правовая инициатива субъектов. Эта черта регулирования, бесспорно, присуща семейному праву: многие правоотношения могут возникать лишь при наличии действий самих субъектов, причем таких, которые направлены на достижение определенного юридического результата, т.е. являются юридическими актами... среди правообразующих юридических фактов акты субъектов не занимают господствующего положения; не меньшее значение имеют в возникновении прав и обязанностей события, например рождение ребенка, которое влечет установление правовой связи не только для ребенка и родителей, но также для многих других лиц (деда, бабушки, братьев, сестер и т.п.). В дальнейшем развитии семейных правоотношений, их изменении, прекращении актам субъектов отводится еще меньшая роль. Они уступают ведущее место таким юридическим фактам-событиям, как смерть, истечение сроков, наступление нетрудоспособности и т.п. Далее акты участников отношений происходят под контролем и регулирующим воздействием государства,

которые осуществляются в процессе регистрации этих юридических фактов. Для прекращения семейных правоотношений одного волеизъявления участников отношений недостаточно, требуется решение компетентного государственного органа (например, о расторжении брака или о признании его недействительным, об отмене или о признании недействительным усыновления, о признании недействительными произведенных актов записей и т.п.)» [8].

В настоящее время законодатель категорично относится к фактическим брачным отношениям, не предлагая таким лицам статуса субъекта семейных правоотношений. В научной юридической литературе ведутся активные дискуссии относительно этого положения, но никак нельзя отрицать что это явление характерно для современного общества, а отсутствие должного регулирования лишь усугубляет ситуацию. Совершенно справедливо по этому поводу утверждение А.Н. Левушкина: «Рассматривая брачный договор, заключенный между лицами до регистрации брака как разновидность гражданско-правового договора, который имеет право на существование, следует заметить, что в него в соответствии с действующим законодательством нельзя включить условие о распространении на имущество такой категории граждан режима общей совместной собственности. Из этого следует, что в связи со значительным объемом фактических браков целесообразно прямо в законе разрешить фактическим супругам заключать брачное соглашение, в том числе с условием распространения на их имущество режима общей совместной собственности, что, на наш взгляд, приведет к стабильности имущественных отношений и обеспечит защиту интересов слабой стороны» [9].

Будут ли такие лица являться субъектами семейных правоотношений? Полагаем, в данном случае их статус будет зависеть от правовой регламентации, которую предпримет законодатель. Вполне закономерным было бы предложение о внесении изменений в семейное законодательство о расширении перечня лиц, которым предоставлено право заключить брачный договор. Допустимо будет и дополнение гражданского кодекса главой, регулирующей порядок заключения такого договора, который соответственно приобретет характер и природу гражданско-правового соглашения. Таким образом, в зависимости от отраслевой принадлежности урегулирования можно судить о статусе таких граждан.

В отношении граждан, которые заключают брачный договор до брака или во время брака, отметим, что сам факт его заключения не меняет субъектной составляющей брачного правоотношения. Если лица заключили договор, но так и не вступили в брак, они не стали субъектами семейных правоотношений. Только волевое действие, направленное на заключение брака, и последующая его регистрация изменят положение лица. Так же обстоит дело и в случае заключения брачного соглашения между супругами. Такой договор меняет имущественное содержание правоотношения, но не его субъектный состав.

Библиографический список

1. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: М., 1967. [Электронный вариант книги]: URL: <http://www.lawlibrary.ru/html>
2. *Белякова А.М., Ворожейкин Е.М.* Советское семейное право: учебник. М., 1974.
3. *Серебрякова А.А.* Субъекты семейного права // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 8–10.

4. О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы: Закон РФ от 15 янв. 1993 г. № 4301-1 (в ред. от 2 июля 2013 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993, № 7, ст. 247; СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477.

5. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

6. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года: утв. Правительством РФ 31 янв. 2013 г. URL: <http://www.government.ru/html>

7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апр. 2006 г. № 8 (в ред. от 17 дек. 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

8. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. М., 2012. Кн. 1. [Электронный вариант книги]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html

9. Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учеб.-практ. пособие. М., 2012. [Электронный вариант книги]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html

Е.А. Belousova
The Concept of the Public
and Legal Interest
in the Arbitration Process

The concept of public interest is considered in the general theory of law and procedural civil law science. The classification of interests in subject composition is presented. The distinction between the concepts of government, society and public interest is analyzed. The concept of the public interest in the arbitration process is characterized.

Key words and word-combinations: arbitration process, public interest, legal regulation.

Рассматривается понятие публичного интереса в общей теории права и процессуальной цивилистической науке. Представлена классификация интересов по субъектному составу. Анализируется разграничение понятий государственного, общественного и публичного интереса. Характеризуется концепция публичного интереса в арбитражном процессе.

Ключевые слова и словосочетания: арбитражный процесс, публичный интерес, нормативно-правовое регулирование.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

Е.А. Белоусова

ПОНЯТИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ИНТЕРЕСА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Актуальность исследования публично-правового интереса в арбитражном процессе опосредована тем, что основной из задач современного российского правосудия является эффективная защита субъективных прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Однако зачастую реализация данного положения в правоприменительной практике осложняется отсутствием в процессуальном законодательстве понятия интересов сторон, поэтому целесообразно выработать понятие публично-правового интереса и разграничить его с рядом смежных терминов.

С точки зрения общей теории права интерес характеризуется как стремление субъекта к определенному благу, регламентированному законодательством в определенной норме права. В настоящее время в научной литературе неоднократно предпринимались попытки провести классификацию правовых интересов. Актуальной представляется соответствующая классификация по субъектному составу. Исходя из субъектной классификации, интересы можно разделить на две группы: индивидуальные (частные) – интересы конкретных лиц и коллективные (публичные) – интересы конкретных групп, объединенных общими потребностями.

В качестве отдельного вида публичных интересов выделяют государственные интересы – это общественные интересы, опосредованные через государственную деятельность. Такое выделение весьма оправданно вследствие того, что государственные и общественные интересы никогда не достигнут общей цели, это идеальная модель государства, а не реальная. Государственные и общественные отношения всегда будут иметь некие противоречия, связанные с тем, что интересы различных групп, будь то партии или отдельные чиновники, всегда оказывают влияние на формирование интересов государства. Демократический вариант развития государства призван сократить данные взаимовлияния до минимума, однако, по мнению ряда ученых, Россия еще даже не ступила на порог формирования правового государства [1, с. 19].

По нашему мнению, нельзя отождествлять понятия публичного, государственного и общественного интереса. Существует множество мнений по этому вопросу. Так, Н.Е. Тюрина утверждает, что если публичный и государственный интерес отождествить возможно, то общественный интерес имеет другой смысл [2, с. 101]. «Особый» смысл, закладываемый в понятие общественных интересов, связан в том числе с тем, что считается позитивным интересом, так как из направленности и содержания общественные – это интересы, направленные на благие цели, которые соответствуют представлениям морали, нравственности и справедливости.

Исследователь М.Ю. Челышев говорит о том, что существуют две группы публичных интересов: интересы публично-правовых организаций в экономической сфере в качестве собственников имущества и проявляющиеся в области правопорядка экономической сферы [3, с. 69]. Г.А. Свердлых пишет о том, что общественный интерес обеспечивает удовлетворение потребностей общества и развитие всех его членов [4, с. 16]. Можно полностью согласиться с мнением К.Ю. Тотьева, по которому правотворчество практически всегда связывает государственные и общественные интересы, но не отождествляет их [5, с. 21].

Вместе с тем в последнее время, в том числе в средствах массовой информации, активно используется такое понятие, как национальные интересы, подразумевающее в общем значении сбалансированность интересов государства, личности и общества в конкретной сфере. Как правило, они долгосрочные и проявляются во внешней и внутренней политике. По мнению автора, это лишь разновидность государственных интересов.

Таким образом, частные интересы – это интересы конкретных лиц и социальных групп, которые охраняются правом. Публичные интересы – интересы общества и государства, охраняемые правом. Данные виды интересов обладают некими особенностями, в частности, грань между указанными интересами весьма размыта, она двигается и определяется на законодательном уровне. Кроме того, рассматриваемые виды интересов неоднородны.

К определению понятия «публичный интерес» существует множество подходов. Ф.А. Хайек считает, что публичный интерес содержится в заинтересованности социума сохранить порядок, являющийся средством достижения множества личных целей [6, с. 170]. Публичный интерес в этом случае будет выражать такие права субъектов, как право на неприкосновенность частной жизни, защиту достоинства, чести, деловой репутации, право собственности, свобода слова, экономической деятельности.

Среди российских ученых выделяют Ю.А. Тихомирова, который убежден, что публичный интерес – это интерес социума, удовлетворение которого является условием его развития и существования, интерес, который признан государством и обеспечен правом [7, с. 54–55]. С.В. Дорохин считает, что публичный интерес составляют интересы государства и общества, взаимообуславливающие друг друга и имеющие в конкретный период времени нормативное содержание [8, с. 65].

В законодательстве под публичным часто понимают общественный или государственный интерес. Анализ данных категорий показывает, что они составляют один род публичных интересов. Понятие является оценочным и может раскрываться через противопоставление частным интересам.

Публичные интересы раскрывают развитие и содержание общественных отношений, которые обеспечивают единство и целостность государства, принципы его организации и устройства, механизм управления социумом посредством властных полномочий, определяют единство устройства государства и общества, касаются всех сфер деятельности общества (политика, культура, экономика, духовная сфера и т.д.), составляют сущность каждого социума, закрепляют основы правового статуса субъектов общества и взаимосвязь с государством.

В отличие от публичных частные интересы характеризуют особенности отдельного субъекта, сферы, относящиеся к его частной жизни, в том числе межличностные отношения в семье, с друзьями, родственниками, коллегами, духовный мир человека и т.п. [9, с. 701]. Иными словами, государственные интересы отражают работу государственного аппарата – муниципальных образований, субъектов РФ, Российской Федерации в целом, который обеспечивает территориальную неприкосновенность, суверенитет и безопасность общества. Общественные же интересы отражают действие социума в качестве сложной организации. Учитывая неразрывную связь публичного интереса с государством и обществом, практически невозможно найти какой-либо публичный интерес, который был бы не общественным или не государственным.

Конкретизация понятия и содержания публичного интереса в арбитражном процессуальном праве играет существенную роль при правильном построении модели обеспечения защиты прав и интересов участников данных правоотношений.

Ни материальное, ни процессуальное действующее законодательство не содержит разъяснения термина «публичный интерес». Для арбитражного процессуального законодательства понятие «публичный интерес» является относительно новым и введено лишь в 2002 г. в связи с принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ, который предоставил государственным органам и органам местного самоуправления право обращаться в арбитражный суд с иском заявлением либо с заявлением с целью защиты публичных интересов (ст. 53 АПК РФ). Кроме того, в п. 3 ч. 1 ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ указано, что судебный акт, который вступил в законную силу, может быть отменен судом надзорной инстанции, в случае если нарушает права и интересы неопределенного круга лиц или другие публичные интересы. Для того чтобы правильно и единообразно применять нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ, требуется едино толковать понятие и содержание публичного интереса, вытекающего из материальных отношений, охраняемых правом в арбитражном процессе.

В отечественном правоведении публичный интерес трактуется по-разному. Ю.А. Тихомиров понимает его как интерес социальной группы, который признан государством и обеспечен правом и чье удовлетворение является гарантией существования и развития общества. Т.В. Чугурова определяет публичный интерес как объективную категорию, которая направлена на определенный результат, социальную пользу, благо, развитие, где содержанием категории является социальная потребность, а формой ее выражения являются общественные отношения [10, с. 205].

Публичные интересы присутствуют практически во всех социальных сферах – социальной, духовной, экономической, политической. Государственный интерес может выступать в качестве публичного в том случае, когда в правоотношениях государство является публично-правовым образованием, а также когда частно-правовые отношения государства затрагивают осуществление им публично-правовых полномочий. Профессор Т.А. Григорьева отмечает, что интерес считается также публично-правовым, если затрагивает права соответствующего налогового органа при возникновении спора последнего с налогоплательщиком по уплате обязательных платежей и санкций [11, с. 21].

Исходя из п. 4 ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ под публичным интересом понимаются в том числе интересы неопределенного круга лиц. В законодательстве и правоприменительной практике публичный интерес и понятие публичности имеют неоднозначное толкование. В Арбитражном процессуальном кодексе РФ понятие публичного интереса приравнено к понятию прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Правоприменительная практика государственных арбитражных судов в ос-

новном не имеет определения публичных интересов, которое бы содержало характеризующие данную дефиницию черты.

Часто к категории дел с защитой публичных интересов приравнивают все дела с участием прокурора (ч. 1 ст. 52 АПК РФ). Однако это не совсем верно, так как прокурору не запрещается обратиться в защиту индивидуальных (частных) интересов в рамках обеспечения законности по каким-либо категориям споров.

От заявлений государственных органов и органов местного самоуправления в защиту публичных интересов также необходимо отличать иски, предъявляемые ими же, но уже в качестве стороны спорных имущественных отношений, то есть в данном случае они будут истцами, предъявляющими требования в защиту своих же интересов.

Таким образом, в арбитражном процессе понятие «публичный интерес» намного шире, чем общественный и государственный интерес. Для единообразного применения норм права в арбитражном процессе публичный интерес можно охарактеризовать как потребность социума приобретать конкретные блага, которые необходимы для поддержания статуса и развития общества или группы, охраняемую материальным и арбитражным правом.

Библиографический список

1. *Ситдикова Р.И.* Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / отв. ред. М.Ю. Чельшев. М., 2013.
2. *Тюрина Н.Е.* Международная торговля как фактор развития международного публичного права / отв. ред. Г.И. Курдюков. Казань, 2009.
3. *Чельшев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань, 2006.
4. *Свердлов Г.А.* Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск, 1980.
5. *Тотьев К.Ю.* Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9.
6. *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.
7. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право: учебник. М., 1995.
8. *Дорохин С.В.* Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М., 2010.
10. *Пименова Е.Н.* К понятию публичного интереса в арбитражном процессе // Вестник Саратов. гос. акад. права. 2008. № 3.
11. *Григорьева Т.А., Храмова Е.В.* Мировое соглашение по спорам, затрагивающим публично-правовые интересы: современные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8.

V.L. Podkopaev
The Significance of State Land
Assessment for Cadastral
Valuation of Land Parcels

The interaction and correlation between state cadastral valuation of land and the legal institution of state cadastral land parcels assessment are studied. Special attention is drawn to the functioning and development of cadastral land assessment in the present day situation in Russia.

Key words and word-combination: state cadastral land valuation, real estate cadaster, cadastral system.

Исследуется взаимодействие и взаимосвязь государственной кадастровой оценки земель с правовым институтом государственного кадастрового учета земельных участков. Особое внимание уделяется вопросам функционирования и развития кадастровой оценки земель в условиях современной российской действительности.

Ключевые слова и словосочетания: государственная кадастровая оценка земель, кадастр недвижимости, кадастровая система.

УДК 347.243
ББК 67.407.1

В.Л. Подкопаев

ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Юридическое значение и место государственной кадастровой оценки земель в системе земельного права, по нашему мнению, следует рассматривать во взаимосвязи с другими правовыми институтами отрасли. Наиболее рельефной выглядит взаимная зависимость государственной кадастровой оценки земель и таких правовых институтов, как право собственности на землю (центральный институт отрасли земельного права) и государственный кадастровый учет земельных участков, поскольку с историко-правовой точки зрения земельный кадастр включал в себя не только операции по учету земель, историческому и экономическому их описанию, но и операции по их оценке.

В России кадастровые работы «для переложения оброчной подати с душ на земли и промыслы» впервые были проведены в 1843–1856 гг. [1, с. 304]. При этом отметим, что оценка земель и размеры поземельного налога колебались значительно. Например, в 1882 г. цена 1 десятины земли в Архангельской губернии составляла 1 руб. 50 коп., а величина поземельного налога – 25 коп., в то время как в Курской губернии размеры составляли соответственно 112 руб. и 17 коп. [2, с. 122].

На рубеже XIX–XX вв. наряду с земским кадастром проводились работы по банковской оценке земель для предоставления долгосрочного кредита в банках. Оценка осу-

ществлялась также при экспроприации земель для государственных и общественных нужд и сдаче казенных земель для использования на правах аренды. Кадастровые данные о принадлежности, местонахождении, составе земель и их качестве отражались в этот период в платежных книгах, описях, на планах и почвенных картах [3, с. 45]. Законом об оценке недвижимого имущества 8 июня 1893 г. организация, финансирование и проведение оценочных работ была возложена на губернские и уездные оценочные комиссии. Владельцам недвижимости необходимо было по требованию земельных управ собирать сведения о составе, ценности и доходности недвижимого имущества с предоставлением соответствующих договоров и справок. Земские управы анализировали полученные материалы, проводили расчет доходности и стоимости недвижимости и информировали об этом владельцев. По завершению оценки составлялся реестр оценок, который публиковался в газетах для всеобщего доступа.

При всем разнообразии методов и форм земских кадастровых работ было принято выделять два вида земских кадастров: нижегородский, основанный на результатах детального изучения почв, и московский, основанный на данных экономико-статистических обследований [2, с. 125]. Закон об оценке земли от 18 января 1899 г. систематизировал разрозненную практику земств и закрепил единые методические принципы оценки земли [4, с. 16].

Очевидно, что государственный поземельный налог должен был иметь в основе достаточно точную, корректную и обоснованную оценку стоимости земли. Начиная с 1893 г., проведение оценки стоимости земель в земских губерниях было возложено на уездные земские управы и оценочные комиссии. Однако уполномоченные органы не были заинтересованы в исполнении обязанностей, поскольку опасались перераспределения налогового бремени и увеличения налоговой нагрузки. Таким образом, в 1899 г. к оценке стоимости земель были привлечены губернские управы, которым ежегодно из государственной казны на организацию оценочных работ выделялось по миллиону рублей. По мнению Г.В. Ломакина, несмотря на принятые меры, оценочные работы к началу Первой мировой войны так и остались незавершенными. Вместе с тем по состоянию на 1 января 1913 г. было оценено 78% объектов недвижимости [5, с. 7]. Известно, что в 1908–1915 гг. было продано 1 млн 200 тыс. земельных участков площадью 3 млн 900 тыс. десятин земли на сумму 444 млн 700 тыс. руб. [2, с. 125].

В специальной литературе отмечается, что современная кадастровая система базируется на следующих теоретических положениях: 1) кадастр является информационной системой; 2) процесс ведения кадастра включает в себя несколько этапов, в том числе картографирование и идентификацию земельных участков, учет качества и количества земель, оценку земельных участков и других объектов недвижимости, регистрацию земельных участков и других объектов недвижимости.

Во всем мире кадастровые системы являются открытыми, что принципиально важно для контроля со стороны общественности за рынком недвижимости. Существуют следующие три основных типа кадастра: правовой, то есть запись

прав на недвижимость; фискальный, то есть запись стоимости недвижимости и другой информации, необходимой для налогообложения и гражданского оборота; многоцелевой, то есть объединение правовой и фискальной систем с другой информацией, в частности, о планировании и землепользовании. Правовой и фискальный кадастр создаются одновременно. Правовой кадастр во многом зависит от прогрессивности земельного законодательства, с одной стороны, он обеспечивает гражданский оборот земельных участков, с другой – создает условия для защиты права собственности на землю. Напротив, фискальный кадастр призван служить созданию справедливой системы налогообложения, используется для определения порядка исчисления и уплаты земельного налога и вместе с тем предполагает точное установление владельца земельного участка и наличия у него льгот по уплате земельного налога. Многоцелевой кадастр соединяет элементы финансового и правового кадастра и призван решать, во-первых, широкий спектр правовых, экономических и градостроительных задач, во-вторых, проблемы управления и планирования развития территории [3, с. 46]. Создание многоцелевого кадастра связано со многими трудностями, поскольку отдельные разделы информации или уже сложились, или находятся в различной подведомственности.

В настоящее время в России государственный кадастр недвижимости занимает центральное место в системе государственных учетов, при этом его функционирование и наполнение кадастровой информацией тесным образом связано с другими государственными учетами, например, государственным лесным реестром и государственным водным реестром. В современных условиях развития российской государственности исключительное значение приобретает проблема, затрагивающая особенности управленческой функции государственной кадастровой системы. Обращение к кадастрам природных ресурсов нельзя считать простым расширением роли системы государственного учета. Кадастровая информация в комплексном управлении природопользованием необходима прежде всего для того, чтобы правильно дать перспективную оценку развития экономики как всего государства, так и отдельного региона. Кроме того, она имеет значение для уточнения и определения специфики размещения естественных ресурсов по территории нашей страны [6, с. 66–67].

Очевидно, что кадастровые данные подлежат обязательному применению при планировании использования и охраны природных ресурсов, а также при определении и изменении режимов использования территории с учетом ее экономической ситуации и интенсификации природопользования в современный период. Одним из основных положений современного природоресурсного законодательства является принцип платности использования природных ресурсов, который имеет непосредственной целью стимулирование рационального использования и охраны природных ресурсов, уменьшение различий в социально-экономических условиях развития регионов, формирование разветвленной инфраструктуры [5, с. 68].

Данные кадастра служат объективной основой определения цены земли,

размеров земельного налога и арендной платы. Цена земли, ставки земельного налога, размеры арендной платы имеют рентную основу, зависят от плодородия и других объективных данных, составляющих систему земельно-кадастровой информации. Кадастровая информация позволяет наиболее полно реализовать принципиальное положение о земельном налоге, который складывается из ежегодной платы за предоставление земель, устанавливаемой независимо от целевого назначения и качества земель, и дифференцированной части, устанавливаемой в зависимости от качества и местоположения земельных участков [6, с. 70–71].

Кадастровая система в Российской Федерации, как отмечает М.В. Мишустин, находится в состоянии становления и развития, поэтому наряду с налаженными механизмами сбора и обработки данных об объектах земельного кадастра в настоящее время организуются процессы сбора и обработки данных об иной недвижимости. Одним из следствий этого являются существенные изменения механизмов информационного обеспечения органов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) о деятельности новых организационных структур и оценки эффективности их функционирования. Быстрая динамика изменений внешней среды требует и совершенствования механизмов информационного обеспечения кадастрового учета. Масштабность задач, стоящих перед кадастровой системой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления, во многом определяется огромным числом объектов кадастрового учета, (свыше 140 миллионов) и функционированием большого числа территориальных органов Росреестра (свыше 4,5 тысяч) на территории России [7, с. 72].

Таким образом, можно сформулировать несколько выводов, характеризующих взаимодействие государственной кадастровой оценки земель с таким правовым институтом земельного права, как государственный кадастровый учет земельных участков. Во-первых, в историко-правовом смысле правовой институт государственной кадастровой оценки земель и правовой институт государственного кадастрового учета земельных участков имеют общее происхождение, общую историю и общее предназначение. Во-вторых, земельный кадастр в структурно-логическом контексте предполагает учет земель; естественно-историческое и социально-экономическое описание земель; оценку земель. В-третьих, в зависимости от функциональной роли характера использования информации выделяется три типа кадастров – правовой, фискальный и многоцелевой. Формируемый в Российской Федерации государственный кадастр недвижимости в полном смысле можно отнести к многоцелевым кадастрам, однако он не является прогрессивным, поскольку во многих странах интенсивно развиваются пространственные кадастры.

Системы учета, оценки и регистрации прав на земельные участки как за рубежом, так и в Российской Федерации насчитывают многовековую историю развития. Высокая значимость земельных отношений для экономического развития государства предопределяет наличие значительного количества нормативно-правовых актов, принятых по вопросам учета, оценки и регистрации

прав за земельные участки. Начиная с первых кадастров Нового времени оценка земель основывалась на методах капитализации земельной ренты и сравнения продаж. Основное предназначение учета заключается в защите прав участников земельных отношений, оценки – в налогообложении земельных участков.

Библиографический список

1. *Янжул И.И.* Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. М., 2002.
2. *Воронцов А.П.* Кадастровая оценка земли. М., 2002.
3. *Захаров В.А., Лобанова Л.П.* Возникновение и развитие земельного кадастра // Кадастровый вестник. 2006. № 3.
4. *Ададимова Л.Ю.* Экономическая оценка земель сельскохозяйственного назначения и роль их рентного потенциала в повышении эффективности агропромышленного производства (на примере Республики Тыва): дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2004.
5. *Ломакин Г.В.* Оценка земли и иной недвижимости. М., 2001.
6. *Ляпина О.А.* Государственная кадастровая система России как основа эффективного управления в сфере природопользования // Государственная и муниципальная служба: От качества подготовки к качеству управления / отв. ред. С.Ю. Наумов. Саратов, 2007. С. 66–72.
7. *Мишустин М.В.* Основные задачи управления кадастром недвижимости // Экономическая политика. 2007. № 1. С. 72–89.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.Yu. Shkurov, O.N. Ponomariova
Improvement of Institutional
Mechanisms of Management
Board Functioning
in Educational Organizations

The “conceptual field” of current trends of management boards creation and activity in educational organizations is characterized. The administrative aspect of management boards’ work at the level of an educational organization is considered.

Key words and word-combinations: state and public management of an educational organization, school management board, management principles.

Характеризуется «понятийное поле» современных тенденций создания и деятельности управляющих советов в образовательных организациях. Рассматривается управленческий аспект работы управляющих советов на уровне образовательной организации.

Ключевые слова и словосочетания: государственно-общественное управление образовательной организацией, управляющий совет школы, принципы управления.

УДК 005.7:371
ББК 60.831+74.04

А.Ю. Шкуров,
О.Н. Пономарева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО СОВЕТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012) закреплён принцип государственно-общественного характера управления и предусмотрена возможность создания в образовательных организациях коллегиальных органов управления. В настоящее время практически во всех школах России созданы управляющие советы, что

* Работа проведена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг. по направлению «Достижение во всех субъектах Российской Федерации стратегических ориентиров национальной образовательной инициативы “Наша новая школа”» по мероприятиям 1.8 «Создание условий для распространения моделей государственно-общественного управления образованием и поддержка программ развития регионально-муниципальных систем дошкольного образования»

определяет согласование общественного и государственного заказа, возможность общественной независимой оценки качества образования, общественного контроля, обеспечивает позицию «дружественного критика», конструктивный совет со стороны всех заинтересованных лиц.

Управляющий совет (УС) образовательной организации (ОО) – это коллегиальный внутришкольный орган, состоящий из избранных, кооптированных и назначенных членов и имеющий управленческие (властные) полномочия по решению ряда важных вопросов функционирования и развития школы [1]. Как инструмент прямого общественного участия в управлении школой, УС в первую очередь – орган стратегического управления.

Вслед за исследователями и практиками считаем, что в состав управляющего совета должны входить родители (законные представители) обучающихся всех ступеней общего образования; работники ОО; обучающиеся, как правило, третьей ступени (уставом ОО возможно введение в управляющий совет учащихся второй ступени); руководитель образовательной организации; представитель учредителя; граждане, чья профессиональная и / или общественная деятельность, знания, опыт и возможности могут содействовать функционированию и развитию данной образовательной организации. Кооптированными членами УС являются выпускники данной образовательной организации; работодатели, чья деятельность прямо или косвенно связана с данной образовательной организацией или территорией, на которой она расположена; представители образовательных и научных учреждений; граждане, известные своей культурной, научной, общественной, в том числе благотворительной, деятельностью в сфере образования.

Статус УС значительно выше статуса всех органов школьного самоуправления: участие учредителя в создании УС и непосредственное участие специального представителя учредителя в работе ставит УС вровень с директором школы перед лицом учредителя и создает гарантии соблюдения (со стороны государственных органов управления) закрепленных за УС полномочий. Поэтому логично считать управляющий совет лидирующим органом среди всех остальных органов самоуправления образовательного учреждения. Этот статус УС укрепляет позиции уже существующих органов самоуправления, роль которых возрастает, а УС становится лидером, координирующим деятельность всех остальных органов самоуправления, давая возможность каждому из них формулировать свои требования через своих представителей в составе УС, находить согласованные решения.

В отличие от органов внутришкольного самоуправления (отстаивающих интересы и права отдельных групп участников образовательного процесса), УС является органом управления, решения которого обязательны для исполнения всеми участниками образовательного процесса, включая директора школы. Функционал УС можно определить через вовлечение представителей широкой общественности в управление ОО (стратегическое планирование; нормативное обеспечение реализации стратегии развития; мотивация реализации стратегии развития ОО, в том числе через распределение стимулирующей части фонда оплаты труда; контроль реализации стратегии, мониторинг и публичная отчетность).

При организации внутренней деятельности (распределении задач и сфер ответственности) большинство УС идут по пути создания специализированных коллегиальных структур: постоянных и временных (на срок или под определенную задачу) комиссий, комитетов, рабочих групп. Важно, что каждый член УС несет моральную ответственность перед всеми участниками образовательного процесса, рискуя своей деловой и человеческой репутацией в общественном мнении школьного и муниципального сообщества [1].

Управляющий совет – инструмент прямого общественного участия в управлении образовательной организацией, орган стратегического управления, своеобразный «стратегический штаб школы и постоянный конструктивный помощник и советчик директора в определении и реализации намеченных целей и стратегии их достижения» [2, с. 21]. Участие УС в оценке качества образования отвечает его статусу как органа стратегического управления школой. Оценка качества образования состоит из действий по сбору данных (процедуры измерения, изучения), их обработке и анализу, осуществлению выводов на основе собранных данных. Сбор и обработка данных являются задачей администрации школы и ее методической службы, а УС, не устранившись от процедуры сбора данных (мониторинга), занимает управленческую позицию, акцентируя внимание на анализе полученных данных [3]. Распространена практика включения в функционал УС участия представителей общественности в процедурах итоговой аттестации обучающихся, в том числе в форме государственной итоговой аттестации в 9–11 классах [4]. Члены УС могут посещать уроки с целью экспертизы соблюдения прав участников образовательного процесса, следования этическим нормам профессиональной деятельности. К управленческим функциям УС может быть отнесена и функция преобразования некоторых решений других школьных органов самоуправления в управленческие решения, обязательные для всех участников образовательного процесса.

Управляющий совет не имеет функции надзорного органа. Скорее, как отмечают исследователи [5], изучавшие зарубежный опыт, это должна быть роль «дружелюбного критика».

Управляющий совет как структура партисипативного управления содействует созданию среды для обучения навыкам общественной самоорганизации не только участников образовательного процесса, но и других граждан местного сообщества; организации пространства общих дел; реализации прав каждого участника образовательного процесса цивилизованно влиять на ход событий в своих интересах; формированию и совершенствованию навыков командной работы, ответственности за совместно принятые решения; эффективности использования ресурсов, расширению межведомственных связей.

Управляющий совет может улучшить условия жизни детей в школе, создать в ней более разумный и человеческий уклад. Именно поэтому качество школьного питания, безопасность, комфортность среды, оздоровительные меры, разумное сочетание учения и отдыха – тоже забота членов совета. Показателен опыт Дании: только управляющие советы могут решить, что важнее – быть первыми в мире по академическим показателям или чтобы детям нравилось учиться [6].

Инновационной для российской системы образования стала практика под-

готовки общественных управляющих, актуализированная именно созданием УС в школах. Без такой подготовки «велик риск принятия новыми управляющими неадекватных решений с явными негативными последствиями и дискредитации самой идеи управляющих советов» [7, с. 15]. Сегодня программы обучения общественных управляющих – членов школьных УС реализуются в различных непрерывных и дискретных, а также контактных (очных) и дистанционных вариантах. Перспективным является развитие практики дистанционного обучения с помощью интернет-сайтов, мультимедийных интерактивных учебных пособий. Тематика государственно-общественного управления (ГООУ) включается кое-где в содержание педагогического образования. А. А. Пинский отстаивал три существенные характеристики школьного УС в России: коллегиальность; полноправное участие школьников; реальные властные полномочия [8]. Поэтому особую актуальность приобретает подготовка учащихся – членов УС. По сути, речь идет о подготовке нового поколения к работе в управляющих советах (в недалеком будущем – в качестве родителей и кооптированных членов) [7], о воспитании самостоятельного, правоспособного, ответственного субъекта на базе школы.

Можно сделать вывод, что УС призван выстроить, организовать и развивать конструктивное партнерство участников образовательного процесса, школы и местного сообщества, обеспечить прозрачность и отчетность в деятельности школы, стратегическое мышление и планирование в управлении школой, выстроить внутреннюю среду школы на принципах открытости и гуманизма. Весь процесс введения описанной модели УС, например, в Англии занял 15 лет, порой приобретая проблемный характер. «Но сейчас можно быть уверенным, что большинство английских работников школы (и родителей) не захотят “перевести стрелки назад” и вернуться к прежней ситуации», – отметил А.А. Пинский [8, с. 168].

Изложенное позволяет определить миссию управляющего совета, который призван выстроить, организовать и развивать конструктивное партнерство участников образовательного процесса, школы и местного сообщества, обеспечить прозрачность и отчетность в деятельности школы, стратегическое мышление и планирование в управлении школой, формировать внутреннюю среду школы на принципах открытости и гуманизма. Вслед за М.А. Гончаровым полагаем, что в основе взаимодействия лежит «механизм функционирования общественного участия в управлении педагогическим образованием, который опирается на принципы доступности, четкого распределения полномочий и сфер ответственности всех субъектов управления, паритетного участия властей и работодателей в создании общественных институтов, социального партнерства и сотрудничества, непрерывности и многоуровневости профессионального педагогического образования, перехода к договорным формам трудоустройства (целевой набор, контрактные соглашения, образовательные кредиты и др.)» [9].

Вопрос эффективности работы УС поднимался на заседании форума Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”», тема заседания: «Качественное образование во имя страны» [10]. В Законе «Об

образовании в Российской Федерации» не определены полномочия, ответственность, и на сегодняшний момент нет подзаконных федеральных актов, регулирующих эти вопросы. Поэтому встречаются как формальные, «карманные» советы (которые не имеют прав, не пользуются доверием ни общественности, ни школьной администрации), так и очень активные управляющие советы (в которых наблюдается разное понимание родителями выполняемой роли «общественного управляющего», что может приводить к конфликтам).

В.В. Путин на пленарном заседании форума Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”» (15 октября 2014 г., Пенза) поддержал идею оптимизации советов, заметив, в частности, следующее: «...особенно это касается тех школ, которые переходят на новую систему работы, связанную с возможностью оптимизировать педагогический либо технический состав. Здесь очень важна роль этих советов, особенно для того, чтобы не было какого-то в данном случае диктата со стороны администрации» [10]. Президент поручил создать методические указания, в которых «должны быть права и точно обозначенные обязанности».

Более десяти лет назад были опубликованы методические рекомендации по созданию управляющих советов. Нынешнее время требует разработки и внедрения подзаконных федеральных актов, определяющих статус, разграничение или баланс полномочий, взаимодействий УС. Это снизит зону конфликтов и позволит управляющим советам стать эффективными партнерами, помощниками и действительно решать вопросы стратегии и развития школы.

В российских школах сегодня функционируют структуры разнообразных форматов, в разной степени включенные в ГОУ, помимо управляющего и попечительского советов, общественных фондов: совет учредителей, инновационный совет, экспертный совет, научно-методический совет, педагогический совет, орган разработки стратегического развития школы, профессиональные объединения педагогов, временные творческие группы, клубы учителей, объединения руководителей кружков и секций, общешкольный и классные родительские комитеты, совет родителей, школьный парламент, школьная дума, конференция обучающихся, совет старост, совет класса, совет выпускников, совет спонсоров и другие.

В ряде регионов России появились новые территориальные общественные советы и структуры, заинтересованные в результатах образовательной деятельности: совет директоров образовательных учреждений, ассоциация педагогической общественности, совет председателей попечительских советов общеобразовательных учреждений (ОУ), совет председателей школьных родительских комитетов, союз родительской общественности, совет профилактики правонарушений, совет руководителей органов ученического самоуправления ОУ, советы (фонды) выпускников, общественные советы школ, благотворительные фонды, ассоциации, союзы и др. Независимо от формы государственно-общественного управления образованием (ГООУ) его общественная составляющая на уровне ОУ может воздействовать: на условия осуществления образовательного процесса, предъявляя к ним требования выше лицензионных; на отношения участников образовательного процесса, реализуя и защищая в случае необходимости права и интересы учащихся и

их родителей; на качество образования, предъявляя требования к результатам образования выше государственного образовательного стандарта. В связи с этим следует упомянуть об активизации в последние годы общественного участия в оценивании деятельности общеобразовательных учреждений, которое имеет смысл не столько как процедура собственно оценивания, сколько как средство согласования государственного и общественного заказа на качество образовательных результатов и качество условий организации образовательного процесса в системе общего образования. В данном случае осуществляется общественная экспертиза принимаемых решений по развитию образовательного учреждения.

В планах по модернизации российского образования предусмотрены новации, которые делают участие гражданских институтов в экспертизе необходимым и возможным: внедрение в ОУ новой системы оплаты труда; установление зависимости оплаты труда от результатов педагогической деятельности; переход части образовательных учреждений в новые организационно-правовые формы; апробация новой модели финансирования общеобразовательных учреждений. Участие гражданских институтов в аттестации образовательных учреждений и педагогов представляется возможным именно в форме гражданской экспертизы. Гражданская экспертиза образования может стать площадкой, на которой произойдет не только оформление общественного заказа, но и институционализация тех групп граждан, которые готовы этот заказ формулировать. Таким образом, оформление гражданских институтов является не только средством, но и целью гражданской экспертизы в образовании.

За рубежом практика привлечения общественности к оценке социальных и образовательных услуг в последние годы стала заметной тенденцией и получила определение «совместная оценка» («оценка при участии», «оценка с определенными полномочиями»). Термин «совместная» предполагает, что ответственность за оценку и принятие решений делится между людьми. В ряде зарубежных стран практика совместного мониторинга (школы и родителей) достижений учащихся закреплена законодательно для поддержки практики общественной оценки в образовании и расширения форм социального партнерства и ответственности общества за его качество.

Результаты введения ГОУ в образовательном учреждении можно оценить по следующим параметрам: наличие в ОУ нормативно-правовой и инструктивно-методической базы, обеспечивающей развитие общественного участия в управлении образованием (количество принятых соответствующих локальных актов; характер полномочий в уставе органа самоуправления; наличие публичного отчета (доклада) школы); участие общественности в стратегическом управлении образованием (наличие программы развития ОУ, утвержденной управляющим советом и предусматривающей участие общественности в управлении); общественное участие в оценке и контроле качества образования (представительство общественности в составе комиссий по лицензированию и аттестации; наличие заключения общественных экспертов при проведении процедур лицензирования и аттестации); информационная открытость и прозрачность деятельности ОУ (наличие ссылок на публикацию публичного отчета в СМИ; наличие и

выполнение программы просветительской, информационной работы с родительским сообществом; наличие сайта ОУ в Интернете); обучение общественных управляющих и руководства ОУ (количество общественных управляющих, прошедших обучение; членов администрации школы, прошедших подготовку по вопросам ГОУ).

Внедрение моделей ГОУО является одним из условий открытости и инвестиционной привлекательности сферы образования, развития институтов гражданского общества. Расширение общественного участия в управлении образованием, с одной стороны, ключевое направление модернизации, а с другой – способ модернизации всей системы образования. Опыт стран с развитой системой ГОУ показывает: участие родительской и иной общественности в управлении школой оказывается и педагогически, и экономически, и управленчески весьма эффективным.

Два направления образовательных реформ в России – демократизация и гуманизация – являются базовыми механизмами появления и эффективного функционирования ГОУО как механизмы первого порядка; социальное партнерство – как механизм второго порядка, а ряд частных механизмов, создание или актуализация которых необходимы при организации и оптимизации ГОУ на уровне образовательного учреждения, – как механизмы третьего порядка. К ним, на наш взгляд, относятся развитие неуправленческих форм сотрудничества школы и общественности, мониторинг образовательных потребностей населения и его готовности к самоуправлению, нормативное закрепление инициации общественного участия в управлении образованием, наличие системы информирования общественности, общественного наблюдения и общественного контроля. Открытость, как системное качество образовательного процесса, следует считать сквозным принципом для всех механизмов организации ГОУ в школе.

Библиографический список

1. Шкуров А.Ю., Пономарева О.Н. Государственно-общественное управление общеобразовательным учреждением. Пенза, 2014.
2. Седельников А.А. Управляющий совет – гражданское участие в управлении образованием. М., 2008.
3. Организация государственно-общественного управления в образовательном учреждении: учеб.-метод. мат-лы для целевого повышения квалификации управленч. кадров / сост. С.Г. Косарецкий; под ред. А.М. Моисеева. М., 2007.
4. Гончаров М.А., Соломатина Т.Б. Государственно-общественное управление педагогическим образованием как социально-педагогическое явление // Инициативы XXI века. 2013. № 3. С. 34–38.
5. Лучшие практики общественного участия в формировании и реализации политики в сфере образования: сб. мат-лов / под общ. ред. С.Г. Косарецкого, Е.Н. Шимутиной. М., 2009.
6. Кривцова Е. Правовые принципы участия родителей в политике образования. Рига, 2006.
7. Образовательная программа обучения общественных управляющих / сост. А.М. Моисеев; рук. проекта А.А. Пинский. М., 2005.
8. Пинский А.А. Общественное участие в управлении школой: Школьные советы. М., 2004.
9. Гончаров М.А. Государственно-общественное управление педагогическим образованием в России XVIII – начала XX в. М., 2013.
10. Стенографический отчет о пленарном заседании форума ОНФ «Качественное образование во имя страны» // Живой Журнал: [сайт]. URL: <http://pismadljaliz.livejournal.com/2044386.html>

I.V. Gamova, D.I. Prisyazhnyuk
The Professional Group
of Doctors in the Context
of the Changing Public
Healthcare System

Socio-demographical, socio-economical and other characteristics of medical doctors as a professional group in the context of Russian healthcare reforms are evaluated. The study analyzes the deepening of heterogeneity within the professional group of medical doctors, which is manifested in changes in the relative number of physicians, as well as in the increasing regional differentiation in the income between doctors of various specialties and healthcare sectors.

Key words and word-combinations: healthcare reform, professional group of medical doctors, Russian regions.

Оцениваются социально-демографические, социально-экономические и другие характеристики профессиональной группы врачей в условиях реформирования здравоохранения. Анализируется углубление неоднородности внутри профессиональной группы врачей, проявляющейся в изменениях относительной численности врачей, а также в усиливающейся региональной дифференциации по оплате труда между врачами разных специализаций и секторов здравоохранения.

Ключевые слова и словосочетания: реформирование здравоохранения, профессиональная группа врачей, регионы России.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

И.В. Гамова, Д.И. Присяжнюк

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ВРАЧЕЙ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Стратегия развития здравоохранения большинства экономически развитых государств в настоящее время направлена на укрепление первичной медико-санитарной помощи как наиболее эффективного способа поддержания здоровья широких слоев населения этих стран. Такая модель, с точки зрения экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более всего отвечает демократическим принципам всеобщей доступности медицинской помощи при сохранении качества, является наиболее экономически эффективной и повышающей удовлетворенность населения медицинскими услугами [1]. Основными приоритетами модернизации отечественного здравоохранения, начавшейся с 2000-х годов, были провозглашены профилактическая направленность отрасли с укреплением первичного звена здравоохранения [2], а также целая система мероприятий по обеспечению населения качественной и доступной медицинской помощью.

В 2000-х годов осуществлена серия реформ российской сферы охраны здоровья. Предполагалось, что укрепление материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений, информатизация здравоохранения, внедрение медико-экономических стандартов и дополнительные экономические стимулы для медицинских работников будут способствовать выполнению поставленных государством задач. Результативность прово-

димых реформ на настоящий момент не достаточно полноценно определена: оценка сводится в основном к описанию объемов затраченных финансовых средств и закупленного оборудования [3]; значительно меньшее внимание в государственных отчетах отводится мониторингу изменений внутри профессиональной группы врачей.

В связи с изложенным представляется необходимым оценить динамику социально-экономических, социально-демографических и других характеристик профессиональной группы врачей за период реформирования здравоохранения, в том числе изменений численности, половозрастного состава, дохода, уровня квалификации врачей разных медицинских специальностей и географических регионов России.

Содержание и способы презентации государственных статистических данных в некоторых случаях значительно сокращают перспективы анализа отечественной системы здравоохранения. Во-первых, некоторые исследователи отмечают недостаток открытой информации по некоторым ее сферам. Так, И.В. Корхова обосновано обращает внимание на непрозрачность финансовых потоков, поступающих в здравоохранение, и, как следствие, на отсутствие статистической информации относительно материального состояния отрасли. Из данных официально опубликованной статистики не ясно, откуда поступают средства и каковы направления их использования [4]. Во-вторых, государственная статистика о системе здравоохранения нередко приведена таким образом, что характеризует всех работников сферы, не выделяя данных о практикующих врачах. В-третьих, статистические данные, полученные из разных источников, в ряде случаев оказываются крайне противоречивыми. Поскольку далеко не всегда даны описания способов получения материала и моделей расчета, невозможно дать однозначный ответ о причинах расхождения показателей, опубликованных разными статистическими органами.

Осуществление задачи по эффективному реформированию системы здравоохранения усложняется сохранившимся недофинансированием отрасли. Общие расходы на здравоохранение в 2010 г. составили 4% от ВВП [5, с. 83], что оказалось ниже рекомендованного ВОЗ шестью годами ранее минимального показателя затраченных средств на сферу охраны здоровья – 5% от ВВП [6].

Несмотря на поставленную задачу по укреплению первичной медико-санитарной помощи населению, в последние годы наблюдается сокращение числа амбулаторно-поликлинических учреждений. Общее количество поликлиник снизилось более чем на четверть с 2000 г. (21 254) до 2012 г. (16 537) [7]. Детальный анализ статистических данных показывает, что число поликлиник, а также их мощность в городских поселениях незначительно растет, а их количество в сельской местности, наоборот, снижается более чем в три раза с 2000 по 2012 г. [7]. Таким образом, наблюдается сокращение числа и мощности амбулаторно-поликлинических учреждений на территориях с наименьшими показателями доступности медицинской помощи населению [8], что существенно ухудшает раннюю диагностику заболеваний и их профилактику. На практике это выражается в том, что пациенты из сельской местности в 1,2–1,5 раза реже посещают амбулаторно-поликлинические учреждения, чем жители городов [9, с. 130].

В процессе реализации национального проекта «Здоровье» рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений происходит за счет негосударственного сектора здравоохранения. Так, в 2000-е годы происходит сокращение количества государственных муниципальных поликлиник с 19 044 в 2000 г. до 12 029 в 2012 г., и наблюдается стремительный рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений негосударственного сектора (с 1724 в 2000 г. до 3748 в 2012 г.) [7]. С другой стороны, мощность поликлиник государственного сектора не снижается: в этом случае, очевидно, происходит укрупнение существующих учреждений. Значительный рост числа негосударственных поликлиник связан с рядом государственных шагов в сторону развития рыночного сектора здравоохранения. Так, согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ «О Порядке выдачи медицинскими организациями листов нетрудоспособности» [10] частные медицинские клиники с 2007 г. получили возможность оформлять больничные листы, что сделало их более привлекательными для платежеспособных пациентов. Значительный рост числа, а также мощности негосударственных лечебных учреждений в последние годы свидетельствует о готовности населения инвестировать личные средства в собственное здоровье.

Вопросы качества оказания медицинских услуг напрямую связаны не только с наличием современного материально-технического оснащения учреждения, но и с доступностью получения квалифицированной медицинской помощи.

За последнее десятилетие в России отмечался некоторый рост числа врачей на 10 тыс. человек населения, но с 2011–2012 гг. наблюдается определенное снижение этого показателя: с 51,2 тыс. до 49,1 тыс. на 10 тыс. человек населения [7]. Статистические данные ВОЗ также демонстрируют снижение показателя относительной численности врачей в России, при этом относительная численность врачей в странах Европейского Союза за последние годы, напротив, растет. Так, по данным 2012 г., количество врачей на 100 тыс. человек населения в России сохранялось более высоким, чем в европейских странах (431 против 346) [11].

Обеспеченность медицинским персоналом несколько варьируется в различных регионах страны. В большинстве субъектов РФ наблюдается снижение относительной численности врачей, и лишь для единичных территорий характерен рост этого показателя (например, в Ямало-Ненецком автономном округе: с 34,2 на 10 тыс. населения в 2000 г. до 49,5 в 2011 г.) [7]. Однако для всех субъектов РФ типична ситуация: сосредоточенность врачебного персонала в областных центрах или крупных городах и отток медицинских кадров из сельских населенных пунктов.

Динамика относительной численности врачей разных специальностей также неравномерна. С 2005 г. в целом наблюдается некоторое увеличение доли врачей-терапевтов и педиатров в общей структуре врачебных кадров лечебных учреждений. Вероятно, процесс государственного реформирования здравоохранения с акцентом на первичную медико-социальную помощь и принятие мер дополнительного материального стимулирования медицинских работников первичного звена (с 2005 г.) позволил вернуть в эту сферу некоторое количество

участковых терапевтов, повысив показатель обеспеченности населения этой категорией врачей по стране в целом с 11,2 до 11,7 (из расчета на 10 тыс. населения), а также сохранить квалифицированных педиатров. Так, в Саратовской области число врачей-педиатров в 2011 г. оказалось несколько выше (22,54) соответствующего среднего показателя по стране в целом (20,68). Однако в Северо-Кавказском федеральном округе этот показатель (12,66) существенно ниже общероссийского [7].

В ряде стран СНГ наблюдается обратная тенденция – сокращение численности врачей-педиатров и терапевтов (в расчете на 10 тыс. населения) [12]. Зарубежные исследователи указывают, что терапевтам по сравнению с врачами – «узкими» специалистами сложнее устроиться в коммерческий сектор здравоохранения.

Количество «узких» специалистов (на 10 тыс. населения) не претерпело существенных изменений за последние 10–11 лет [7]. Существенные различия наблюдаются в относительной численности врачей престижных медицинских специальностей в субъектах РФ с разными экономическими возможностями. Так, обеспеченность нейрохирургами в Москве в два раза выше соответствующего показателя по стране в целом, а в Республике Ингушетия – в тридцать раз ниже среднероссийского значения [7]. Подобные статистические данные свидетельствуют о недостаточном развитии отдельных направлений медицинской помощи в отдаленных от столицы и экономически менее развитых регионах России.

Заработная плата медицинских работников является одной из самых низких по стране в целом, несмотря на заявленные целевые показатели. Так, по результатам 2010 г. соотношение оплаты труда медицинских работников и средней заработной платы в Дальневосточном федеральном округе составило 0,75, в более благополучных регионах, каким считается Центральный, – 0,82 [13].

Согласно данным за 2011 г. среднемесячная начисленная зарплата в сфере здравоохранения оказалась одной из самых низких из всех видов экономической деятельности [14]. Тем не менее, по данным Росстата, среднемесячная заработная плата работников здравоохранения значительно выросла с 2000 г. (1371 руб.) по 2012 г. (20 641 руб.), однако ее рост неравномерен в разных секторах здравоохранения. Наиболее высокий уровень оплаты труда характерен для государственных учреждений (21 724 руб. в месяц в 2012 г.). В учреждениях рыночного сектора здравоохранения средняя заработная плата в 2012 г. оказалась несколько ниже и составила 20 564 руб. в месяц [7]. С другой стороны, статистические данные лишь отчасти могут быть экстраполированы на профессиональную группу врачей, поскольку характеризуют всех работников учреждений, а также приведены в соответствии с номинальной начисленной заработной платой, а не реальным доходом. Материалы интервью с врачами поликлиник свидетельствуют о том, что в сфере частной медицинской практики номинальные зарплаты небольшие или отсутствуют вообще. Врач получает дополнительные финансовые средства в виде определенного процента от стоимости проведенных медицинских процедур или оказанных услуг. Таким образом, реальный доход врачей негосударственной сферы оказывается выше.

Заработная плата работников муниципальных медицинских учреждений

растет значительно более низкими темпами по сравнению с ростом зарплаты занятых в организациях других форм собственности. Показатель среднемесячной заработной платы в муниципальных учреждениях снизился с 91% в 2000 г. до 86% в 2012 г., хотя соответствующий показатель у работников других типов учреждений растет [7]. Таким образом, несмотря на усилия государства по экономическому стимулированию медицинского персонала муниципальных поликлиник, реальные доходы работников в этих организациях с 2000-х годов остаются невысокими. Большинство сельских врачей, зарплата которых ниже соответствующего показателя городских медиков, заняты в муниципальном здравоохранении, что также является немаловажной причиной низкого уровня доходов работников этого сектора здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1

**Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата
работников здравоохранения
в организациях разных форм собственности в Российской Федерации**

Форма собственности	2000	2005	2010	2011	2012
	В рублях				
Государственная	1431	6603	18407	19615	21724
Муниципальная	1243	5172	12761	14717	17727
Частная	1532	6844	18252	18409	20564
<i>Всего</i>	<i>1371</i>	<i>5906</i>	<i>15724</i>	<i>17545</i>	<i>20641</i>
	В % к среднемесячной заработной плате в целом по здравоохранению				
Государственная	104	112	117	112	105
Муниципальная	91	88	81	84	86
Частная	112	116	116	105	99,6
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Проведенный анализ данных негосударственного лонгитюдного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» свидетельствует, что за годы реализации национального проекта «Здоровье» сокращается число врачей, зарплата которых оказывается ниже прожиточного минимума, – с 21,8% в 2006 г. до 15,25% в 2011 г. Наряду с этой позитивной динамикой усиливается дифференциация между средней зарплатой врачей и населения страны в целом. Так, в 2006 г. среднемесячная заработная плата врачебного персонала составляла 61,3% от общероссийского показателя, а в 2011 г. – 48,5%. Таким образом, реализация национального проекта «Здоровье» привела к некоторому подъему экономического ресурса профессиональной группы врачей, но при этом возрастает доля врачей, доход которых оказывается ниже соответствующего среднего показателя по стране.

Низкий уровень заработной платы специалистов практического здравоохранения заставляет врачей оставлять рабочие места в государственных лечебных учреждениях, что снижает обеспеченность населения доступной и качествен-

ной медицинской помощью. Кроме того, недостаточная оплата труда медицинских работников существенно снижает престиж профессии и ограничивает вливания в отрасль молодых специалистов.

По данным 2011 г., Россия занимает лидирующее место по числу женщин-врачей, занятых в сфере здравоохранения: 66% против 34% мужчин [15]. Иная ситуация наблюдается в европейских странах: от 49% женщин и 51% мужчин в Финляндии до 28% женщин и 72% мужчин в Норвегии [16]. Причиной данной диспропорции большинство исследователей называют более низкий, чем в европейских странах, доход врача, что делает профессию менее привлекательной для мужчины. Кроме того, мужчины значительно чаще женщин занимают руководящие посты, замещая практическую деятельность на административную. Сохраняющие свою профессиональную активность мужчины предпочитают работать в привилегированных медицинских специальностях (хирургия, урология, гинекология).

Таблица 2

Динамика распределения врачей по квалификационным категориям в Российской Федерации, %

	1995	2010	2011	2012
Квалификационная категория				
Высшая	26	29	29	30
Первая	21	18	17	16
Вторая	7	5	5	5
Сертификат специалиста	80	89	90	95

Увеличение доли врачей, получивших в последние годы сертификаты и квалификационные категории, отвечает современным организационным требованиям к медицинским работникам. Снижение же числа медиков с первой и второй квалификационной категорией может быть объяснено и возросшей долей врачей пенсионного возраста, что отмечают многие исследователи [17].

Согласно данным выборочного исследования, проведенного в восьми субъектах РФ, средний возраст врача в стране составляет 46,13 года, при этом 40% медицинских работников – лица пенсионного и предпенсионного возраста. Средний возраст врача напрямую зависит от его медицинского профиля. Статистические данные показывают, что к наиболее «молодым» медицинским специальностям относятся врачи-генетики (34 года), челюстно-лицевые хирурги (40,12 года), торакальные хирурги (42,27 года), а наиболее высокий средний возраст наблюдается у врачей по гигиеническому воспитанию (59,30 года), терапевтов подростковых кабинетов (53,17 года), физиотерапевтов (52,14 года) [18]. Такой разрыв в показателе среднего возраста свидетельствует о неравном престиже различных специализаций, когда одни (например, хирургия) оказываются более привлекательными для молодых специалистов, чем другие (например, терапия).

Несмотря на предварительные подтверждения о выходе российской системы здравоохранения из кризиса, статистический анализ отчетной документа-

ции позволяет свидетельствовать о наличии ряда нерешенных проблем в этой отрасли. Выявлено сохранение гендерного неравенства в сфере охраны здоровья: женщины продолжают занимать самые низкодоходные профессиональные позиции. Кроме того, наблюдается тенденция старения кадров, начавшийся приток в отрасль молодых специалистов значительно сократился. Значимые различия в характеристиках врачей отмечаются на межрегиональном уровне. Показатели степени укомплектованности медицинских учреждений кадрами, в том числе по различным специальностям, значительно отличаются в отдельных регионах России. В ходе реформирования здравоохранения в 2000-х годах произошло углубление межрегиональной дифференциации по уровню заработной платы врачей.

Средняя зарплата российского врача значительно ниже, чем доход работников, занятых в других отраслях экономической деятельности. Динамика уровня дохода, укомплектованности медицинских учреждений кадрами, численности врачей в рамках отдельных специализаций и разных субъектов РФ за 2000–2011 гг. свидетельствует о противоречиях в привлекательности врачебной профессии в России. Иными словами, современное российское медицинское сообщество неоднородно: в нем выделяются группы с разным уровнем дохода и престижа.

Библиографический список

1. Таллиннская хартия: Системы здравоохранения для здоровья и благосостояния // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/88612/E91438R.pdf
2. Сковорода В. Здравоохранение: в поисках работающей модели // Экономическая политика. 2010. № 2. 2012, С. 57–60.
3. Ресурсы и деятельность учреждений здравоохранения, 2012 // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/docs/mzsr/stat/117>
4. Корхова И.В. О статистике здоровья и здравоохранения в России // Управление здравоохранением. 2009. № 23. С. 27–40.
5. Ермакова С.Е. Российское здравоохранение до и после кризиса: состояние и проблемы // Экономика и управление. 2010. № 11 (72).
6. Рожаницына Л.С. Национальные проекты, их влияние на решение социальных и гендерных проблем в России // О перераспределении полномочий по уровням власти: Обсуждение по проекту ЮНИФЕМ «Гендерные бюджеты в России», 2006. URL: http://www.owl.ru/rights/discussion2004/7_01.htm
7. Здравоохранение в России – 2013 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/Main.htm
8. Здравоохранение в регионах Российской Федерации: механизмы финансирования и управления / отв. ред. С.В. Шишкин. М., 2006.
9. Черкашина Т.Ю. Дифференциация населения России по потреблению медицинских услуг: масштабы и факторы // SPERO. 2012. № 17.
10. О порядке выдачи медицинскими организациями листов нетрудоспособности: приказ Минздравсоцразвития России от 1 авг. 2007 г. № 514 // Рос. газ. URL: <http://www.rg.ru/2007/11/17/a189409.html>
11. Trends in health systems in the former Soviet countries: observation studies series / ed. by B. Rechel, E. Richardson, M. McKee. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/261271

12. Хачатрян Т.С. Кадровые ресурсы здравоохранения Республики Армения в современных условиях // Управление здравоохранением. 2009. № 23. С. 56–63.
13. Регионы России: социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm
14. Уровень оплаты труда в экономике России // Проблемы социальной политики. 2012. Вып. 4. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=sp3>
15. Здравоохранение в России, 2011: стат. сб. М., 2011.
16. The world health report 2006: working together for health // World Health Organization. URL: <http://www.who.int/whr/2006/en/>
17. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Сравнительный анализ уровня жизни медицинских и педагогических работников в ходе реализации национальных проектов // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 3. С. 339–356.
18. Характеристика врачебных кадров разного профиля в субъектах Российской Федерации / С.А. Леонов, Э.Н. Матвеев, В.Г. Акишкин [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения, электронный научный журнал. 2010. № 1.

V.V. Yershov
**Methodological Basis of Research
of the Organization Cultural
Capital Transformation**

The shortcomings in the sociology of the functional-structural and historical-evolutionary approaches to the analysis of organization cultural capital are revealed. Integrative methods of research and the comprehensive application of elements of “protogenesis”, the analysis of “generative situations”, and the assessment of the socio-cultural accumulation are proposed.

Key words and word-combinations: social transformations, cultural capital, methodology, organization.

Раскрываются недостатки применяемых в социологии функционально-структурного, а также историко-эволюционного подходов анализа культурного капитала организации. Предлагаются интегрирующие методики исследования, комплексное применение элементов «протогенеза», анализа «генеративных ситуаций», оценки социокультурного накопления.

Ключевые слова и словосочетания: социальные трансформации, культурный капитал, методология, организация.

УДК 316.354
ББК 60.55

В.В. Ершов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

В современных условиях основным фактором инновационного развития организации является ее культурный капитал. Динамичное обновление культурного капитала влечет за собой необходимость развития методологии и инструментария исследования трансформаций культурного капитала организаций. Вместе с тем современная практика исследования трансформации культурного капитала на микроуровне не имеет комплексной методологической базы. Проблема методологического обоснования исследования микротрансформационного контекста культурного капитала ставит перед современными социологами ряд задач, требующих ре-

шения в ближайшей перспективе. Во-первых, следует раскрыть сущность трансформации культурного капитала как социального явления, уточнить основные вопросы, позволяющие конкретизировать трансформацию как социокультурный процесс. Во-вторых, необходимо рассмотреть общие методологические подходы к исследованию данного явления, представить предложения по оптимизации общих методов, предложить интегрирующую системную методологию исследования трансформации культурного капитала современной организации.

Представим наше видение решения данных научных задач. Сначала остановимся на решении первой задачи. Согласно социологической традиции, «трансформацию» стоит рассматривать как процесс перехода объекта исследования из одного состояния в качественно другое, имеющее новые специфические черты и проявления [1, с. 153–154]. В целом трансформация обозначает определенный качественный сдвиг социальной системы. При этом трансформирующаяся социальная система может быть обоснована в контексте раскрытия следующих вопросов: уточнение сущности явления и исходного пункта его трансформации [2]; внешние и внутренние вызовы трансформации; этапы прохождения или качественные сдвиги трансформации; факторы, определяющие и влияющие на процессы трансформации; показатели оценки качественных трансформационных сдвигов [3, с. 23].

Человек в новых условиях должен исследоваться, с одной стороны, как носитель культурного капитала (а значит, фактор развития и обновления всякой социальной хозяйственной деятельности, в том числе трудовой), с другой стороны – как центральная системообразующая цель развития всякой организационной структуры общества. В данном контексте культура представляет собой элемент габитуса. Она не только является результатом развития организации, но оказывает существенное влияние на организацию и ее отдельные социальные структуры. Можно констатировать поэтому, что каждый новый этап обновления организации, ее основных социальных подсистем имеет свои специфические и промежуточные социальные целевые ориентиры, а также социально-культурные трансформации. В то же время достижение основных целей развития организации в конечном итоге должно создавать социальные условия для формирования культурного капитала человека труда, а также обеспечивать реализацию образовательных, культурных, здравоохранительных программ, направленных на формирование социально значимых свойств и характеристик «деятельностного человека».

Культурный капитал здесь представляет собой деятельную реализацию «культуры индивида, превращение реконверсии качественных характеристик, носителем которых он является, в основополагающий фактор доступа к обладанию социальным профессиональным статусом, экономической властью, доходами» [4, с. 2]. При создании необходимых условий в процессе деятельности человек и будет реализовывать свой культурный потенциал в качестве культурного капитала организации. В процессе данных изменений и осуществляется трансформация культурного капитала организации. Не вызывает сомнения тот факт, что организации разного типа имеют определенные особенности трансформации культурного капитала работников.

Очевидна необходимость комплексного методологического подхода к изучению культурного капитала работников в контексте социокультурных изменений внешней социальной среды организации. Методология анализа традиционно понимается как «совокупность принципов, методов и приемов исследования» [5, с. 30]. Изучение культурного капитала организации не может основываться на механическом использовании общесоциологических методологических подходов. Данные подходы должны быть дополнены специфическими методологическими уточнениями и обоснованиями, так как теорию культурного капитала организации следует рассматривать как специфический раздел социологии, имеющий особенное содержание, специфические формы и механизм исследования.

Существуют некоторые сложности и в выборе конкретных методических подходов при исследовании культурного капитала организации. Во-первых, появляется угроза абсолютизации роли и места в формировании культурного капитала работников научных, а также образовательных подсистем организации. Во-вторых, возникает проблема, связанная с проведением конкретного эмпирического исследования, а также с применением чисто ситуационного анализа эмпирических данных. В этом случае к объяснению процессов трансформации культурного капитала привлекаются лишь феномены, механизмы, а также факторы сегодняшнего проявления, настоящего видения исследуемых проблем. В данном контексте культурный капитал может быть рассмотрен в рамках узко ограниченного промежутка времени. Традиционно применяемые в социальных исследованиях функционально-структурный (изучение прежде всего структуры и структурных компонентов каждой формы культурного капитала, уточнение видов деятельности акторов, социально значимых функций реализации их потенциальных культурных свойств), а также историко-эволюционный (изучение прежде всего непрерывных обновлений, изменений, а также эволюционных сдвигов, трансформаций как в отдельных компонентах, так и во всей системе культурного капитала в целом) подходы могут быть не эффективными. Применение данных подходов может привести к преимущественному учету случайных процессов и обстоятельств. В итоге культурный капитал как целостное явление будет исследован неэффективно. При этом преобладание функциональной компоненты процесса формирования культурного капитала не вызывает сомнения. Функциональный подход исследования культурного капитала в контексте исторического рассмотрения позволяет избежать недостатков по абсолютированию некоторых элементов данного феномена, а также преодолеть ограниченность ситуационного метода исследования. Применение функционально-исторического подхода в рамках анализа деятельных трудовых практик, приводящих к капитализации культуры, эффективно в ракурсе исследования трансформационных сдвигов, выявления влияния развития знаний, умений и навыков на изменение сущностного проявления культуры человека [6, с. 81–90]. Между тем в современных условиях функциональный метод нуждается в дополнении. Необходимо применение и деятельностного подхода, который позволил бы оценить, как потенциальная культура человека в процессе его труда не только приводит к росту эффективности трудового взаимодействия, но

и способствует статусным, властным изменениям, обеспечивает повышение доходов работников. В рамках деятельностного подхода можно, с нашей точки зрения, определить динамику накопления потенциальной культуры работников в виде культурной капитализирующей субстанции организации. Синтез функционально-исторического, структурно-функционального и деятельностного подходов позволяет в комплексе рассмотреть трансформационные изменения культурного капитала современной организации.

Для успешной реализации данной задачи необходимо, во-первых, исследовать трансформации социально значимых компонентов потенциальной формы культурного капитала, прежде всего знаний, умений, навыков, ценностей, социальных норм, профессиональных компетенций (применение функционально-исторического подхода); во-вторых, исследовать трансформации профессиональной деятельности акторов, проявляющихся в виде так называемых «объективных заказчиков» образовательного развития носителей культурного капитала (применение деятельностного подхода); в-третьих, исследовать трансформации статусных позиций носителей культурного капитала, уточнить трансформации их властных полномочий и потенциальных возможностей (применение деятельностного подхода). Интегрируя функционально-историческое рассмотрение данного явления и деятельное проявление конечной реализации социального накопления трудовых практик капитализации культуры, можно уточнить суть функционально-деятельностного методологического подхода в исследовании трансформации культурного капитала работников.

Сущность данного метода, на наш взгляд, предполагает наличие трех фаз, объясняющих трансформационные сдвиги в культурном капитале работников. Первая фаза – протегенез – охватывает определенный промежуток времени, в течение которого возникают социальные функции, обуславливающие необходимость новых качественных параметров формального потенциального культурного капитала в виде новых знаний, умений, навыков, ценностей, социальных норм, профессиональных компетенций работников организации. Данная фаза предполагает появление определенных пороговых уровней и состояний, переход от одного такого уровня к другому и способна характеризовать те или иные трансформационные сдвиги в структуре культурного капитала. Последние и определяют формирование социальной потребности в новых характеристиках культурного капитала работников организации. Вторая фаза – генеративная ситуация – включает определенные материальные, технические, образовательные, социальные предпосылки, а также соответствующие научные и практические знания, образовательные возможности усвоения знаний, умений, навыков, ценностей, социальных норм, профессиональных компетенций. Здесь анализируются объективные предпосылки и потенциальные возможности целевого развития потенциального культурного капитала. Третья фаза – реализация социального накопления – включает процессы реального использования знаний, умений, навыков, ценностей, усвоенных индивидом социальных норм, профессиональных компетенций, способствующих формированию определенного статуса работника, получению властных полномочий и доходов на накопленный культурный капитал.

В применяемом нами методологическом подходе используем элементы протегенеза, генеративной ситуации [6, с. 81–90], а также анализа внешних статусных проявлений накопления культурного капитала. Данные конструкты позволяют преодолеть крайние позиции в исследовании процессов трансформации культурного капитала организации. Несмотря на то что на практике напрямую рассмотреть проблему в контексте протегенеза, генеративной ситуации, накопительного проявления крайне сложно, но учесть данные атрибуты исследования возможно, необходимо и важно.

Таким образом, культурный капитал работников организации представляет собой социальное явление, характеризующее человеческие нормы, ценности, установки, а также уровень обладания знаниями, умениями, навыками, которые позволяют человеку реализовывать социальные действия, вступать в трудовые отношения и достигать определенного статуса и власти. Исследование изменений в системе культурного капитала предполагает не только рассмотрение процессов формирования культуры человека труда, но и анализ фактически и объективно проявляющихся социальных отношений между работниками различного ранга в рамках конкретного промежутка времени. Применение протегенеза призвано помочь исследовать трансформации культурного капитала в рамках определенного времени, уточнить качественные изменения параметров формального потенциального культурного капитала работников организации.

Культурный капитал работников организации характеризует сущность различных социальных отношений, выражающих объективные социальные законы и тенденции, реализующиеся в стилевых практиках поведения, труда, внешнего социального взаимодействия, поскольку культурный капитал переходит от одного поколения работников к другому «и определяет изменение стиля поведения и действия индивидов» [7, с. 6]. Применение анализа генеративной ситуации призвано не только выявить определенные материальные, технические, образовательные, социальные предпосылки исследуемых трансформаций, но и проанализировать социальные отношения в конкретной форме, уточнить всеобщий ракурс или способ проявления социальных процессов трансформации культурного капитала организации во зависимостях и взаимозависимостях.

Сущностное проявление трансформации культурного капитала необходимо рассмотреть в рамках социальных отношений, складывающихся в процессе развития и накопления (использования) социально значимых компонентов потенциального культурного капитала (знаний, умений, навыков, ценностей, социальных норм, профессиональных компетенций). Необходимо также проанализировать типы профессиональной деятельности акторов, выявить направления и динамику развития статусных позиций носителей культурного капитала. Находящиеся в этой единой взаимосвязи качественные изменения явления и можно рассматривать как показатели комплексной трансформации культурного капитала работников. Различные связи и стороны социально значимых компонентов культурного капитала, развитие типов профессиональной деятельности акторов, а также обновление статусных позиций носителей культурного капитала представляют общее социокультурное основание трансформаций. Можно говорить о некоторых общих свойствах данных социальных конструктов трансформации

культурного капитала. Выявление трансформаций позволяет определить те или иные конкретные качественные сдвиги в системах культурного капитала работников, специфику социальных отношений, отражающих развитие культуры работников, а также отличие данных трансформаций от других, аналогичных, а порой и смежных социальных процессов в современной организации.

Таким образом, специфичность культурного капитала как объекта социологического исследования предполагает разработку интегрированного методологического подхода к его исследованию. Для успешного анализа необходимо интегрировать функционально-структурный, историко-эволюционный и деятельностный подходы в исследовании проблемы. На уровне интеграции применим так называемый функционально-деятельностный подход в исследовании процессов трансформации культурного капитала работников организации. С одной стороны, данный методологический подход позволит учитывать преимущественность функциональной компоненты процессов развития различных форм человеческого культурного капитала в ракурсе определенных периодов времени. С другой стороны, он позволит осуществить анализ прежде всего деятельностных процессов носителя культурного капитала. Именно деятельность вообще и трудовая деятельность в частности позволяют применить культурный потенциал актора как капитализируемый ресурс легитимирующий статус, позволяющий получить доступ к власти и дополнительным доходам.

Синтез ряда общих методик анализа позволяет интегрировать исторический, структурно-функциональный, а также деятельностный подходы в исследовании таким способом, чтобы в комплексе рассмотреть трансформационные изменения культурного капитала современной организации. Исходя из представленных аргументов, трансформацию культурного капитала работников организации необходимо исследовать в системе социального развития организации не с позиций социального детерминизма, а через рассмотрение, исследование и анализ всего сложного социального организма современной организации в целом. Данный подход должен позволить исследовать трансформации культурного капитала не как механический переход из одного состояния в другое состояние некоторого набора образовательных изменений, а как комплексное качественное преобразование единого социального организма в системе единства социальных отношений современной организации и общества в целом.

Библиографический список

1. Демиденко С. Трансформация маскулинности в XXI веке // Социологические исследования. 2012. № 1.
2. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. М., 2002.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.
4. Быченко Ю.Г. Культурный капитал // Человеческие ресурсы. 2001. № 2.
5. Быченко Ю.Г., Быченко Т.М. Теория управления. Саратов, 2004.
6. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991.
7. Баландина Т.М. Формирование организационной культуры инновационного типа. Саратов, 2004.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

D.B. Petrov
**State and Religion:
Historical
and Philosophical Analysis**

The relationship between the state and religion is considered, in particular – religious organizations, from the standpoint of historical and philosophical understanding of the origins of such a relationship. The types (models) of the mutual relations between the state and religion are analyzed. It is emphasized that the ideological efficiency of religion for its application for the entrenchment of power and social control can be of particular importance.

Key words and word-combinations: church-state relations, religion, law, religious policy, philosophy.

Рассматривается вопрос взаимоотношений государства и религии, в частности религиозных организаций, с точки зрения историко-философского понимания истоков таких отношений. Анализируются типы (модели) взаимоотношений государства и религии. Подчеркивается, что особое значение может приобретать идеологическая эффективность религии в целях приложения ее для укрепления власти и социального контроля.

Ключевые слова и словосочетания: государственно-конфессиональные отношения, религия, право, религиозная политика, философия.

УДК 21
ББК 86.2

Д.Б. Петров

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

С древнейших времен религия и право выступали в качестве важнейших социальных регуляторов. Религиозные нормы, как и нормы раннего законодательства, определяли, что люди обязаны делать в тех или иных ситуациях, что запрещается и что разрешается совершать в тех или иных обстоятельствах, какое наказание должно постигнуть нарушителей норм.

На протяжении развития западно-европейской цивилизации соотношение государственного права и религиозных норм менялось в зависимости от конкретной страны, закономерностей ее истории, политики, социального устройства и распространенности той или иной конфессии. Важнейшим фактором, влиявшим на взаимопроникновение норм религии и юриспруденции, был конкретный установившийся тип взаимоотношений между религией (церковью) и государственной властью. Такое положение вещей отражено не только в политических тракта-

тах, но и в богословских и философских сочинениях своего времени. Вспомним, что концепцию светского, секулярного государства разрабатывали именно философы. Это касается не только философов эпохи Просвещения, таких, как Вольтер, но и мыслителей более поздних исторических эпох (Локк, Гоббс, Коллинз и др.). Именно ими формулировался и популяризировался тот тип толерантного, веротерпимого государственного законодательства, который положен в основание современного типа государственно-конфессиональных отношений.

Актуальность исследования определяется тем, что современные отношения между государством и религиями по-прежнему исходят из исторически сложившихся философских предпосылок, характерных для того или иного типа политического и социально-культурного развития государств. При этом сам уровень развития гражданских свобод и религиозного сознания претерпел существенные изменения и не соответствует тем историко-философским концепциям, из которых выводятся государственно-конфессиональные отношения (в широком смысле слова) и их нормы.

Отношения государства и религиозных объединений представляют собой совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, включая органы власти и управления, государственные учреждения и организации, с одной стороны, и религиозных объединений (религиозных организаций, религиозных групп, руководящих или координирующих органов, духовных образовательных учреждений), а также учреждений и предприятий религиозных организаций – с другой. В основе этих отношений лежат исторически сложившиеся философские представления о месте и роли религии в обществе и законодательно закреплённые представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений.

Фундаментальная идея философии Нового времени – секуляризация, и она получила основательное теоретическое развитие и практическое воплощение в законодательстве и общественном сознании. Однако конец XX и начало XXI в. показали, что религия слишком рано была списана со счетов и религиозное сознание по-прежнему является важным агентом исторического процесса. Философская идея о том, что религия отомрет, уйдет в прошлое с развитием научного знания и совершенствованием гражданских норм (прав и свобод), оказалась несостоятельной. Сегодня мы наблюдаем все признаки того, что в научной литературе получило название «постсекулярного общества». Что это означает на практике – предстоит еще разобраться, но в теоретическом плане ясно, что мы имеем дело с диалектическим процессом снятия прежней жесткой предпосылки секулярного сознания. Светское и религиозное в современной национальной политике вступает во все более сложные отношения, и серьезной частью этих отношений является нарастающий конфликт. На примере государств Европы, США, России и части бывших исламских стран, можно видеть, как запутывается все более и более законодательство при попытках

регулировать два этих фактора исходя из прежней философской посылки секуляризации [1].

Усиление светских прав (скажем, право разума на критическое восприятие религии, легализация эвтаназии, аборт, однополых браков и т.д.) приводит к риторике нарушения «прав верующих», «свободы религии и убеждений». С другой стороны, усиление прав и свобод религии и религиозных убеждений знаменуется существенными противоречиями с принципом светскости государства, прописанном в той или иной форме в конституциях многих государств. Лавируя между принципом светскости и религиозности, при этом оставаясь в границах старой философии секулярности, государственно-конфессиональные отношения – это по-прежнему тот самый Левиафан, о котором писал Гоббс, то есть восхитительно хитрая политическая комбинаторика государственной и религиозной идеологий нацеленная на удержание власти, борьбу за власть, контроль общественного сознания, «духовные скрепы», несправедливое распределение ресурсов и сакрализацию социального неравенства.

Все это хорошо просматривается на примере старой, но все еще действующей философской типологии структурных элементов отношений между государством и религией: 1) сакрализация норм законодательства; 2) церковное (каноническое) право и 3) правовое регулирование в сфере свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций.

Уже в древнейших государствах устанавливаемые нормы права получали религиозную санкцию: они рассматривались как непосредственно установленные божеством или основанные на религиозных канонах и текстах священных книг. В мифах излагалась история дарования людям законов, которые рассматривались как часть божественного мироустройства. Помимо этого религия выполняла функцию легитимации политической власти, освещала ее действия и исходившие от нее распоряжения и законы.

Во многих религиях конфессиональная жизнь регулируется сводом норм религиозного или церковного (канонического) права. Религиозное право может быть возведено в ранг системы обязательных норм поведения для всех граждан (против чего часто и выступали философы с антиклерикальной критикой). Так, «в мусульманских странах не имеется четкого разграничения между светским и религиозным правом. Шариат является основой правовой системы в исламском государстве, а мусульманское право (фикх) составляет неотъемлемую часть шариата» [2]. В дореволюционной России исполнение канонических норм официальной церкви обеспечивалось государством, и им же в некоторых случаях налагались санкции за нарушение церковных правил.

В светских государствах нормы религиозного права относятся к числу внутренних установлений религиозных организаций. Государство *декларативно* уважает такие внутренние установления, в случае если они не противоречат нормам светского законодательства, но, в идеале, не обеспечивает их реализацию и не устанавливает санкций за их нарушение. Однако религиозная политика современных государств, в частности России, стремится к латентной форме

лоббирования канонических правовых интересов доминирующих религиозных групп. К числу норм религиозного права относятся, например, правила назначения (возведения в сан) служителей культа и основания для их смещения, правила совершения религиозных таинств и обрядов, различные запреты и ограничения для последователей данной конфессии и т.п. Но к этому же разделу относятся и регуляторы, связанные с введением наказания за оскорбления чувств верующих, легитимация, по сути, богословского, а не юридически-правового критерия деления религиозных групп и объединений на секты и традиционные религии, на деструктивные культы и т.д.

Светское законодательство регулирует отношения, связанные с реализацией прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений. В нормах международного права, в международных договорах определены гарантии свободы мысли, совести и религии (религиозной свободы) и основания для ограничения свободы проявлять свои верования или убеждения. Во многих странах мира свобода совести (вероисповедания) входит в перечень основных прав и свобод, защищаемых нормами их конституций (в России это ст. 28 Конституции РФ).

Законодательство определяет порядок создания религиозных объединений, получения ими статуса юридического лица, устанавливает правила для осуществления их деятельности. При этом право некоторых стран регламентирует некоторые аспекты религиозной, в том числе богослужебной, деятельности (например, в Великобритании – назначение архиепископа Кентерберийского, утверждение книги молитв государственной церкви и т.п.). В государствах светского типа регламентируется порядок осуществления только тех видов религиозной деятельности, которые имеют общественный характер: проведение публичных мероприятий, создание религиозных образовательных учреждений и т.д.). Законодательство определяет порядок предоставления религиозным организациям имущества культового назначения и земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, строительства культовых зданий, осуществления религиозными организациями благотворительной, культурно-просветительской, издательской и иной деятельности.

В соответствии с положениями ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти, надлежит считать третьей, самостоятельной стороной отношений между властью и религиозными объединениями. Как показывает историко-философский анализ, от этой стороны часто зависит дискреционное санкционирование религиозной деятельности со стороны государства [3, с. 415]. Действующим законодательством на них возложен ряд функций по взаимодействию с религиозными объединениями, в том числе религиозные группы, имеющие намерение преобразоваться в религиозную организацию, должны уведомлять органы местного самоуправления о начале своей деятельности. Однако в получившей распространение терминологии этот третий субъект отношений, как правило, не находит специального отражения, но практи-

ческая его роль в деле государственно-конфессиональных отношений достаточно велика [4].

Еще одной фундаментальной философской идеей, которая лежит в основе построения современных отношений государства и религии, является идея рационализации религиозного комплекса. Ее в разнообразных вариантах высказывали многие философы, начиная с эпохи Возрождения, но основную свою коннотацию она получила в Новое время в работах Гоббса, Локка и других. Особенностью этой идеи в отличие от секуляризма является то, что в не заявляется о необходимости отделения религии в частную правовую сферу, а напротив, настаивается на важности веры для пользы государства. Но религиозная вера, а точнее весь сложный религиозный комплекс, включающий в себя религиозное сознание, религиозное действие и религиозный институт, должны быть редуцированы к простому универсальному нравственно-прагматическому принципу, рациональному по своей сущности.

Одинаково опасны и разрушительны для общества и атеизм граждан, и их религиозный дифференциализм. Если философия секуляризации привела к тому, что государства в настоящее время чудовищно путаются в том, что считать частным религиозным правом, а что публичным, то идея рационализации религиозного комплекса, проводимая сегодня в религиозной политике государств, по-прежнему поддерживает иллюзию возможности построения государственной идеологии на основаниях какой-то универсальной религиозной морали. Эта философская идея исчерпала себя на уровне законодательного установления партнерских отношений между государством и религиозными организациями. При этом подобное развитие оказалось возможным только в реалиях некоторых европейских стран, где многообразие религиозных организаций рассматривалось государством с позиций социальных партнеров в решении конкретных социальных проблем на контрактной основе, а догматическая и культовая дифференциация религиозных организаций выносилась за скобки. Однако в ряде стран государства имеют дело с такими крупными церквями, что речь вполне можно вести о религиозной монополии [5]. Доминирующие церкви не сойдут со своих позиций «эксклюзивизма», как единственно истинных, верных и правильных. Тем более наивным выглядит идея сведения их сложного религиозного комплекса (особенно институциональных форм) к рациональной прагматике общественной пользы и педагогических функций. В этом случае государству не остается ничего, кроме как рационализировать «религиозность граждан» на основе одной религии, объявляя ее универсалией, исходя из ее критериев «традиционности», культуuroобразующей или национальнообразующей функций. Если неэффективность идеи секуляризма и постсекуляризма в выстраивании отношений между государством и религией проявляется в очевидной игре форм, то идея рационализации религиозного комплекса, теоретически привлекательна, но на практике чревата патологической репрессивностью по отношению к субъекту. Анализ современного состояния религиозного комплекса показывает, что эволюция элементов в его структуре происходит неравномерно.

Развитие религиозного сознания ушло намного вперед и сильно опережает такие элементы религиозного комплекса, как религиозная деятельность и религиозные институты. Примеров этому множество. Одним из ярких и активно изучаемых науками является факт роста числа неконфессионально верующих. Так называемое «движение против организованных религий» (например, «simple Church» и «family Church») остро свидетельствует о небывалом ранее в истории росте религиозного самосознания и новых потребностях этого сознания в иных условиях реализации своих прав. Такие условия современными государствами предоставлены быть не могут, и эти потребности не могут быть удовлетворены, поскольку по-прежнему государство и религия выстраивают свои отношения исходя из историко-философских концепций секуляризации и рационализации. Эти идеи, как бы они не были формализованы, апеллируют исключительно к самым неразвитым компонентам структуры религиозного комплекса – обряд – ритуал – институт. Вся существующая типология и классификация режимов отношений между государством и религией (теократия, государственные церкви, сотрудничающие режимы, приспособливающиеся режимы и т.д.) стагнационная в силу именно этих обстоятельств.

Научное изучение разрыва, с одной стороны, между религиозным сознанием и остальными компонентами структуры религиозного комплекса, с другой стороны, между религиозным сознанием и юридическо-правовой практикой отношений государства и религий необходимо сегодня для преодоления неэффективных моделей классификации государственно-конфессиональных отношений и их изучения, а также для формирования новых философских и юридических принципов построения нового типа взаимосвязей между государством и религиозным сознанием граждан.

Библиографический список

1. *Петров Д.Б.* Мировой опыт отношений государства и религиозных объединений. Саратов, 2014. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/899.pdf
2. *Шахов М.О.* Мусульманские религиозные объединения в Российской Федерации и закон. URL: // <http://www.idmedina.ru>
3. *Подопригора Р.* Свобода религий и убеждений и дискреционное санкционирование религиозной деятельности со стороны государства // Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести). М., 2010.
4. *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в системе государственно-конфессиональных отношений России. URL: // http://cddk.ru/gos_i_religia/analit/land/005.htm
5. *Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 2012.

E.E. Kudryavtseva
Students' Political Culture
in Modern Russian Society

The author studies the phenomenon of the political culture of modern Russian society. Special attention is paid to the analysis of the political culture of students youth as the strategic resource of the state.

Key words and word-combinations: political culture, political values, students youth.

Исследуется феномен политической культуры современного российского общества. Особое внимание уделяется анализу политической культуры студенческой молодежи как стратегического ресурса государства.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, политические ценности, студенческая молодежь

УДК 32
ББК 66.3(0),15

Е.Э. Кудрявцева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В существующих сегодня социально-политических исследованиях нет единого понимания по широкому кругу актуальных вопросов, связанных с состоянием современного российского общества. Одной из наиболее дискуссионных тем в научном мире остается проблема состояния и перспективы развития политической культуры.

Появление термина «политическая культура» связывают с именем немецкого философа XVIII в. И. Гердера [1], однако начало изучения данного феномена было положено американским политологом Г. Алмондом, который совместно с С. Вербой в статье «Гражданская культура и стабильность демократии» дали следующее определение «специфические политические ориентации – установки граждан по отношению к политической системе, ее различным элементам и к собственной роли в данной системе» [2, с. 13].

Обращаясь к термину «политическая культура», многие исследователи отмечают сложность и многоаспектность истолкования данного социокультурного феномена: представленная дефиниция содержит в себе совокупность одновременно двух понятий – «политика» и «культура», что вызывает множество вопросов, в первую очередь что считать первостепенным. Так, В.И. Власов справедливо подчеркивает: «при взаимодействии политики и культуры прослеживается зависимость политики от культуры». Культура

«включена» в мир политики своими представлениями об идеалах и нравственных эталонах политических отношений. Политика, в свою очередь, определяет содержание и направленность культурного развития общества, условия и возможности ее пользования ее достижениями» [3, с. 24]. Есть основания утверждать, что отличительной чертой политической культуры является взаимозависимость и взаимосвязь данных понятийных полей. Следовательно, политическая культура является частью общей культуры, но вместе с тем как совокупность политических ориентаций выступает в качестве существенного элемента политической системы.

В исследовательских кругах сложилось множество подходов к трактовке понятия «политическая культура». На наш взгляд, политическая культура – это социальный феномен, являющийся интегральной частью политической системы, представляющий собой набор установок, ориентаций, традиций, норм и ценностей отдельных членов политической системы, которые формируются в процессе усвоения опыта предыдущих поколений и осмысления собственного опыта взаимодействия с политической сферой общественной жизни, что находит выражение в моделях политического поведения индивида.

В силу исторического развития, геополитического положения России на перекрестке западной и восточной цивилизаций, обусловивших развитие страны и оказавших мощнейшее влияние на общественное сознание ее граждан, в российской политической культуре прослеживаются некоторые национальные черты: преобладание групповых ценностей над индивидуальными, персонализация власти, недоверие к властным структурам, перенесение ответственности с индивидуума на коллектив, преобладание традиционализма над динамизмом, слепое копирование образцов зарубежного опыта.

О специфике российской политической культуры, пассивной по своему характеру, пишет В.О. Рукавишников, отмечая апатию граждан, нежелание участвовать в политической жизни: «Налицо авторитарный характер власти, патернализм <...> отсутствие должного уважения к законам. По-прежнему велика пропасть между народом и властью» [4, с. 198]. Эти факты свидетельствуют о конфликтности политического сознания русского человека, с одной стороны, и неприятие власти – с другой, указывая на гетерогенность российской политической культуры. На формирование современной российской политической культуры оказывают влияние три фактора: традиции досоветского периода; элементы советской политической культуры и менталитета; заимствованные элементы политической культуры западных стран. В нашей стране еще не сформирована политическая культура активистского типа, являющаяся базой для создания основ демократического общества. Сегодня российское общество переживает период трансформаций, затрагивающих все сферы жизнедеятельности человека, здесь отмечаются как положительные моменты (появление новых возможностей), так и появление определенных рисков. Особенно остро перемены отражаются на такой социально-демографической группе, как молодежь (в частности студенческая).

Актуальность изучения политической культуры студенческой молодежи объясняется тем, что учащиеся высших учебных заведений представляют $\frac{1}{3}$ всей

российской молодежи. Студенческая молодежь – будущие профессионалы, которые имеют активную гражданскую позицию, обладают умением компетентно оценивать общественно-политические события и процессы, происходящие в стране, потому молодое поколение должно иметь высокий уровень политической культуры, представляющего собой один из базисных компонентов построения современного гражданского общества, так как от направленности сознания и поведения современной молодежи зависит политическое будущее страны. Именно в период обучения в вузе идет овладение профессиональными навыками и умениями, а также формирование мировоззренческой позиции индивида, политического сознания и политической культуры в целом. Являясь носителем духовного потенциала общества, студенческую молодежь можно назвать основным «социальным ресурсом демократических преобразований страны» [5, с. 6]. В связи с этим данную демографическую группу можно рассматривать как наиболее перспективный субъект и объект политики, направление политической культуры, которые во многом определяет будущее государства. Бесспорным является тот факт, что перспективы развития российского общества во многом связаны с процессом включения представителей молодого поколения в политическую жизнь, его политической социализации в современном пространстве.

Очевидно, что политическая культура представляет собой динамичное образование, подверженное изменениям и трансформациям. Результатом преобразований является смена основных ценностных ориентаций, выступающих структурообразующими элементами политической культуры. К основным социально-политическим ценностям обычно относят свободу, равенство, справедливость, безопасность, социальную ответственность, национальное единство и согласие. «Обладая относительной устойчивостью и исторической преемственностью, они отражают общечеловеческие представления об идеальных моделях общественного устройства и поведенческих нормах, этически приемлемых способах политической деятельности» [3, с. 23]. Подчеркнем, что ценности не являются обязательными для всех членов сообщества в силу различных причин (социального положения, мировоззрения, политической позиции и других особенностей).

В настоящее время ценностный мир российской студенческой молодежи подвергается значительным изменениям: привычные ценности исчезают, появляются новые, соответствующие определенному этапу исторического развития и потребностям эпохи, меняется их иерархия. По данным исследования Фонда общественного мнения, проводившегося в сентябре 2014 г., при ответе на вопрос о жизненных целях современной молодежи на первом месте оказалась работа, совершенство в профессии, карьерные устремления – 18%; материальные ценности – 17%; получение образования, востребованность профессии – 16%; создание семьи – 6 %; наличие жилья – 4%; саморазвитие и самореализация – 3%; независимость – 1%; удовольствия и развлечения – 1% [6]. Самый общий анализ показателей опроса свидетельствует о приоритете карьерных и материальных ценностей в сознании современной молодежи. В меньшей степени молодое поколение выделяет значение таких ценностей, как де-

мократические свободы и социальное равенство. В отсутствие доверия практически ко всем важнейшим государственным и политическим институтам молодежь все меньше готова активно участвовать в политической деятельности, одновременно наблюдается нарастание политической апатии.

В современной России протекает процесс бессистемной трансформации, результатом которого является появление фрагментарной политической культуры, развитие различных политических конфликтов на различных уровнях (государственном, этническом и национальном, групповом и т.д.), появление разнобразных политических субкультур, политическое отчуждение определенной социальной группы. Трансформация общества зачастую носит продолжительный характер и связана с полной сменой поколения, значит, молодежь – не только носитель социально-политического опыта предыдущих поколений, но и транслятор своего опыта, адаптированного к новым общественным условиям, последующим поколениям.

Кризис в социально-экономической сфере общественной жизни привел к утрате молодежью наиболее значимых нравственных ценностей (патриотизма, ответственности за будущее своей родины и т.д.). Насажение чуждых российскому менталитету традиций и ценностей привело к пассивности молодежи, отказу от участия в общественно-политической жизни страны. Молодежь «отстраняется от производства культурных ценностей, ей отведен лишь вектор “потребления”» [7, с. 99]. Вызывает тревогу то, что молодежь пытается уйти от попыток осмысления сложившейся ситуации. Молодые люди демонстрируют неспособность нести социальную ответственность, без которой современная демократия и успешное вхождение в мировое сообщество немислимы.

Подчеркнем, что политическая культура представляет собой динамичное, развивающееся явление, чутко реагирующее на изменения окружающего мира. Однако политическая культура меняется медленнее, чем общественно-политическое устройство, часто не успевая адаптироваться к новым условиям социума. Но только «такое проживание новых демократических отношений создает устойчивую внутреннюю и социальную основу для современного политического общества» [8, с. 89]. Каждому этапу существования общества присущ определенный уровень политической культуры, к сожалению, большинство исследователей соглашается с тем, что на данный момент уровень политической культуры молодежи ничтожно низок [9, с. 26].

Взаимодействие современного российского государства с молодежью является одним из определяющих факторов гармонизации всего процесса взаимодействия молодого поколения и власти. Сегодня ощущается острая необходимость модернизации молодежной политики России. В целях устойчивости политической системы нужно способствовать формированию демократического типа личности у представителей молодого поколения, таким образом содействуя развитию демократии в России.

Наиболее важные направления в работе государства с молодежью выявил анализ общественного мнения: 58% респондентов заинтересованы в оказании молодежи поддержки, защиты ее интересов, 50% – проведении воспитатель-

ной работы с подрастающим поколением, 42% – создании условий для самовыражения, самореализации молодежи, 24% – обеспечении молодежи доступа к принятию решений в экономике, общественной жизни, политике [6].

В связи с тем, что в современном обществе наблюдается глубокое противоречие, вызванное несоответствием между новыми социально-экономическими требованиями и качествами личности молодого человека, формируемыми социальными институтами российского общества, современная политическая культура российского общества представляет собой внутренне расколотую поляризованную культуру, где ее основные сегменты противоречат друг другу. Таким образом, российская политическая культура современного этапа развития общества может быть названа фрагментарной, то есть не представляющей собой единого целого, а соединяющего элементы разных субкультур.

В условиях современного общества, переживающего сложный и противоречивый путь трансформационных процессов, затронувших все институты власти, политика государства по отношению к молодежи приобретает особое значение: государству необходимо уделять повышенное внимание вопросам молодежной политики как на федеральном, так и на локальном уровне. Целью молодежной политики должно стать обеспечение гармоничного социально-политического развития молодого поколения путем реализации его интересов и инновационного потенциала в целях формирования демократического типа личности представителя молодого поколения.

Вновь на первый план выдвигаются проблемы воспитания студенческой молодежи в рамках образовательной среды вузов, которая должна стать для молодежи той колыбелью, где будут формироваться не только профессиональные навыки, но и политическое сознание, поведение и, соответственно, культура современного студента.

Итак, справедливо говорить о политической культуре студенческой молодежи как о своеобразном барометре состояния общества, его настроений и перспектив развития. Следовательно, важно учитывать особенности политической культуры студенчества с целью прогнозирования реакции молодого поколения на события, происходящие в политической жизни государства и общества в целом, где «высокий уровень политической культуры является залогом стабильности, развития демократии и гражданского общества» в нашей стране [10, с. 121].

Библиографический список

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // ПОЛИС. 1992. № 4. С. 122–134.
3. Власов В.И. О политической культуре в российском измерении // Вестник БИСТ. 2013. № 5. С. 23–29.
4. Рукавишников В.О., Холман П., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998.
5. Рахимова Л.А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2006.
6. ФОМ «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности». URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748>

7. Чекмарев Э.В. Возможности инкультурации в формировании политической культуры современной молодежи регионов России // Вестник ПАГС. 2013. № 3 (36). С. 96–100.
8. Фомин О.Н. Политическая культура как фактор политического процесса // Власть. 2012. № 3. С. 86–89.
9. Денисов В.В. Политическая культура: Теория и практика // Философия и общество. 2006. № 1. С. 19–31.
10. Гусев В.Л. Молодежная субкультура в политической культуре общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.

N.V. Mikhina
Forming Public Opinion
on Issues of Culture through
Designing Problem Fields
in Mass Media

The Russian cultural policy is studied through its representation in the media discourse. The theoretical and methodological bases of studying the cultural policy and the role of mass media in the formation of public opinion are considered. The relation model “mass media – the sphere of culture”, applied to the current situation in the cultural policy of Russia is specified.

Key words and word-combinations: designing of social problems, cultural policy, public opinion.

Исследуется российская культурная политика через призму ее репрезентации в медийном дискурсе. Рассматриваются теоретико-методологические основания изучения культурной политики и роли масс-медиа в формировании общественного мнения. Конкретизируется модель отношений «СМИ – сфера культуры» применительно к современной ситуации в культурной политике России.

Ключевые слова и словосочетания: конструирование социальных проблем, культурная политика, общественное мнение.

УДК 316.334.3:002
ББК 66.3(0),4+76

Н.В. Михина

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ ПОЛЕЙ В СМИ

Тенденции развития современного общества выражаются в повышении роли культуры при формировании реалий будущего, внимании к «единству многообразия» культурного развития, диалогу культур. Одним из приоритетных направлений государственной политики России выступает «право на культуру» и на свободное участие в культурной жизни сообщества. Построение глобального социокультурного пространства характеризуется переходом к общественно-государственной модели управления культурными процессами; развитием индустрии культуры; поддержкой новаторства, плюрализма и самобытности как важнейших характеристик гражданского общества; достижением эффективного управления в сфере культуры [1, с. 15]. Если принять за основу понятие культуры как наследия, искусства, сферы досуга и развлечения,

успешного вида бизнеса и идеологии, то комплексный анализ культурной политики не может не учитывать ее диспозиции в общей теории благосостояния, ее взаимодействие с социальной политикой, экономикой и гражданским обществом.

В определении одной из основных функций и задач культурной политики – социализации мы опираемся на положение Т. Парсонса о том, что основная функциональная проблема, связанная с отношениями социальной системы с системой личности, касается усвоения, развития и утверждения в ходе жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально значимых и контролируемых образцах действия [2, с. 104]. Попытки решения социокультурных проблем в современной России разнородны: их по-разному принимают регионы, всевозможные группы интересов, организации. Особенно сложно такие процессы протекают в сфере культуры, которая традиционно субсидировалась государством и в данный момент поставлена в жесткие рамки недофинансирования, что порождает необходимость поиска путей выживания, способов достижения эффективного существования. В таких условиях решающая роль принадлежит государственной культурной политике, однако здесь важны принципы межсекторного взаимодействия и социального партнерства [3].

Несомненно, журналистика как социальное явление, составляющее важнейшую организационную часть социальной системы, не может находиться в стороне от проблем современности. В отечественных исследованиях, посвященных природе и месту СМИ в структуре общественных институтов, наибольшее внимание уделено ее политическому аспекту, социальным связям и взаимоотношениям, где определяющим выступает суждение о том, что СМИ, будучи одним из сильнейших факторов воздействия на культуру во всех проявлениях, представляют собой важный и своеобразный феномен культуры [4; 5].

Средства массовой коммуникации, будучи передовым источником информации, конструируют суть общественного мнения в самых разных областях жизни общества. К сожалению, все чаще в действиях органов власти и СМИ наблюдается несогласованность в вопросе формирования общественного мнения. В рамках конструкционистского подхода И. Ясавеев задает вопрос: почему одни ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и находятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а другие, не менее актуальные и опасные, не проблематизируются [6, с. 73]? В контексте анализа способов конструирования проблемных полей в СМИ обратимся к концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска [7, с. 18–53]. Авторы определяют социальную проблему как предполагаемую ситуацию, на которую «наклеивается ярлык» на аренах публичного обсуждения, в качестве которых выступают властные структуры, средства массовой информации, научные и профессиональные сообщества, религиозные объединения и прочие. Социальным проблемам приходится конкурировать в информационном пространстве, формируемом СМИ. Важное место в концепции С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска занимает понятие «установление повестки дня» (agenda-setting). Формируя повестку дня, СМИ отбирают определенные вопросы из множества сообщений

в соответствии с их предполагаемой значимостью. Этот процесс носит субъективный характер.

В ходе проведенного исследования (с опорой на эмпирические данные контент-анализа новостных порталов сети Интернет) в экспертном интервью нами были поставлены вопросы: «Почему из новостей, размещаемых на Вашем портале, большинство носит негативный характер? Существует ли “заказ” на негативные новости?». Один из информантов, участвующих в исследовании, отметил: «Да, на самом деле заказ существует, и заказчиками являются сами читатели! Нами был проведен мониторинг читаемости категорий новостей, были определены приоритетные, к сожалению, это “чернуха”. Людям нравится читать о плохом и ужасном» (главный редактор популярного саратовского интернет-издания, муж., 27 лет). Следует отдать должное региональным СМИ в попытке соблюдения этического кодекса журналиста, который, впрочем, действует избирательно: «Табу лежит только на новостях, касающихся детей, вот о них стараемся писать немного и в позитиве!» (ведущий журналист регионального интернет-издания, муж., 35 лет).

Специфика российской ситуации состоит в том, что российские СМИ решают проблему падения тиражей и борьбы за предпочтение читательской аудитории переходом в информационно-развлекательный формат. Учитывая определяющую роль СМИ в формировании общественного мнения, рыночный уход к идеологии массовых вкусов тем не менее не избавляет современные СМИ от функции социализации и демонстрации образцов социально одобряемого поведения.

Современный российский город, такой, как Саратов, представляет собой единый, сложноорганизованный комплекс хозяйственных, экономических, социально-политических, культурных элементов и систем, функционирующий, живущий в системе связей всего российского общества и государства. Все эти элементы и системы города как единого комплекса, единого организма имеют определенные тенденции и перспективы развития. Одна из приоритетных ролей в этой системе отводится формированию и развитию единого культурного пространства. Культура города имеет неоднородную, многосторонне дифференцированную структуру и представляет собой сложную систему субкультур разного уровня, взаимодействующих друг с другом в разных плоскостях – сословных, профессиональных и иных. Одной из повсеместно распространенных и постоянно воспроизводимых форм создания единого культурного пространства и имиджа города, способствующей нравственному, патриотическому и эстетическому воспитанию жителей муниципального образования «Город Саратов», являются средства массовой информации. Проблема взаимодействия бизнеса и искусства волнует людей давно. А.С. Пушкин писал: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». В наши дни эта проблема становится все более актуальной и многогранной.

Для анализа проблемных полей региональных СМИ был проведен контент-анализ новостной ленты одного из информационных интернет-порталов, позиционирующих себя как информационное агентство. В редакции работают пять

журналистов, модератор и специалист IT-службы. На информационном портале располагаются новостная лента, газета, интернет-телевидение, вкладки «Трансляции», «Конференции», «Фото», «Проекты» и «Поиск», блоги (насчитывается 67 блогеров). В социальных сетях у информационного агентства насчитывается 5 596 подписчиков в социальной сети ВКонтакте, 1608 в сети «Фейсбук», 961 в сети «Одноклассники», 716 в «Твиттере». Таким образом, информационное агентство вот уже несколько лет занимает лидирующие позиции в топ-20 самых цитируемых СМИ региона.

Нами были проанализированы материалы новостной ленты информационного портала и комментарии к ним, выпускаемые с 1 по 8 января в 2012–2014 гг. Указанный период был выбран по двум причинам. Во-первых, в городе проходили культурные мероприятия, приуроченные к празднованию Нового года и Рождества; во-вторых, это период зимних каникул, то есть было увеличено время для проведения досуга жителей региона. При условии сплошной выборки было отобрано 95 единиц анализа. Подавляющее большинство материалов (94) представляют собой статьи, заметки, репортажи. При кодировании было встречено лишь одно упоминание о нормативном документе («Подписан Закон о страховании дольщиков» 7 января 2013 г.). Достаточно часто те или иные публикации издания вызвали широкий общественный резонанс. Все эти факторы повлияли на формирование у информационного портала своей аудитории, разделяющей демократические взгляды. Это относительно молодые руководители области и города, а также часть бывшей советской интеллигенции, обладающая достаточно активной политической позицией.

Наиболее часто встречались публикации на тему преступности и проблем региона (табл. 1). Меньше всего материалов было посвящено культуре, спорту, образованию и науке. Те публикации, которые все-таки были представлены в данных категориях, носили критический либо негативный характер.

Таблица 1

Тематическое распределение материалов

Предметная область	Количество материалов
Политика	5
Экономика	3
Экология	–
Образование, наука	–
Воспитание, наука	5
Культура, спорт	4
Национальные отношения	1
Преступность	70
Проблемы региона	7
<i>Всего</i>	95

Подавляющее большинство проанализированных публикаций описывают

общественное мнение на микроуровне (81 публикация), поскольку анализируемый источник является региональным интернет-ресурсом (табл. 2).

Таблица 2

Уровень обсуждения проблемы

Уровень обсуждения проблемы	Количество материалов
Макроуровень	2
Мезоуровень	12
Микроуровень	81
Total	95

Наибольшее количество просмотров было у материалов под следующими заголовками: «На проспекте Кирова убит бывший координатор проекта “Я – патриот”» (всего просмотров 34 310; перепосты в социальных сетях: «Твиттер» – 90, «ВКонтакте» – 1691, «Фейсбук» – 67, Google+ – 7); «После дискотеки изнасилована и избита школьница» (всего просмотров 14 355; перепосты: «Твиттер» – 19, «ВКонтакте» – 479, «Фейсбук» – 4, Google+ – 1). Наименьшее количество просмотров: «Администрация района покупает две иномарки» (384 просмотра) и «Православные христиане празднуют Рождество Христово» (844 просмотра, «Твиттер» – 5, «ВКонтакте» – 6).

В городе и области проходили интересные культурные события. Пятый год администрацией муниципального образования «Город Саратов» на Театральной площади успешно реализуется социокультурный проект «Домик Деда Мороза». Ежегодно десятки тысяч детей посещают этот дом в новогодние праздники со 2 по 8 января. Специально для юных горожан установлена новогодняя почта, и каждый ребенок имеет возможность написать письмо для Деда Мороза. Проходили спортивные и культурные мероприятия, на открытых и закрытых площадках города работали выставки, приуроченные к праздничным событиям, шли театральные постановки. Городские и областные учреждения культуры предлагали услуги для проведения досуга в дни зимних каникул.

Одной из проблем, препятствующих нормальному взаимодействию общества и учреждений культуры, является недостаток информации в СМИ о деятельности последних. Даже те сведения, которые предоставляются масс-медиа, носят негативный характер.

В условиях рыночных отношений и тяжелых реалий постперестроечных изменений в экономической структуре России деятельность в сфере культуры находится в прямой зависимости от объема финансовой поддержки спонсоров и меценатов. К сожалению, в настоящее время при оценке эффективности деятельности учреждения на первое место выходят не только качественный и количественный показатели предоставляемых потребительских услуг, но и фактор увеличения экономической прибыли, получаемой за счет оказания платных, внебюджетных услуг населению в сфере культуры. Небольшим культурно-досуговым учреждениям сложно «выживать» в данной ситуации, поэтому возникает необходимость в привлечении финансо-

вой помощи коммерческих организаций, требуется помощь опытных фандрайзеров в сфере культуры. Современные реалии показывают непопулярность как сферы культуры в целом, так и отдельных культурных событий среди проектов, в которые предприниматели готовы вкладывать деньги. Сложно обсуждать тему благотворительности или фандрайзинга в сфере культуры, если в гражданском обществе, средствах массовой информации, влияющих на общественное мнение, конструируются социальные проблемы, связанные с «заказным» негативом.

Поднимая вопрос о социальной ответственности СМИ, В. Комаровский отмечает, что СМИ призваны удовлетворять нужды граждан быть информированными относительно состояния общественных дел, их потребности в отдыхе и развлечении, общественной коммуникации [8, с. 29]. Культурно-образовательная функция как одна из основных функций журналистики заключается в том, чтобы, будучи одним из институтов культуры общества, участвовать в пропаганде и распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека. Введение в моду понятия «культурный человек» невозможно без участия СМИ. Без планомерной и четко выстроенной совместной работы СМИ, власти, гражданского общества в сфере освещения культурной жизни сложно построить демократическое, гражданское общество. В сфере современных СМИ возможен альтернативный путь решения вопроса успешности существования: не уход к «идеологии зрелищности», а демонстрация релевантных и актуальных современности проектов.

Библиографический список

1. Карпова Г.Г. Социальное поле культурной политики. М., 2008.
2. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993. № 2. С. 94–122.
3. Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4 (25). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/4/2005_4_3.html
4. Прохоров Е.П. Возможна ли для современной журналистики работающая триада: толерантность – диалог – движение к согласию? // Социальное насилие и толерантность: Реальность и медиа-образы. М., 2004.
5. Ученова В.В. Беседы о журналистике. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
6. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.
7. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000.
8. Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003.

**K.A. Kuznetsova
Social Mechanisms
of Innovations in the British
Models of Organization
and Management Culture:
Sociological Perspective**

The authors study the essence, specific peculiarities, scientific and practical potential of innovation's social mechanisms, worked out in British models of organization and management culture. Wide sociological perspective of the analysis carried out is revealed.

Key words and word-combinations: organizational culture, sociology of organization, British models of organization's culture and management.

Исследуются сущность, характерные особенности и научно-практический потенциал социальных механизмов инноваций, сложившихся в британских моделях культуры организации и менеджмента. Представлена широкая социологическая перспектива осуществленного анализа.

Ключевые слова и словосочетания: организационная культура, социология организации, британские модели культуры организации и менеджмента.

УДК 316.354
ББК 60.55

К.А. Кузнецова

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИЙ В БРИТАНСКИХ МОДЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕНЕДЖМЕНТА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Инновационный путь развития современного российского общества рассматривается в теории и практике социального управления как магистральный и наиболее предпочтительный в условиях усиливающейся международной конкуренции, роста различного рода кризисных явлений и процессов, дестабилизирующих устойчивость социальной системы, воспроизводство ее основных параметров. Все это элементы и проявления одного целостного состояния, суть которого, по мнению экспертов [1], необходимо изучать в социологической перспективе. Ведущие представители мировой социологии, пытаясь осмыслить негативные уроки современности, делают концептуальные обобщения по поводу содержания этой перспективы, говоря о том, что стоящие у власти должны быть архитекторами управленческих инноваций, формируя то, что называется культурой организации. Анализируя ее ценности и нормы, следует определить социальные механизмы, с помощью которых они могут быть привиты и переданы людям, или, в случае необходимости, противостоять отжившим ценностям и нормам организационной культуры [2, с. 190]. Таким образом, социологическая перспектива исследования современного общества существенно связывается с развитием инно-

вационных форм социальных механизмов организационной культуры и менеджмента.

В связи с этим вполне обоснованным представляется внимание отечественной социологии к возможной институциональной адаптивности социокультурного опыта инновационного развития других стран и научно-практического потенциала национальных социологических школ культуры организации и менеджмента. Все это, в свою очередь, актуализирует исследовательский интерес к зарубежным концептуальным моделям инноваций, включающим соответствующие теоретические подходы, эмпирические процедуры, социальные механизмы и практики. Весьма информативно и концептуально, на наш взгляд, социальные механизмы инноваций представлены в британских моделях культуры организации и менеджмента. В фокусе этих моделей находится организационная культура, специфически детерминирующая процесс управления инновационными изменениями. Для авторов, работающих в русле данного подхода, организационная культура является отражением формальных корпоративных ценностей и способов инновационной деятельности. Именно эти свойства организации как социального института признаются культурными и являются объектом инновационного менеджмента [3, с. 117].

В британской научной традиции социологии организации и менеджмента английский термин «innovation» изначально имеет довольно широкий спектр значений. В ряде случаев термин «инновация» применяют по отношению к собственно изобретениям, понимая под ними продукт творческой деятельности, в которой на основе научных знаний и технологических достижений создаются новые принципы действия инновационного менеджмента или конструирования системной организации и ее отдельных социокультурных конструктов [4, с. 31]. Часто этим термином обозначают новые, наиболее эффективные и оптимальные способы и методы профессиональной управленческой деятельности – относительно самостоятельного рода организационной деятельности, обусловленного общественным разделением труда и требующего определенной подготовки [5, с. 298]. Согласно еще одному устоявшемуся определению, инновация – конечный результат нововведений в виде материального или духовного продукта, реализуемого на рынке, а также нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности организации [6, с. 110]. Наиболее универсальной, по мнению экспертов, является точка зрения, которая состоит в том, что термином «инновация» обозначается одновременно процесс создания и внедрения нового и его конкретный результат. В этом смысле этот феномен рассматривается как важное управленческое приложение теоретических и практических знаний, приводящее к успеху в различных сферах организации общественной жизни [7, с. 60].

Многоплановость термина «инновация» позволяет британским социологам также рассматривать его в форме прилагательного, которое, интегрируя в себя указанные значения, создает своеобразный социокультурный контекст для определенных моделей культуры организации и менеджмента. В самых общих

чертах эта традиция развивается в двух основных направлениях: менеджералистском и организационном. Так, в социологической теории инновационного менеджмента выделяются [8, с. 41] маркетинговая, реагирующая, ситуационная и антикризисная модели. В социологии организации [9, с. 73] доминируют следующие модели: «организации – пользователи инноваций», «организации – создатели инноваций», «организации – создатели и пользователи инноваций», «организации – носители инноваций», «организации – результат инноваций». Согласно мнению экспертов, эвристическая ценность этих моделей состоит в том, что британские теоретики организационной культуры во главу угла поставили не «порядок», а «качество» и тем самым перенесли акценты социологического исследования механизмов инновационной деятельности в область социокультурных отношений, а не только технико-экономических пропорций [10, с. 114].

При всех существующих различиях общим предметом данных моделей являются разработка и внедрение инноваций, а главной особенностью выступает постоянный творческий поиск, нацеленность на открытия, стремление к изобретению новых видов товаров (услуг) и обновлению технологий их создания. Инновационный менеджмент в этих моделях, по сути, является синонимом успешного развития для каждого предприятия любого сектора экономики. Общепринятым является понимание, что в современных условиях без применения инноваций практически невозможно создать конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень научности и новизны. Инновации представляют собой эффективное средство конкурентной борьбы, так как ведут к снижению себестоимости продукции, к притоку инвестиций, к повышению имиджа производителя новых продуктов, к открытию и захвату новых рынков, в том числе внешних. Инновационная деятельность в большинстве указанных моделей рассматривается как разработка и реализация научно-технических достижений, создание новой конкурентоспособной продукции и ее производство на уровне современной техники и технологии в целях получения максимально возможной прибыли.

Важным достоинством данных моделей является, по мнению экспертов, [11, с. 201] возможность операционального рассмотрения процесса инноваций посредством двух типов социальных механизмов, каждый из которых реализуется в форме дескриптивной квазитеории (описания, которое, научно обосновано и содержит важную социологическую информацию). Первый тип представлен моделью рутинных изменений (routine change model), второй – реадaptационной моделью (readaptation model) [12, с. 43]. Понимание инновационного процесса как реадaptации опирается здесь на предположение о существовании феномена «инерции социального поведения», под которым понимается критически важный адаптационный механизм приспособления к воздействию окружающей среды. Предполагается, что инерция поведения заключается в перманентной тенденции следовать уже утвердившемуся образцу, даже при сильном искушении отвергнуть или изменить его.

Один из главных постулатов модели рутинных изменений формируется следующим образом: если для осуществления перемен нет необходимости

бороться против инерции поведения, то инновация реализуется естественно, в рамках обычного хода деятельности. Словосочетанием «рутинные изменения» подчеркивается логическая несообразность во взаимодействии установившейся практики организационной культуры с окружающей средой. Это означает, что большая часть инноваций не является результатом преодоления сильных эмоциональных барьеров, а вытекает из установившейся индивидуальной и организационной практики в изменившихся социокультурных контекстах. Социальные механизмы рутинных изменений характеризуются при этом посредством десяти иллюстративных субмоделей: поисков; имитации; трудовых навыков (мастерства); выживания на рынке; распределения резервов; поддержания статуса; подбора кадров; игры; социализации; удовлетворения запросов клиентуры [12, с. 51]. Таким образом, существует, как минимум, десять общепринятых путей, по которым инновация проникает в организацию и тем самым изменяет ее культуру и деятельность.

Когда эти модели, как и их социальные механизмы, приобретают социокультурическую направленность, исследователи говорят [13, с. 93–94] об организациях с «устойчивой (сильной) культурой». В таких организациях основным ресурсом инноваций являются люди, а выбор инновационной политики и стратегии четко обоснован. В организациях такого типа внедрение инноваций проходит наиболее успешно. Организации с «устойчивой культурой» не очень чувствительны к влиянию кратковременных изменений окружающей среды по сравнению с организациями с «неустойчивой (слабой) культурой». В данных организациях развитие и интернационализация инноваций недооцениваются как высшим менеджментом, так и всеми сотрудниками в целом. Это означает также, что организации с «устойчивой культурой» относительно контролируемым образом реагируют на события, происходящие во внешней среде, такие, как, например, фундаментальные технологические нововведения с долгосрочным эффектом. В организациях со «слабой культурой» необходимые приспособления к внешним изменениям происходят относительно быстро, но эти приспособительные сдвиги будут более резкими, внезапными и менее контролируемыми.

С практической точки зрения, эти две интеграционные модели культуры организации и менеджмента предполагают принципиально различные парадигмальные установки: организации сами могут выбирать тип своего инновационного развития – стать предприятием со «слабой» или «сильной культурой». Результаты выбора во многом зависят от того, насколько менеджмент способен на инновационный, как правило трудный и иногда болезненный, процесс преодоления инерции социального поведения и как он оценивает соотношение затрат и прибылей, связанных с поддержанием внутри организации «устойчивой культуры». Окончательный выбор модели культуры организации и менеджмента зависит от природы технологических возможностей, от внешних и внутренних воздействий, управленческих отношений, фундаментальных ценностей и установленных норм и правил индивидуального и социального поведения. В конечном плане, отмечают эксперты, алгоритм моделирования включает выбор контекста, культуры и затрат [14, с. 121].

Подводя итоги анализа социальных механизмов инноваций в британских моделях культуры организаций и менеджмента, отметим определенное сходство имеющихся теоретических дефиниций и эмпирических аналогий, что делает рассматриваемую проблематику, по нашему мнению, наиболее конкретизированной в социологии организации и менеджмента. Представленные модели позволяют уточнить и сопоставить смысловую нагрузку понятия «инновация», выделить его концептуальные конструкты и рассмотреть социальные механизмы формирования на операциональном уровне социологического исследования. Обобщая этимологическое родство базовых категорий, рассматриваемые модели позволяют преодолеть определенные трудности для исследователей, связанные с имеющейся полисемией теоретических интерпретаций.

Осуществленный анализ также показывает, что успех инновационного менеджмента в значительной степени определяется моделями и социальными механизмами культуры организации. Организационная культура в значительной степени определяет успех инновационной деятельности, а следовательно, и важнейшие конкурентные преимущества предприятий, что, в свою очередь, и является отличительным достоинством стран мировых лидеров в сфере высоких технологий и экономики в целом. Как отмечают эксперты, в современном российском обществе этот процесс идет сложно и противоречиво и сопряжен с рядом разнообразных проблем, ключевые из которых определяются доминированием моделей консервативной культуры организации и менеджмента, которая достаточно долго удерживает общественное развитие в определенных организационных параметрах [15–17].

Консервативная культура организации и менеджмента, отмечают эксперты, очень архаична, бюрократизирована и ориентирована в значительной мере не столько на рационализацию инновационных процессов, сколько на сопротивление инновациям и сохранение сложившихся традиций [18; 19]. Источниками организационного консерватизма являются определенные принципы и правила деловой практики, существующие квалификационные системы и официальные установки, где явное преимущество отдается тактическому подходу к решению задач. В рамках таких моделей вопрос «Что мы делаем?» остается открытым, поскольку относится к долгосрочной перспективе, к определению перспектив деятельности и является высокочувствительным распределением во времени пониманием. Думается, что представленные в работе концептуальные модели весьма актуальны для верификации осуществляемого в нашей стране процесса всесторонней модернизации в координатах глобального, регионального и локального уровней социальной организации.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы социального управления: «круглый стол» // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 98–107.
2. Валлерстайн И. Наследие социологии и будущее социальной науки // Хрестоматия по общей социологии / сост.: В.П. Кулыгин, А.Г. Кузнецов. М., 2004.

3. Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов, 2000.
4. Reed M. Sociology of Management. L., 1989.
5. Thomas G. Management. L., 2009.
6. Thompson G. Organization in Action. L., 2006.
7. Introducing Management / ed. by K. Ellior. L., 2005.
8. Burns T. The Management of Innovation. L., 1981.
9. Bulmer M. Sociology of Organization. L., 2010.
10. Shein E. Organization Culture. L., 2008.
11. Култыгин В.П., Кузнецов А.Г. Общая социология. М., 2004.
12. Child J. British Management Thought. L., 2009.
13. Новая технология и организационные структуры / под ред. Й. Пиннингса, А. Бьюитеанда. М., 2009.
14. Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие: теория и практика. М., 2011.
15. Барков С.А. Организация и рынок: противостояние или согласие? М., 2008.
16. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М., 2002.
17. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
18. Журавлев В.Г. Становление эффективного менеджмента в России. М., 2001.
19. Коновалова В.Г. Управление организационной культурой. М., 2012.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

I.S. Sayfulin
Interaction of Tolerance
Principles and Religious
Extremism Factors
in the Political System
of Modern Russia

The article deals with tolerance as a mechanism of public relations regulation and a means of political control. Basic problems of applying tolerance principles are identified. Causes of the problems emergence in conditions of modern statehood are analyzed.

Key words and word-combinations: tolerance, political processes, public administration, internal policy.

Рассматривается толерантность как механизм регулирования общественных отношений и средство политического управления. Определяются основные проблемы применения принципов толерантности. Анализируются причины возникновения проблем в условиях современной государственности.

Ключевые слова и словосочетания: толерантность, политические процессы, государственное управление, внутренняя политика.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

И.С. Сайфулин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ФАКТОРОВ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Распад СССР ознаменовал период глубоких трансформаций российского общества. Изменились и политическая система, и ценностные ориентации. Был взят курс на построение западной модели демократии, построенной на принципах толерантности. Толерантность (англ., фр. tolerance – терпимость от лат. tolerantia – терпение) – термин, обозначающий терпимость. Толерантность не равносильна безразличию и подразумевает принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением [1, s. 471–472].

В контексте рассматриваемого вопроса

толерантность стоит понимать как принцип осуществления политики методами и способами, основанными на взаимном уважении всех участников политического процесса. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение толерантности в политологическом аспекте в сфере развития современного общества, базирующегося на принципах демократии, закона, транспарентности.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. делается акцент на том, что среди основных источников угроз нашей государственной и общественной безопасности – экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране [2]. Экстремизм представляет собой приверженность к крайним взглядам, мерам и действиям [3]. Таким образом, экстремизм прямо противоположен толерантности.

Российский ученый А.А. Козлов, активно занимающийся изучением феномена экстремизма, установил различие экстремистов по идеологической составляющей: националисты (ксенофобы), неонацисты-неофашисты; радикалы в области социально-экономических вопросов; религиозные экстремистские формирования; экологические и культуроохранные экстремисты; мимикранты [4]. Широкая дифференциация экстремистской деятельности четко дает понять многогранность и опасность самого существования феномена экстремизма.

Привитие принципов толерантности в самом широком смысле естественным образом исключит факторы, обуславливающие возникновение тех или иных форм проявления экстремизма. Реальным способом, который может искоренить причину возникновения экстремизма как такового, а не его симптоматичные проявления, является продуманное внедрение принципов толерантности во все сферы жизнедеятельности.

Вопрос проблематики внедрения толерантности впервые возник на Западе. Отечественные исследователи В.В. Макеев и М.А. Гулиев указывают на следующее: «Первой исторической формой проявления толерантности была веротерпимость, принцип которой утвердился в Вестфальском договоре о мире (1648 г.). Этим договором были созданы основы для равноправия религий, в смысле уравнивания прав лютеран, кальвинистов и католиков на всей территории Германии. Его статьи юридически закрепили представление европейцев о том, что для индивидуального и общего блага необходимо признание убеждений и веры другого, “то есть толерантного отношения к нему”» [5]. По нашему мнению, еще более ранним фактом привития и возникновения принципов толерантности можно считать Аугсбургский религиозный мир, заключенный 25 сентября 1555 г. между лютеранскими и католическими субъектами Священной Римской империи и римским королем Фердинандом I. Аугсбургский мир признал лютеранство официальной религией и установил право имперских сословий на выбор вероисповедания. Отправной точкой распространения принципов толерантности также можно считать издание 13 апреля 1598 г. Нантского эдикта – закона, даровавшего французским протестантам-

гугенотам вероисповедные права. Событие, показывающее эффективное использование принципов толерантности на государственном уровне во внешней политике, – решение, которое было принято 3 мая 1815 г. на Венском конгрессе относительно раздела Польши. Большая часть земель Варшавского герцогства была передана России, в результате чего Александр I в 1815 г. даровал Польше конституцию. Таким образом, в составе Российской империи, на большей части которой царил абсолютная монархия, появилась вторая (после Великого княжества Финляндского) конституционная монархия [6]. В тексте названной конституции отмечалось, что римско-католическая религия, исповедуемая большинством жителей Царства Польского, должна быть предметом особого попечения правительства, без малейшего, однако, ущерба для свободы иных исповеданий [7].

Все основные религиозные учения базируются на принципах толерантности, которая объясняется как форма проявления любви к ближнему, прощения, терпения. Казалось бы, священные писания проповедуют идеи толерантности, человеколюбия, но именно религия, а точнее религиозный и религиозно-политический экстремизм, представляет колоссальную угрозу современному российскому обществу. Ваххабизм представляет собой религиозно-политическое течение, которое основал Мухаммад бин Абд ал-Ваххаб, основываясь на религиозных воззрениях ученых ханбалитского толка Ибн Таймии и Ибн ал-Кайима. Ваххабизм получил распространение как среди самих арабов, так и среди других народов. Абд-ал-Ваххаб призывал к очищению ислама от остатков язычества («джахалийа») и от новшеств («бида»), к числу которых он относил отход от строгого единобожия, сооружение гробниц, почитаемых в разных оазисах, процветание магии и ворожбы, неукоснительному соблюдению основных заповедей ислама, ростовщичества [8]. На территории России современный ваххабизм фактически всегда ознаменован терактами и экстремистской деятельностью.

Не только религиозные ответвления ислама представляют потенциальную опасность для политической системы. Среди религиозно-политических организаций христианского толка отмечают Русское православное национал-социалистическое движение (РПНСД) – типичный образец одного из видов правого радикализма, а именно религиозного ультранационализма. С точки зрения идеологии РПНСД – более радикальная организация, чем все ее предшественники. Основные положения Программы РПНСД коренным образом отличаются от других российских праворадикальных идеологий. По мнению активистов, целью движения является создание православно-теократического государства, политический строй которого определяется как национал-социализм [9, с. 209–222].

Названные примеры – это лишь своеобразное отражение религиозно-политического экстремизма, продиктованного гораздо ранними проявлениями деятельности Имама Шамиля, создавшего Северо-Кавказский имамат, и черносотенцев – представителей крайне праворадикальных, часто антисемитских, монархических, православных кругов. Например, последствия деятельности чер-

носотенцев настолько значимы и масштабны, что они явились предметом изучения таких ученых, как Джон Клиер и Шломо Ламброза.

Независимо от субъективных черт конкретных представителей религиозно-политического экстремизма, ученые выделяют их общие критерии:

- наличие особой миссии, сформированной на основе религиозного опыта или оценки религиозных текстов;
- культ собственной исключительности и превосходства, радикальное самоотличие религиозной группы по отношению к другим религиозным группам и секулярному обществу в целом, наличие аристократичного кодекса поведения (сопоставление себя с «аристократией духа»);
- собственная субкультура, наполненная духом экспансии;
- высокая групповая сплоченность и корпоративность;
- наличие религиозной доктрины преобразования мира, пусть даже путем его отрицания, и категориальная сознательность;
- активность отличительного противостояния по отношению к «чужим»;
- агрессивность к обществу и другим религиозным группам [10].

По мнению ученых, исследующих религиозный фактор политического экстремизма, А.М. Магомедова и К.М. Ханбабаева, усиление названного деструктивного феномена совпадает с переломными этапами общественного развития. Они считают, что сегодня Россия переживает своеобразный перелом в своем развитии. Результатом чего стало усиление спроса на религии, переориентацию общества на соответствующую духовность. Как следствие, что религия стала существенным фактором общественного развития [11].

Настоящая политическая ситуация и выводы отечественных ученых свидетельствуют о потенциальной угрозе социально-политическому и культурно-цивилизационному устройству государства, которая возникла из-за усиления позиций религиозных факторов в тенденциях развития политического экстремизма. Казалось бы, очевидным является положительная оценка толерантности как антипода экстремизма, но в условиях современного российского общества не все так однозначно. Так, в рамках Послания 12 декабря 2013 г. Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин отметил следующее: «Мы будем стремиться быть лидерами, защищая международное право, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов. И это абсолютно объективно и объяснимо для такого государства, как Россия, с ее великой историей и культурой, с многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства» [12]. В данном контексте значение толерантности крайне неоднозначно. Противоречивое мнение и у общественности, и у российских исследователей. Например, по мнению этноконфликтолога В. Трофимова-Трофимова, толерантность все чаще является синонимом терпимости, что, в свою очередь, становится предпосылкой для этноиндифферентности. Подчеркивается тот факт, что современная российская толерантность – это худший проект для межэтнических отношений внутри страны. В России внут-

рение мигранты и иммигранты живут дисперсно, не образуя своеобразных анклавов. В отличие от Европы, это действительно плюс, поскольку способствует аккультурации. Однако политика толерантности привела Европу от состояния, близкого к российскому, к современной ситуации, с войнами предместий, этническими анклавами. Россия ориентирована в том же направлении, блокируя коммуникацию между этническими группами насаждением политики толерантности. Чтобы вовремя свернуть с этого порочного пути, уже сегодня нужно искать возможности создания коммуникационных мостов, создавая общее [13]. Неэффективная миграционная политика чаще всего становится причиной этнических и религиозных конфликтов, поэтому опыт внедрения принципов толерантности в Европе и его последствия имеют для России огромное значение.

С точки зрения президента Коллегии военных экспертов А. Владимирова, основой стратегии уничтожения цивилизации является операция по принуждению к толерантности. В трудах А. Владимирова толерантность рассматривается как военная стратегия и технология (методика) дезинтеграции социума. Целями толерантности по убеждению являются: разрушение национальной генетики и дезинтеграция государства как основной и эффективной формы организации социума, обладающей социальной ответственностью, создание нового качества нации как безответственного к национальной истории и культуре социума. Очевидно, что навязываемая, неосознаваемая обществом толерантность потенциально может являться фактором политической экстремальности [14].

Полярной к толерантности по принуждению является толерантность по убеждению. Главное отличие заключается в том что, социум осознанно, руководствуясь человеколюбивым мировоззрением, формирует жизненную позицию, основанную на взаимном уважении. Такое уважение должно быть независимо от расы, национальности, социального положения и т.п. Каждый должен уважать каждого. Понимание такой идеи поможет обществу в процессе гуманизации и государству в процессе политического управления.

В целом толерантность может как погубить государство и общество, так и возродить его, помочь в достижении кульминации его развития. Толерантность стоит использовать как элемент противодействия экстремизму, в том числе и религиозному. Формирование личности должно происходить на основе фундаментальных идей толерантного мировоззрения. Человек не должен чувствовать давление со стороны государства, безысходную необходимость терпеть все и вся, он должен уважать и быть уважаемым.

Таким образом, при угрозе такого экстремального фактора политического процесса, как религиозный экстремизм, проблема привития принципов взаимного уважения, позволяющих исключить любые экстремистские и радикальные проявления, имеет первоочередное значение. Однако вопрос о том, стоит ли использовать западную модель демократии, полностью копируя систему внедрения основ толерантности, предстоит в ближайшем будущем решать руководству страны и ее населению. Необходимо активно использо-

вать исторический и современный западный опыт внедрения принципов толерантности, но с учетом особенностей российской государственности и менталитета населения. Не следует «изобретать колесо», достаточно грамотно, изучив проблематику настоящего вопроса, этноконфессиональную специфику социальных групп, экстремальные факторы политического процесса современной России, активно вести политику, построенную на взаимном уважении и адекватной оценке существующих угроз. Таким образом, очевидна необходимость развития государства не безразличного и деструктивно пассивного, а системно ориентированного на организацию совместной человеческой жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Biller K., Stiegeler M.* Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse von Viktor E. Frankl. Bohlau Verlag Ges. m.b.H. und Co.KG, Wien KölnWeimar, 2008.
2. Стратегия национальной безопасности России до 2020 г.: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
3. Политическая наука: слов.-справ. / авт. и сост. И.И. Санжаревский, Тамбов, 2013. URL: <http://www.glos.virmk.ru/>
4. *Козлов А.А.* Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики. СПб., 2003.
5. *Макеев В.В., Гулиев М.А.* Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. Ростов-н/Д., 2005.
6. *Черникова Т.В.* Россия и Европа: Эпоха Наполеоновских войн. М., 2012.
7. Конституция Польши, подписанная Александром I и скрепленная его печатью [Электронный ресурс] // Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch/Search/Details/74833797-e050-4df9-9476-747d0a16eb79>
8. *Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Махачкала, 2008.
9. *Шеховцов А.В.* Религиозно-националистический радикализм и политический процесс: На примере Русского православного национал-социалистического движения // Верхи и низы русского национализма / под ред. А.М. Верховского. М., 2007.
10. *Муминов А.И.* Религиозный экстремизм как социальная угроза // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. 2007. № 2. С. 57–62.
11. *Магомедов А.М., Ханбабаев К.М.* Государственно-конфессиональные отношения в Республике Дагестан // Государство и религия в Дагестане: инф.-аналит. бюллетень. 2003. № 2.
12. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825#sel=150:76,150:82>
13. *Трофимов-Трофимов В.* Толерантность и политика этноиндифферентности: Как преодолеть межнациональное отчуждение, создавая общее [Электронный ресурс] // Свободный мир [сайт]. URL: <http://liberty.ru/Themes/Tolerantnost-i-politika-etnoindifferentnosti.-Kak-preodolevat-mezhnacional-noe-otchuzhdenie-sozdavaya-obschee>
14. *Владимиров А.И.* «Толерантность» как военная стратегия и технология (методика) дезинтеграции социума [Электронный ресурс] // Правомыслие. [сайт]. URL: <http://www.pravomyslie.ru/?p=4622>

A.V. Kuzmin
Economic Organization Control
in the Social Space

Various forms of economic organization social control manifestations in the social space are examined. Functions of modern economic organization control are revealed. Modern social control mechanisms are presented.

Key words and word-combinations: social control, economic organization, organization control mechanism.

Исследуются различные формы проявления социального контроля хозяйственной организации в контексте социального пространства общества. Раскрываются функции контроля современной хозяйственной организации. Представляются современные механизмы социального контроля.

Ключевые слова и словосочетания: социальный контроль, хозяйственная организация, механизм организационного контроля.

УДК 005.5
 ББК 60.821

А.В. Кузьмин

КОНТРОЛЬ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА

Изучая процессы перехода России на инновационный тип развития, социологическая наука все больше внимания уделяет проблемам содержательного проявления и трансформациям в системе организационного контроля. Сегодня важно уточнить сущностные характеристики хозяйственной организации, роль и место социального контроля организационных систем в социальном пространстве общества.

Современное общество представляет собой социетальную систему, отдельные компоненты которой проявляются в виде социальных систем – сложного комплекса «взаимодействия множества действующих лиц, ориентирующихся на ситуацию, где социальная система включает в себя общественную систему культурных символов» [1, с. 77]. Общественная социетальная система формирует определенное социальное пространство, куда входят социальные системы с определенной организационной культурой, стилем группового поведения, спецификой внутренних и внешних форм социального контроля [2, с. 262–272]. Организационные системы социального пространства условно можно дифференцировать. Наиболее распространенная классификация отражает разделение социальных организаций на хозяйственные и нехозяйственные. Хозяйственные организации – это тип социальной организации, в той или иной степени связанный и реализующий непосредственную экономическую деятельность [3, с. 125–127].

Нехозяйственные организации ориентированы на различные виды неэкономической деятельности, участвуют в системе социально-экономического взаимодействия только опосредованно в рамках своей внешней социальной среды.

В обобщенном контексте различные культурные характеристики социальных организационных структур общества во взаимосвязи и взаимозависимости можно рассматривать как социальное пространство. Социальное пространство представляет собой организационные системы различного хозяйственного и нехозяйственного типа, а также их количественные и качественные деятельные проявления. Члены хозяйственных организаций выступают активными субъектами развития социального пространства. Они являются носителями ассоциированного человеческого капитала, представляющего собой «кооперацию и комбинацию совокупных человеческих капиталов общества, реально задействованных в индивидуальных хозяйствах, на предприятиях и в организациях, образующих единый социально-хозяйственный комплекс общества» [4, с. 67].

Социальное пространство характеризуется общественной культурой и динамикой развития отношений между социальными организационными системами. Оно конструируется в контексте ассамблеи социальных полей контроля. П. Бурдьё в связи с этим отмечает, что социальное пространство имеет смысл только тогда, когда его рассматривают как систему организационных подпространств. Последние «обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и (социальное пространство) может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [5, с. 34]. Следовательно, структурно социальное пространство включает различные виды материального и культурного капиталов, соединение которых осуществляется в рамках действующей системы экономического, культурного, социального и символического контроля. Сама же категория «социальное пространство» должна рассматриваться в контексте проявления функций социального контроля, что позволяет уточнить качественный контекст взаимосвязи личности, социальных организационных систем и общества, механизмы становления, социализации, самосовершенствования человека.

Таким образом, социальное пространство внешне проявляется как социально-культурный ресурс общества, регионов, муниципального объединения, отдельных хозяйственных и нехозяйственных организаций. По сути, конкретные хозяйственные организации и их отдельные системы контроля можно назвать элементами социального пространства общества. Единство ценностей общества и отдельных организаций, их контрольных норм проявляется в различных формах и развивается в контексте относительной неизменности и самостоятельности формирования культуры тружеников. Культура контроля отдельных хозяйственных организационных систем взаимосвязана и зависима от преобладающих культурных ценностей общества. Отметим, что формирование норм контроля различных организаций имеет некоторую замкнутость и специфичность. Важнейший отличительный параметр социального развития различных социальных систем – это культура контроля. Она всегда имеет как общие, так и отличительные черты, помогает организационной системе социально адаптироваться в обществе, определяет динамику социального саморазвития, а также усиливает тенденции интеграции, приспособления,

обособления по отношению к изменяющимся факторам внешней общественной среды. Культура контроля различных хозяйственных организаций формируется на основе не только подсистем аналогичных ценностных организационных норм, но и исходя из действующего комплекса совокупной социальной культуры общества. При этом специфическая культура контроля социальной организационной системы характеризуется усвоением работниками поведения и знаний, «которые интегрируются группой и разделяются членами группы. Групповые убеждения и практика становятся привычными, традиционными и отличают одну группу (цивилизацию, страну или организацию) от другой» [6, с. 59].

Общественное социальное пространство включает в себя множество интегрирующих культур хозяйственных организаций, социума территорий, муниципалитетов, нехозяйственных организационных систем, культурных проявлений контроля на различных уровнях взаимодействия акторов. Общественное социальное пространство представляет собой стойкую совокупность контролируемых норм и принципов, «с которыми взаимодействует социальный субъект (личность, группа, класс, общество) и которые влияют на его деятельность по созданию материальных и духовных ценностей» [7, с. 29].

Хозяйственная культура в целом обусловлена уровнем социо-культурного развития множества регионов, муниципалитетов, хозяйственных и нехозяйственных организационных систем. Формирование и развитие социального пространства зависит и во многом определяется социальной и социально-экономической деятельностью отдельных субъектов, профессиональных групп, организаций, осуществляющих деятельность в рамках системы организационного контроля. Социальное пространство – это своеобразный продукт «человеческой деятельности, который в соответствии с установленной иерархией ценностей назначает ему цели и детерминирует средства их достижения» [8, с. 36].

Таким образом, общество в современных условиях может рассматриваться как комплекс организационных социальных систем. В данном контексте общество выступает в форме социального пространства, характеризующегося стилями социокультурной жизнедеятельности отдельных акторов, населения территорий, различных организационных образований. Социальная составляющая пространства общества характеризуется параметрами различных типов формальных и неформальных организаций. При этом формальные организации условно делятся на хозяйственные (имеющие формальные экономические цели и задачи), а также нехозяйственные (не имеющие формальных экономических целей и задач). Типовые признаки всякой хозяйственной организации определяются следующими элементами: стремлением к достижению экономических результатов; наличием общей экономической цели (наряду с другими целями), не сведенной к частным целям отдельных ее групп и индивидуумов; использованием некоторых экономических ресурсов, реализации жестких механизмов контроля их воспроизводства; наличием общих и специфических форм социального контроля, системы норм поведения и трудовой деятельности членов трудового коллектива; комплексным разделением труда, воспроизводством статуса тех или иных работников; системой контролирующей поощрений и наказаний по тем или иным практикам трудовой и нетрудовой деятельности сотрудников.

Социальное пространство – это тип жизненного пространства, определяю-

щийся проявлением системы норм социального контроля, ценностей, принципов поведения в целом и хозяйственного поведения тружеников в частности. Социальное пространство исключает другие несоциальные формы жизненного пространства, связанные с кругооборотом природы, финансов, техники, технологий.

Социальное пространство общества можно исследовать на основе анализа различных организационных социальных систем его составляющих, рассматривая культурные взаимодействия групп населения, моделей поведения, преобладающих образцов организационной деятельности. Социальное пространство общества характеризуется ценностями и нормами хозяйственных и нехозяйственных организаций, поэтому можно констатировать, что данное пространство включает и во многом влияет на развитие подсистемных социальных пространств отдельных организационных систем. Социальное пространство в современном понимании необходимо рассматривать как динамичное поле организационных социальных взаимодействий, различных форм социального контроля функционирования и изменений. В процессе развития социального пространства постоянно возникают и изменяются общие и специфические формы социального контроля, формируются показатели социального порядка: ценности, нормы, социальные предпочтения, принципы поведения акторов.

Факторами развития социального пространства выступают акторы социального организационного взаимодействия – ценностные ориентиры прогрессивной жизнедеятельности субъектов, социальных организационных систем, общностей, организационных объединений, которые определяют процесс изменения социального контроля как базы всякого социального порядка.

Таким образом, социальный и социально-экономический контроль представляет собой важнейшую сущностную характеристику хозяйственной организации. Внутриорганизационный контроль – это механизм социального и социально-экономического «склеивания» трудовых групп в организационную систему хозяйственной типа. «Он определяет возможность не только эффективного разрешения основных операциональных противоречий, решения базовых технологических задач, но и адаптивного и продуктивного развития отдельных компонентов» [9] хозяйственной организации в целом. Хозяйственная организация ориентируется на достижение общественно значимых экономических и социально-экономических целей на основе действующей системы общих (действующих во всем социальном пространстве общества), а также специфических (функционирующих преимущественно в отдельной организационной системе) контрольных норм, связей, трансформируемых под воздействием как внешних (формируемых в рамках внешней социальной среды), так и внутренних (складывающихся в пределах внутреннего административного комплекса) социокультурных факторов.

Социальный контроль представляет основную сущностную черту современной хозяйственной организации. Общество посредством социального контроля проверяет и регулирует действия отдельных субъектов труда, исходя из социальных нормативов, ценностей, стандартов и идейных ориентиров. По сути, всякая хозяйственная организация характеризуется ценностными приоритетами, традициями, нормами контроля поведенческих практик, ментальностью их членов. Одновременно характеристики хозяйственной организации, с одной стороны, являются специфичными, с другой – соотносятся и совпадают с

нормами социального контроля общества в целом, а также его отдельных территориальных, муниципальных и иных организаций.

Несложно заметить, что социальный контроль – один из механизмов регулирования отношений между организацией и личностью, организацией и иными организациями, организацией и обществом, обществом и личностью, обществом и государством, государством и социальными институтами. Контроль определяет существование групп людей как трудовых коллективов и занимает важное место в обеспечении стабильности и устойчивости функционирования организации – воспроизводстве господствующего типа социальных отношений и социальных структур.

Социальный контроль в современных условиях – это многонаправленная сложная социальная система. Он проявляется на уровне и общества в целом (общественный контроль), и хозяйственной организации (организационный контроль), и отдельного актора трудового взаимодействия (самоконтроль). Социальный контроль реализуется в качестве одного из механизмов регулирования общественных и хозяйственных процессов, обеспечивающих социально необходимые образцы деятельности организаций или их отдельных акторов. С помощью социального контроля осуществляются устойчивое функционирование и развитие общества и его отдельных организационных структур, обеспечивается соблюдение принятых в социуме норм, принципов, ролевых правил и ожиданий, а также преодолеваются социальные конфликты, достигается общественная и организационная стабильность функционирования. Социальный контроль хозяйственной организации представляет собой цельную систему, активизацию которой осуществляют как государственные институты, так и внутриорганизационные подразделения и отдельные субъекты управления, сами акторы трудового взаимодействия. Социальный контроль хозяйственной организации реализуется преимущественно в рамках нескольких механизмов: системы общественных норм организационного поведения (предписания, законодательные акты, требования, общественные пожелания, социальные ожидания организационного поведения и функционирования), санкций (система формальных и неформальных наказаний и поощрений организации), морали (социально значимые и одобряемые обществом принципы поведения и всякой деятельности, формально закрепленные правила и процедуры деятельности организаций в целом и их отдельных коллективов, работников). Конкретизировано, контроль направлен прежде всего на урегулирование хозяйственной деятельности организации в целом и ее отдельных структурных компонентов, обеспечение оптимальных условий деятельности работников на основе определенных социально значимых образцов, а также оптимизацию функционирования хозяйственной организации, эффективное достижение ее хозяйственных, технологических, социальных, культурных целей, разрешение противоречий между работодателями, менеджментом, рабочими. По сути, социальный контроль организации на практике формирует хозяйственную политику ее функционирования, определяет стиль и специфику трудового взаимодействия работников.

Библиографический список

1. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

2. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Сарат. гос. техн. ун-та. 2009. № 1 (37). С. 262–272.
3. Радаев В.В. Человек в хозяйственной организации // Экономическая социология. М., 2000.
4. Быченко Ю.Г. Механизм устойчивого развития человеческого капитала в условиях модернизации социально-экономической системы России. Саратов, 2009.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
6. Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. М., 2003.
7. Силкина Л.В. Структурные основания и функции культурного пространства // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI века. Саратов, 1998. Ч. III.
8. Шолтысек А. Культурное пространство как пространство абсурда // Философия культуры. Самара, 1995.
9. Баландина Т.М. Социальный контроль в системе управления современной организацией // Известия Сарат. ун-та. Новая серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, № 4. С. 18.

A.A. Pogosyan
The Role of Innovations
in the Development of Insurance
Services Market (Case Study
of the Project “New Generation
of Insurance Products”)

The innovation technologies in the development of the insurance market is considered. The study is based on the materials of the project “New Generation of Insurance Products” developed in 2013–2014. The emphasis is on the research of the innovations influence on the insurance industry as a whole and the elaboration of insurance products in particular.

Key words and word-combinations: insurance products, innovations in insurance, digitalization, innovation trends.

Рассматривается роль инновационных технологий в развитии страхового рынка. Исследование основывается на материалах проекта «Новое поколение страховых продуктов», реализуемого в 2013–2014 гг. Особое место занимает изучение влияния инноваций на страховую индустрию в целом и разработку страховых продуктов в частности.

Ключевые слова и словосочетания: страховые продукты, инновации в страховании, дигитализация, инновационные тренды.

УДК 368
ББК 65.271

А.А. Погосян

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СТРАХОВЫХ ПРОДУКТОВ»)

Экономический бум 1990-х годов в большой степени объясняется технологическими изменениями в обществе. Речь идет об инновациях, приведших к появлению новых и улучшенных производственно-потребительских продуктов и услуг с меньшими затратами ресурсов. Технологические изменения серьезно повлияли на торговлю (интернет-торговля), банковскую сферу, производство продуктов питания и лекарств с заданными свойствами (новейшие биотехнологии), уровень автоматизации в промышленности (промышленные роботы), проведение самих научных исследований (создание виртуальных

лабораторий). Эксперты в области науковедения считают, что многие инвестиции в развитие новых технологий 1990-х годов, так оживившие экономику, являются лишь прологом дальнейшего прогресса науки и технологии. Инновационная способность любой компании играет доминирующую, а возможно, и решающую роль в определении круга тех участников конкуренции, кто достигнет успеха на мировой арене и в своем экономическом секторе. Для компаний инновации создают наибольшие конкурентные преимущества.

Эффективность процесса коммерциализации инновации зависит от нескольких факторов. В частности, необходимо защищенное от внешнего вмешательства взаимодействие фундаментальных и прикладных исследований. Оно может быть обеспечено, например, тесным сотрудничеством между университетскими центрами и компаниями, (подобную практику западные страны используют на протяжении нескольких десятилетий) или созданием научных департаментов и подразделений внутри самой компании, набором ученых в частные рыночные компании. Права интеллектуальной собственности, поощряющие предприятия делать большие вложения в многолетние научно-исследовательские работы, прежде чем продукт выйдет на рынок, должны быть защищены, а экономика должна быть достаточно гибкой, чтобы обеспечивать быстрое принятие и распространение новых технологий, причем исключается возможность блокировки новшеств со стороны естественных монополий.

Технологический процесс непосредственно зависит от базисной науки, которая продвигается к коммерциализации новых изделий и методов. Этот шаг почти неизбежно осуществляется рыночными учреждениями, главным образом на предприятиях, которые могут получать доход от коммерциализации изобретательской деятельности через патентные права, авторские гонорары или просто от преимущества первого пользователя новых продуктов [1].

Страховая индустрия существенно изменилась со времен своего зарождения. Общество, технологии и экономика стремительно развивались, а законодательная база и нужды потребителя значительно трансформировались. Бизнес-модели страховых компаний также поменялись, появились совершенно новые каналы дистрибуции. Вместе с тем страховые продукты непрерывно меняются, что особенно заметно в последнее время.

Сегодня страховые компании сталкиваются с весьма динамичной средой сильных будущих трендов, таких, как дигитализация (Digitalization), «большие данные» (Big Data), мобильность, социально-демографические сдвиги, изменяющиеся и развивающиеся рынки, изменение традиционного потребительского поведения, турбулентность рынков капитала, изменение климата и инфраструктуры, повышение нормативных требований. Эти инновационные тенденции оказывают влияние на бизнес и меняют его структуру.

Наибольшее влияние на страховой рынок оказывает именно процесс глобальной дигитализации. Его последствия можно проследить по нескольким основным направлениям. Под влиянием процесса дигитализации в сфере страховых продуктов развиваются и эволюционируют новые типы рисков, что в особенности касается интернет-сервисов, к примеру интернет-коммерции, муниципальных платформ, онлайн-банкинга и т.д.

Новые виды рисков формируют новые продукты, что, в свою очередь, меняет требования и ожидания клиентов в сфере оказания страховых услуг. На данный момент все взаимодействия между клиентом и компанией, а также между подразделениями компании должны быть организованы простейшим и линейным способом; требования дополнительной, зачастую ненужной информации не должны замедлять или прерывать процесс покупки продукта или процесс постпродажного обслуживания продукта. Примерами могут служить Единая Регистрация (SSO), Коробочный Андеррайтинг (Black Box Underwriting), Льготные Платежи (Easy Payment). Таким образом, решающее значение теперь имеют иные каналы дистрибуции продуктов страховых компаний: прямые продажи через Интернет, мобильный телефон, специализированные приложения.

Для стимуляции спонтанных покупок посредством новых инновационных каналов дистрибуции должны быть доступными предложения с разных каналов продаж, что, в свою очередь, располагает к повторным покупкам и приверженности бренду. Таким образом, меняются принципы страхового ценообразования: для достижения спонтанных и повторных покупок необходимо предоставлять покрытия по небольшим рискам или фрагменты традиционных страховых покрытий.

Подготовкой к подобным глобальным изменениям может стать создание новой и четкой концепции инновационного поколения страховых продуктов, а также новая бизнес-модель, направленная на иную целевую группу потребителей – «суперсетевых потребителей» (Super Connected Consumers).

Современный глобальный страховой рынок является активным пользователем различного вида инноваций для повышения точности прогнозирования и построения рискованных моделей, совершенствования систем учета и управления, увеличения объемов продаж, расширения каналов продаж, а также разработки и усовершенствования страховых продуктов. Страховые компании, особенно крупные игроки, находятся в условиях постоянно высокой конкуренции, что толкает их к непрерывному усовершенствованию систем продаж, которые выражаются в увеличении расходов на рекламу, маркетинговых исследованиях, фокусе внимания на производственный процесс в целом, а не на отдельные его части и звенья, создании внутри своих структур подразделений и юнитов, занимающихся отслеживанием, изучением и прикладным применением инноваций в страховой сфере и в конкретной компании.

В данном контексте можно смело утверждать о развитии сначала прикладного применения инноваций в сфере страхования, а уже затем – теоретического их описания. Именно этим обусловлена проблема степени разработанности данной темы. Проблематика развития мирового страхового рынка исследовалась в большей степени в трудах зарубежных, нежели отечественных экономистов и финансистов. Однако следует отметить, что существующие работы лишены системного подхода, носят теоретический характер и дают обзор тенденций развития мирового страхового рынка в целом.

Более глубокий анализ тенденций развития мирового страхового рынка и инновационных трендов в нем осуществляют как раз сами страховые компании, а также консалтинговые и компании, занимающиеся программным и инфор-

мационным обеспечением, предоставляющие свои услуги при поддержке проектов страховых компаний. Особый интерес представляют исследования и отчеты таких компаний, как Pricewaterhouse Coopers, Deloitte, KPMG, Accenture, McKinsey and Company, Ernst and Young и другие. В качестве примера можно привести периодическую серию исследований, осуществляемых компанией «Делойт» на основе разработок консультантов, входящих в различные департаменты этой компании [2]. Издательство Deloitte University Press является исследовательским центром, публикующим оригинальные статьи, отчеты и периодические издания, посвященные взаимодействию бизнеса, государственного сектора и НКО и опирающиеся на исследования профессионалов-организаторов и их соавторов из научных кругов и бизнеса, для продвижения научных разработок по широкому спектру вопросов, представляющих интерес для ученых, руководителей организаций и государственных деятелей. Данный пример доказывает синтез базисной теоретической науки и рыночных компаний, заинтересованных в прикладном характере исследований и их дальнейшей коммерциализации.

Эмпирической базой настоящего исследования стали материалы практического проекта «Новое поколение страховых продуктов» для международной страховой компании. В связи с тем что в процессе разработки страховых продуктов задействованы практически все функциональные блоки страховой компании (маркет-менеджмент, андеррайтинг, актуарии, организационное и операционное управление, урегулирование убытков и т.д.), информация для данного проекта-исследования поступала из разных каналов, в их числе: анализ мирового и локальных рынков, анализ конкурентов, сканирование и мониторинг общедоступной информации, финансовые показатели, KPI и многие другие. В качестве базовых стран проекта выбраны Германия (репрезентативная также для нескольких других рынков Европы, таких, как австрийский, швейцарский и частично итальянский), Испания (дающая представление и о Латинской Америке и Португалии), а также Австралия (в качестве примера англорынка). Необходимо сделать примечание, что в основу проекта легли данные по экономически развитым странам, однако имеет смысл подчеркнуть, что именно экономически развитые страны являются своего рода инноваторами, в том числе в страховой сфере, имеют более требовательных и активных клиентов, долгую страховую практику, более зрелый и конкурентный рынок, а также определенную культуру страхования. Можно предположить, что новейшие страховые продукты, разработанные для Германии, Испании и Австралии, могут быть перенесены на другие страховые рынки спустя некоторое время в том же самом виде или при известном уровне адаптации к местному рынку.

Традиционная страховая бизнес-модель, претерпевая действие пречисленных ранее тенденций, трансформируется в инновационную бизнес-модель, включающую инновационные продукты и инновационные покрытия, которые потенциально могут перерасти в инновационный прорыв, осуществленный посредством двух методов: дигитализации и внедрения страховых инноваций.

В данном контексте имеет смысл говорить уже о своего рода эволюции страховых продуктов: от классических до инновационных, цифровых и онлайн-

новых. Данный переход наблюдается по различным направлениям: по видам рисков, по видам продуктов, по каналам продажи и дистрибуции, по целевой аудитории и т.д. Так, традиционное страхование имущества от повреждений, вызванных пожаром, краж и взлома переходит в страхование «умных домов» с новейшими датчиками и системами оповещения.

Переходя на инновационную бизнес-модель, страховая компания будет развивать продукты с принципом оплаты по мере использования (Pay per Use), предоставит своим клиентам безбумажный сервис, предложит новые каналы дистрибуции. Стандартные каналы дистрибуции (агенты, колл-центры, специализированные сообщества, точки продаж и обслуживания) будут постепенно вытеснены новыми и инновационными (прямым интернет-каналом, мобильными и смартфонами, покупкой через цифровые агрегаторы).

Использование персональных компьютеров с выходом в Интернет служит катализатором развития электронной торговли (E-commerce). Дополнительный онлайн-канал продаж через колл-центры предоставляет клиенту доступный 24 часа сервис. Необходимо особо отметить межмашинное взаимодействие (Machine-to-Machine, M2M) как инновационный вид технологий, который позволяет машинам обмениваться информацией друг с другом или же передавать ее в одностороннем порядке.

Учитывая влияние инноваций на страховой бизнес в целом, целевой аудиторией для страховых продуктов становятся так называемые «суперсетевые потребители» (Super Connected Consumers). Суперсетевые потребители представляют собой самых передовых адаптаторов инноваций и новейших разработок, своим поведением проявляют характерные черты глобального потребителя: подкованность в деталях и новинках, исключительную избирательность, самостоятельность, вовлеченность в Сеть.

По данным, собранным на базе нашего проекта, можно предположить, что около 16% мирового населения можно так или иначе отнести к суперсетевым потребителям. Они находят современные технологии интересными и захватывающими, имеют регулярный доступ к социальным сетям, используют доступные сервисы геолокации, обновляют информацию о себе и том, что происходит в их жизни. Их прогрессивное потребительское поведение станет вскоре реальностью для всех.

Итак, суперсетевые потребители составляют 16% мирового населения, то есть около 1,2 млрд, 45% из них люди в возрасте за 30, около 25% – за 40; в большинстве своем имеют средний и высокий доход, высшее образование. Из них 46% всегда беспокоятся о безопасности; 46% опасаются, что кто-то может незаконно использовать их личные данные с целью финансового мошенничества. Касательно их потребительского поведения можно отметить, что они пользуются самыми различными приложениями; 40% используют сравнительные веб-сайты; 64% готовы поменять или вернуть продукт, если они им не довольны; 20% из них делают небольшие покупки посредством использования смартфонов. Особенно интересным является то, что 42% исследованной аудитории находится в постоянном поиске новых продуктов и услуг.

Суперсетевые потребители характеризуются также следующими чертами: они

находят и используют новейшие технологии и приложения, регулярно посещают социальные сети и онлайн-сообщества, обновляют свой статус и делятся новостями из своей жизни, открыты ко всему новому, любопытны, самостоятельны, готовы получать новую информацию, ценят качество услуг, охотно делятся своим мнением и т.д. [3].

Таким образом, это «высказывающиеся» потребители, которые с удовольствием делятся своим мнением, положительным или отрицательным, о брендах или о продуктах онлайн. Эта новая схема вынуждает компании пристально рассматривать свое присутствие в виртуальном мире и адаптировать свои коммуникационные, брендинговые и продуктовые стратегии соответственно.

Для того чтобы удовлетворить потребности такого потребителя, страховым компаниями необходимо предоставить гибкие, основанные на технологиях решения. Возможными решениями могут быть применение опыта в создании универсальных каналов продаж и дистрибуции, постоянное обновление и применение инновационных достижений, организация коммуникаций, услуг и продаж через социальные сети, отбор предложений для клиента, основанный на контексте и территории запроса, разработка надежной системы защиты от кибермошенничества.

Таким образом, подводя итог, можно предположить, что новое поколение страховых продуктов должно включать следующие характеристики: во-первых, предлагать клиенту специализированные, персонифицированные решения, базирующиеся на модульных страховых продуктах; во-вторых, основываться на инновациях, чтобы привлекать ранних адаптаторов новинок; в-третьих, работать в направлении предотвращения рисков и оказания сервисов и услуг по требованию; в-четвертых, давать клиентам возможность извлекать максимальную пользу из новых сервисов и технологий.

Инновации в будущем в целом изменят подход к архитектуре и дизайну страховых продуктов, информационной инфраструктуре, методологии оценки рисков. Страховым компаниям необходимо делать сознательный упор на развитие и применение инноваций и отслеживание новых глобальных и локальных тенденций. Развитие и выживание страховой компании зависит от введения новых форм страхования, видоизменения существующих и постоянного поиска лучших, более дешевых и при этом качественных способов продажи страховых полисов и постпродажного обслуживания контрактов.

Библиографический список

1. Жадан И.Э. Проблемы технологической безопасности и охрана интеллектуальной собственности // Концепт. 2014. Прил.: Современные научные исследования. Вып. 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54652.htm>.
2. Mills H., Turbiana B. Innovation in insurance: the path to progress: A special edition of our Forward Focus series for insurance executives. URL: http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Taiwan/Local%20Assets/Documents/GFSI/Innovation%20in%20insurance_The%20path%20to%20progress.pdf
3. Staton J. GfK Consumer Trend. The Super Connected Consumers revealed. URL: http://www.gfk.com/uk/documents/thought-pieces/the_super_connected_consumer_joseph_staton.pdf

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

I.B. Konstantinov
The International Scientific
and Practical Conference
for Master, Graduate and
Doctoral Students, and Young
Scientists "Development
Prospects of the Russian State
and Society in Conditions
of International Destabilization"
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
December 12, 2014)

И.Б. Константинов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
МАГИСТРАНТОВ,
АСПИРАНТОВ,
ДОКТОРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ»
(г. Саратов,
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
12 декабря 2014 г.)**

Последствия мирового экономическо-
го кризиса оказывают серьезное влияние на
геополитическую ситуацию, изменяя совре-
менную карту мира, обостряя борьбу за ре-

сурсь, государственный суверенитет и в конечном итоге за право любой нации на ее существование в будущем. Возможно, что историки позднее охарактеризуют данный период человечества, как Третью мировую войну, участники которой ведут баталии не традиционным оружием на открытом поле боя, а современными информационными средствами в виртуальном пространстве, дополняя свои арсеналы методами экономического и политического шантажа, черным пиаром, финансовыми блокадами.

Известно только одно – мир становится другим! Отсюда возникает несколько ключевых вопросов: какое место в этом новом мире занимает Россия; что необходимо сделать российскому обществу, чтобы страна не затерялась в этом агрессивном и меняющемся окружении; какова миссия Российской Федерации в глобальном процессе?

Дать ответ на поставленные вопросы возможно с участием молодой и развивающейся науки, представители которой приняли самое активное участие в Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Перспективы развития Российского государства и общества в условиях международной дестабилизации». Мероприятие состоялось 12 декабря 2014 г. в Поволжском институте управления и уже традиционно в День Конституции РФ. Организаторами конференции выступили факультет магистратуры и аспирантуры и научно-организационный отдел вуза. Конференция способствует развитию научно-исследовательских компетенций у молодых ученых, навыков публичного выступления и создает условия для апробации их теоретико-прикладных изысканий.

В рамках конференции состоялось пленарное заседание и работа восьми секций. Основными направлениями работы конференции явились социально-гуманитарные проблемы российского общества в контексте современного мироустройства; правовая политика Российской Федерации в условиях глобализации; российский политический процесс в условиях международной напряженности; технологии современного менеджмента в управлении социально-экономическими системами; информационные технологии в бизнесе, образовании, государственном и муниципальном управлении; экономическое развитие России в условиях глобализации и международной интеграции; управление человеческими ресурсами в условиях кадровых рисков; психолого-экономические аспекты развития государства и общества в условиях информационных войн.

В дискуссии по актуальным проблемам современности приняли участие магистранты, аспиранты, докторанты и молодые ученые саратовских вузов: Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова, Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова; Саратовской государственной юридической академии. О прикладном характере конференции свидетельствует интерес, проявленный со стороны работников органов государственной власти. Так, в программе был заявлен доклад помощника депутата Саратовской областной Думы А.Д. Суркова: «Правовые аспекты реформы ЖКХ».

Международный статус конференции подтвержден активным участием в ней двух представителей зарубежных вузов: преподаватель Университета штата Нью-Йорк в Буффало К. Берроус (США) и студент Экономического университета в Братиславе С. Саболова (Словацкая Республика).

Открыл пленарное заседание конференции заместитель директора института, доктор политических наук профессор О.Н. Фомин. В докладе профессор отметил актуальность и значимость данного мероприятия для научного осмысления тех вызовов, с которыми столкнулись современные развитые государства. Борьба за первенство на планете, становление многополярного мира, политическая и экономическая дестабилизация на международной арене – вот далеко неполный перечень ключевых аспектов, затронутых в выступлении докладчика.

Декан факультета магистратуры и аспирантуры, кандидат экономических наук И.Б. Константинов выступил с докладом «Реформа образования: потенциал и возможные риски». В выступлении он продемонстрировал то, какое влияние оказывают мировые интеграционные процессы на внутреннюю политику России, в том числе в области образования. В докладе достаточно подробно освещены причины и истоки реформы важнейшей отрасли социальной сферы, ее основные исторические вехи, включая период присоединения России к Болонскому процессу. Значительную часть выступления докладчик посвятил анализу международных правовых норм и норм отечественного законодательства, лежащих в основе регулирования отечественной системы образования. Затем была дана оценка результатам реформы и деятельности органов публичной власти по ее реализации. В заключение был сделан вывод о том, что проведение реформы в России сопряжено с большим числом рисков, способных дискредитировать не только основную идею ее проведения, но и всю систему образования в целом. Основной потенциал осуществления модернизации, по мнению автора, состоит в необходимости полного отказа от «западного пути», сохранении лучших практик российского и советского образования, поиске эффективной национальной модели организации системы образования, основанной на уважении к традициям, сохранении преемственности и способствующей наиболее полному раскрытию потенциала свободной личности. Лишь такой подход позволит отечественному образованию стать надежной опорой для государства и общества.

Дискурс о взаимосвязи процессов, протекающих в мире и России, поддержал заведующий кафедрой политических наук, доктор исторических наук, профессор В.М. Долгов докладом «Послание Президента РФ Федеральному Собранию и современный политический процесс». В нем автор детально анализирует текст Послания 2014 г., обращая особое внимание на его краеугольные камни с позиции современной политологии.

Очень важными, по мнению организаторов конференции, стали доклады зарубежных гостей института, посвященные вопросам научной, преподавательской и студенческой мобильности, способствующей росту взаимопонимания между странами, укреплению межкультурных связей и объединению передового вузовского сообщества для решения общих задач.

Последующие выступления докторанта А.В. Федоровой, магистранта В.С. Се-

менова и студента 5-го курса Ш.А. Мхитаряна продемонстрировали хорошую степень владения избранной тематикой, структурированность и логику докладов, а также наличие авторской позиции, основанной на результатах самостоятельных научных изысканий. Доклады и выступления на пленарном заседании конференции вызвали значительное количество вопросов; обсуждение переросло в серьезную научную дискуссию. В дальнейшем диспут продолжился в секционном формате.

Модераторами работы секции «Социально-гуманитарные проблемы российского общества в контексте современного мироустройства» выступили профессор кафедры социальных коммуникаций, доктор философских наук, доцент Н.Б. Зазаева и профессор кафедры социологии и социальной политики, доктор социологических наук, доцент О.Ю. Тарская.

В работе секции приняли участие магистранты, аспиранты и молодые ученые, занимающиеся научными исследованиями в различных областях знаний: социологии, философии, конфликтологии, связях с общественностью, социальном менеджменте и др.

Большой интерес вызвали выступления И.Ю. Сурковой, доктора социологических наук, доцента Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, Е.И. Пашиной, кандидата социологических наук, доцента Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., аспиранта Макеева Ф.А., магистранта Юдиной Р.К. Примером для молодых ученых стал доклад И.Ю. Сурковой «Вариативность гражданско-военных отношений в турбулентном мире», выполненный на высоком теоретическом уровне и содержащий оригинальную авторскую концепцию изменения социальных функций и роли армии в современном глобализирующемся мире.

Модератором секции «Правовая политика Российской Федерации в условиях глобализации» выступил заведующий кафедрой административного и уголовного права, доктор юридических наук, доцент Э.Г. Липатов.

Все выступления на секции отличались яркой индивидуальностью. Проблемный характер докладов вызвал оживленную полемику. Особое внимание привлекли сообщения аспиранта Липидиной Г.О. «Информационные технологии в сфере земельных отношений на муниципальном уровне» и магистранта Павловой Ю.А. «Государственно-правовая политика содействия в обеспечении жильем различных категорий граждан». По итогам работы Почетной грамотой за лучший доклад на секции была награждена Г.О. Липидина.

Работой секции «Российский политический процесс в условиях международной напряженности» руководил заведующий кафедрой политических наук, доктор исторических наук, профессор В.М. Долгов.

Выступления молодых ученых, участвующих в работе секции, были подготовлены на высоком теоретическом уровне и содержали авторскую позицию. Наибольший интерес и дискуссию вызвали доклады магистрантов А.О. Борщева «Деятельность Русской Православной Церкви в общественно-политическом процессе современной России», М.О. Кряжковой «Особенности формирования имиджа В.В. Путина в условиях обострения российско-западных отношений 2013–2014 гг.», А.Р. Турасова «Концептуализация зла во внешней политике

США по отношению к России как важнейший фактор международной дестабилизации». Почетной грамотой за лучший доклад на секции была награждена М.О. Кряжкова.

В работе секции «Технологии современного менеджмента в управлении социально-экономическими системами» приняли активное участие восемь человек. Молодыми учеными были представлены интересные доклады, характеризующиеся как практической значимостью, так и элементами научной новизны. Спектр докладов был достаточно широкий: вопросы эффективного управления транспортными системами города, управление инновационными процессами с учетом этнопотенциала региона, проблемы кластерной политики, актуальные вопросы оценки и повышения качества жизни в России, специфические вопросы менеджмента культурных мероприятий и спортивного бизнеса. Все доклады сопровождались презентациями, что позволяло наглядно воспринимать материал. Особо длительный диспут вызвали такие темы докладов, как «Советское наследие в продвижении региона: коммуникативные практики формирования инвестиционной привлекательности» Д.Е. Тарарина и А.С. Хохловой, «Формирование эффективной кластерной политики как основы стратегии инновационного развития региона» К.В. Топчего и посвященный логистической инфраструктуре фестивального движения на территории Республики Крым, сделанный Н.В. Черняк, а также «Качество жизни как важнейшая составляющая экономического развития России в современных условиях» Ю.С. Савченко. Лучшим на секции был признан доклад магистранта К.В. Топчего. При подведении итогов была отмечена полезность проведенного мероприятия, перспективы междисциплинарного подхода, возникающего в процессе дискуссий участников, формирующего новые идеи в исследовании и выявляющем новые грани научных проблем. Все участники секции отметили необходимость регулярного проведения подобных мероприятий.

Работой секции «Информационные технологии в бизнесе, образовании, государственном и муниципальном управлении» управлял заведующий кафедрой прикладной информатики и информационных технологий в управлении, доктор физико-математических наук, доцент Д.В. Кондратов.

На секции было заслушано три доклада магистрантов Поволжского института управления, посвященные развитию информационных технологий и их влиянию на различные отрасли народного хозяйства. Наибольший интерес и обсуждение вызвало выступление В.С. Долгова «Анализ влияния внедрения инфраструктурных решений на этапах принятия решений», которое было отмечено Почетной грамотой за лучший доклад на секции.

Секцией «Экономическое развитие России в условиях глобализации и международной интеграции» руководил заведующий кафедрой менеджмента организации, доктор экономических наук, профессор А.В. Фоменко.

Интересные авторские доклады о перспективах развития экономики сельского хозяйства были подготовлены молодыми учеными на основе проведенного экономического анализа с использованием математических методов. Наибольшее внимание аудитории вызвал доклад Т.А. Исаевой «Анализ налоговой нагрузки на сельскохозяйственные предприятия Базарно-Карабулакского района Саратовской области», признанный лучшим на секции.

Работой секции «Управление человеческими ресурсами в условиях кадровых рисков» руководила кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Е.Р. Грязнова.

В ходе выступлений молодых ученых Н.Д. Барабаша, Е.В. Лимоновой, Я.Ю. Масловой, И.М. Яковлевой развернулась дискуссия по выбранным ими актуальным научным проблемам. Особый интерес вызвали вопросы, касающиеся кластеров и содержания управленческих компетенций, критериев и методов оценки государственных гражданских служащих.

По итогам работы секции почетными грамотами за лучшие доклады и активное участие в дискуссии были отмечены Н.Д. Барабаш и И.М. Яковлева.

Секция «Психолого-экономические аспекты развития государства и общества в условиях информационных войн» отличалась целым рядом особенностей.

Во-первых, работа секции осуществлялась при активной научно-методической поддержке Центра психолого-экономических исследований Саратовского научного центра Российской академии наук (ЦПЭИ СНЦ РАН). Модераторами секции стали доктора экономических наук: директор ЦПЭИ СНЦ РАН, главный редактор научного журнала «Психолого-экономические исследования», заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина А.Н. Неверов и заведующий лабораторией проблем воспроизводства экономических агентов ЦПЭИ СНЦ РАН, профессор А.Ю. Маркелов. Кроме того, активное участие в работе секции приняли заведующий лабораторией проблем рентоориентированного поведения ЦПЭИ СНЦ РАН А.В. Латков и старший научный сотрудник Центра Г.Г. Губайдуллина.

Во-вторых, при планировании работы секции были учтены изменения, произошедшие в нашей стране и во всем мире в 2014 г. В частности, активное участие в работе секции приняли магистранты из Республики Крым. С помощью интерактивных технологий они представили доклады, посвященные психолого-экономическим особенностям развития образовательных систем в новых условиях, а также такой сфере экономического поведения, как благотворительность. Доклады участников конференции из нового субъекта РФ были восприняты с большим интересом и вызвали оживленную дискуссию.

В-третьих, большую часть участников секции составили студенты 5-го курса специальности «Государственное и муниципальное управление» специализации «Психология управления». По мнению модераторов секции, студенты и магистранты продемонстрировали навыки продуктивного самостоятельного научного поиска.

В-четвертых, по заявленной тематике выступление участников секции можно было четко дифференцировать на три сегмента: проблемы формирования гражданственности на современном этапе развития российского государства и общества; исследования профессионально важных качеств государственных и муниципальных служащих в условиях международной дестабилизации; субъективное экономическое благополучие и эффективность деятельности государственных и муниципальных служащих.

С учетом высокого качества большей части презентаций, представленных на

конференции, первое место присуждено студентке 5-го курса факультета ГМУ Д. Фоминой, выступившей с докладом «Особенности формирования гражданской ответственности государственных и муниципальных служащих»; ее однокурсница А. Алпатова заслуженно получила почетную грамоту Центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН «За лучшую публичную защиту». За высокий профессионализм и системное понимание научной проблемы был отмечен доклад магистранта первого курса магистерской программы «Экономико-психологическое конструирование организаций и бизнес-процессов» из Республики Крым С.В. Дудушкиной.

Результаты работы секции свидетельствуют о больших перспективах научных исследований сферы государственного и муниципального управления на стыке экономической психологии и поведенческой экономической теории.

В целом, конференция прошла на высоком научно-теоретическом, методическом и организационном уровне, что отмечено участниками, ее организаторами и представителями администрации Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Итогом работы конференции станет одноименный сборник научных работ.

Организационный комитет конференции выражает благодарность зарубежным и отечественным молодым ученым и надеется на дальнейшее сотрудничество.

We Present the Economics
and Public Service Psychology
Chair of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра экономической психологии и психологии государственной службы стала первым в России профильным научно-образовательным подразделением, которое специа-

лизируется на проблемах психологии государственной службы, и вторым в стране, специализирующимся на одном из самых актуальных междисциплинарных направлений современной гуманитарной науки – экономической психологии и поведенческой экономической теории. Кафедра была сформирована на базе кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности в ноябре 2013 г. по целому ряду причин.

Во-первых, в связи с переходом к новому поколению федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) в обучении бакалавров, специалистов и магистрантов серьезно возрос уровень требований к экономико-психологической подготовке выпускников. Эти изменения касаются организации учебного процесса, его содержания и функционального расширения образовательных программ. Одним из приоритетов профессиональной подготовки становится формирование компетенций в сфере интеграции знаний о процессах взаимодействия людей, массовых психологических процессах и поведении отдельных экономических агентов. В свою очередь, это меняет требования к построению организационно-методического и кадрового сопровождения учебного процесса в аспекте перехода от психолого-педагогической подготовки к психолого-экономической. Психолого-экономические компетенции имеют особое значение для подготовки высококвалифицированных государственных служащих, деятельность которых связана с постоянным взаимодействием и решением проблем различных групп граждан, что требует реализации междисциплинарного подхода при подготовке специалистов.

Во-вторых, существует серьезный запрос на формирование экономико-психологических компетенций со стороны современного рынка труда. В ответ на данный запрос уже открылись близкие по профилю кафедры в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (г. Москва), Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова (г. Москва), Байкальском государственном университете экономики и права (г. Иркутск), ведется профильная подготовка магистров в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, Кубанском государственном университете, Брянском государственном техническом университете. В Поволжском регионе также существует запрос на реализацию подобного рода программ на всех уровнях образования и в экспертной деятельности. В связи с этим требуется усиление работы в данном направлении с целью обеспечения потребностей рынка труда Поволжского региона в специалистах, обладающих соответствующими компетенциями.

В-третьих, формирование таких компетенций, как готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе; компетенций, связанных с пониманием психологических аспектов взаимодействия власти и бизнеса, экономико-психологических механизмов реализации политических интересов различных групп общества и ряда других, в ведущих европейских университетах (Венский университет (Австрия), Университет Тилбурга (Нидерланды), Лондонская экономическая школа (Великобритания), Университет Констанца (Германия)) осуществляется кафедрами экономической психологии и поведенческой эконо-

мики. В связи с этим преобразование кафедры создало все условия для формирования новых направлений интеграции Поволжского института управления имени П.А. Столыпина в европейское образовательное пространство.

В-четвертых, переименование кафедры обеспечило фундамент для открытия направления подготовки «Психология». Экономико-психологическое направление в вузе имеет большие перспективы в плане открытия магистерских программ мирового уровня по экономической психологии и поведенческой экономике совместно с ведущими западноевропейскими и американскими университетами, а также институтами Российской академии наук.

В-пятых, переименование позволило создать условия для формирования на базе кафедры поволжской научной школы экономической психологии и поведенческой экономики. Экономическая психология как новое направление в нашей стране зародилась в стенах Академии народного хозяйства в 1986 г. по инициативе профессора А.И. Китова. В подобном направлении сегодня в России работают четыре научно-образовательных коллектива: в Москве – НУИ – ВШЭ (А.В. Белянин), РЭУ (С.Р. Демидов); в Санкт-Петербурге – СПбГЭУ (Э.Х. Локшина); в Иркутске – БГУЭП (А.Д. Карнышев). Существующие научные и научно-образовательные разработки в настоящее время обеспечивают Поволжскому институту управления имени П.А. Столыпина статус одного из ведущих научно-образовательных центров России в указанной сфере.

В 2013-14 учебном году был организован и проведен ряд масштабных научно-образовательных мероприятий, в числе которых – выездное заседание постоянно действующего семинара Института экономики РАН, II Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее», международная научная школа для молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов «Методы психологических и нейроэкономических исследований», заседания методологического семинара Научного совета Российской академии образования по проблемам экономической социализации и профессионального самоопределения молодежи, чемпионат для школьников «Экономические таланты – 2014», серия проблемных семинаров по внедрению Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и т.д.

В рамках организации учебной деятельности кафедры с 2014 г. открыта и функционирует новая магистерская программа международного уровня «Экономико-психологическое конструирование организаций и бизнес-процессов» (в рамках направления «Экономика»). Особенностью программы выступает междисциплинарность, а также эксклюзивное использование уникального психолого-экономического тренажера, разработанного в Центре психолого-экономических исследований Саратовского научного центра РАН. Большая часть дисциплин программы построена на проектном методе, что позволяет магистрантам за два года не только выйти на новый образовательный уровень, но и разработать реальные бизнес-проекты. Сегодня магистерская программа не имеет аналогов в России, конкурируя только с программами американских и западноевропейских университетов.

Кафедра продолжает традиции, заложенные кафедрой психологии и педагогики профессиональной деятельности в сфере поддержания высокого методи-

ческого уровня коллектива и содействия повышению этого уровня у профессорско-преподавательского состава института. Так, учебно-методические разработки кафедры получили признание в рамках общеакадемических конкурсов «Образовательные инновации» и «Практики карьеры». В частности, проект «Экономико-психологическое моделирование» занял второе место в номинации «Игры в обучении». Все сотрудники кафедры успешно проводят открытые занятия. По инициативе профессора А.Ю. Маркелова в рамках обучения методике преподавания реализована серия бинарных лекций. В процессе преподавания социальной психологии, методики преподавания высшей школы и социальной психологии организационной культуры реализуется проектное обучение и уникальная методика оценки уровня компетенций. Так, студенты, обучающиеся по специальности «Государственное и муниципальное управление» (специализация «Психология управления»), при изучении технологии формирования организационной культуры разрабатывают дорожные карты по развитию данного явления на уровне муниципального образования, а магистранты и аспиранты, обучаясь методике преподавания, готовят и защищают проекты образовательных бизнес-программ.

Кафедра активно осуществляет профориентационную деятельность с целью формирования позитивного образа кафедры и института. В рамках такой работы были организованы и проведены психологические тренинговые занятия в Дни открытых дверей института, областной чемпионат среди школьников «Экономические таланты – 2014». Совместно с центром довузовской подготовки проведена серия семинаров по особенностям работы в условиях действия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» для директоров школ г. Саратова и г. Энгельса. Открыты две базовые кафедры: в кадетской школе «Патриот» (г. Энгельс, Саратовская область) и школе № 10 (г. Ялта, Республика Крым).

Таким образом, в настоящее время в рамках деятельности кафедры экономической психологии и психологии государственной службы функционируют базовые кафедры, открытые в соответствии с соглашениями о сотрудничестве между институтом и образовательными, научными организациями и государственными учреждениями. Целями базовых кафедр является научно-методическое обеспечение профессионального самоопределения молодежи, содействие созданию стратегий экономической социализации на разных уровнях личностного и профессионального развития, а также разработка и экспериментальная проверка технологий, инструментов и методов формирования гражданской ответственности.

При кафедре успешно функционирует межвузовский студенческий научный кружок «Психология инноваций и государственной службы», под руководством преподавателя Г.Г. Губайдуллиной, где было подготовлено четыре заявки на общеакадемический конкурс студенческих работ. Кроме того, совместно с деканатом факультета магистратуры и аспирантуры был организован постоянно действующий межвузовский методологический семинар для аспирантов, магистрантов и студентов. Одним из результатов является выход в финал конкурса работ студентов, аспирантов и магистрантов «Устойчивое будущее России» проекта Д.В. Абрамова и Г.Г. Губайдуллиной.

Научно-исследовательская деятельность кафедры в 2013/14 учебном году велась по трем направлениям: «Психологическое обеспечение государственной политики»; «Развитие коммуникативной компетентности в процессе социализации»; «Психолого-экономическое конструирование организаций и бизнес-процессов». Поданы одна заявка в РГНФ, три заявки в РФФИ (одна из них поддержана), три заявки в РНФ, одна заявка на программу «Erasmus +».

Сотрудники кафедры активно сотрудничают с открытым на базе института Центром психолого-экономических исследований СНЦ РАН. При этом кафедра выступает одним из операторов экспериментальной площадки «Научно-методическое обеспечение профессионального самоопределения молодежи» Федерального института развития образования и министерства образования Саратовской области. С 1 сентября 2014 г. открыты еще две экспериментальные площадки ФИРО по проблеме формирования гражданской ответственности у обучающихся.

Научно-издательская деятельность кафедры представлена выпуском кафедрального сборника «Историческая психология государственного управления» (объемом 15 печатных листов), сборника «Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее» (20 печатных листов) и публикацией научных статей, две из которых проиндексированы в международных системах цитирования Web of Science и Scopus.

За прошедший год усилен профессорско-преподавательский состав кафедры, который в настоящее время полностью укомплектован штатными преподавателями: трое из них являются докторами наук, двое – профессорами. Тем самым созданы все предпосылки для дальнейшего развития кафедры.

Основной стратегической целью кафедры экономической психологии и психологии государственной службы является формирование единого междисциплинарного научно-образовательного, учебно-методического и консультационно-экспертного центра в области экономической психологии и поведенческой экономической теории, психологии служебной деятельности, теории и методики профессионального образования, педагогической, политической, социальной психологии и психологии профессионального становления личности.

Миссия кафедры заключается в подготовке профессионалов для работы в отраслях государственной и муниципальной службы, экономики и народного хозяйства, в бизнес-структурах всех форм собственности, в сфере науки и образования на основе реализации междисциплинарного синтеза в построении образовательных программ и технологий.

В соответствии с миссией и стратегической целью общее направление эволюции кафедры связано с обеспечением всех необходимых условий для приобретения обучающимися междисциплинарных компетенций, дающих возможность выпускникам кафедры разрабатывать и внедрять современные технологии управления и профессиональной деятельности, результативно работать в сферах, связанных с интеграцией психологии, экономики и государственного управления.

В связи с этим на среднесрочную перспективу перед коллективом кафедры ставятся следующие основные задачи:

– построение полного цикла подготовки по всем уровням образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура (PhD));

– совершенствование учебно-методических комплексов по закрепленным за кафедрой дисциплинам с целью приведения их в соответствие международным стандартам;

– разработка и внедрение инновационных образовательных технологий (в том числе массовых открытых онлайн-курсов (МООС), игровых и дистанционных форм обучения);

– проведение научных исследований по профилю кафедры, в том числе через реализацию экспертных и консультационных услуг;

– изучение, обобщение и распространение опыта работы лучших преподавателей кафедры, других вузов, оказание методической помощи начинающим преподавателям в овладении образовательными технологиями;

– взаимодействие в рамках осуществляемых кафедрой образовательных программ с организациями-работодателями для оценки ими качества подготовки специалистов и согласования содержания образовательных программ;

– проведение работы по профориентации и развитию навыков профессионального самоопределения и экономической социализации у молодежи.

Стоящие перед коллективом кафедры экономической психологии и психологии государственной службы амбициозные задачи требуют последовательной работы и высокой самоотдачи от каждого сотрудника. При этом решение данных задач – обязательное условие повышения качества российского образования и главный фактор обеспечения устойчивого развития нашей страны.

А.Н. Неверов,

*доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономической психологии
и психологии государственной службы;*

А.В. Латков,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической психологии
и психологии государственной службы;*

А.Ю. Маркелов,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической психологии
и психологии государственной службы*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Екатерина Сергеевна – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, бухгалтерского учета и внешнеторговой деятельности Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Белоусова Евгения Александровна – аспирант кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии
e-mail: arxangel2703@mail.ru

Бессонов Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, полковник юстиции, первый заместитель руководителя Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Калмыкия
e-mail: bestallv@mail.ru

Варапаева Виолетта Владимировна – аспирант кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: varapaevav@rambler.ru

Веденеева Яна Витальевна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, аспирант Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: vedeneeva_yv@mail.ru

Гамова Инна Валерьевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической иммунологии и аллергологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского
e-mail: innapris@yandex.ru

Глухова Марина Федоровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского городского университета управления Правительства Москвы
e-mail: marfg@mail.ru

Ершов Вячеслав Вячеславович – адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: strelok-6622@yandex.ru

Жумабаева Алия Аманбаевна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Института национального бизнеса, Москва

e-mail: aliya_zhumabayeva@mail.ru

Константинов Илья Борисович – кандидат экономических наук, декан факультета магистратуры и аспирантуры Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: iliaconstantinov@yandex.ru

Косенко Елена Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии

e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Кудрявцева Елена Эдуардовна – старший преподаватель кафедры английского языка, аспирант кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: ekalish@yandex.ru

Кузнецова Кристина Андреевна – аспирант кафедры социальной антропологии и социологии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

e-mail: Strekozzyzza@mail.ru

Кузьмин Андрей Викторович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Саратовского военного института внутренних войск МВД России

e-mail: kuzmin1@front.ru

Латков Андрей Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: latcov-av@yandex.ru

Маркелов Антон Юрьевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: markelov-au@mail.ru

Михина Наталия Васильевна – аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

e-mail: mihina@list.ru

Неверов Александр Николаевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: psychecon@gmail.ru

Пашаев Дмитрий Тахирович – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: pashaevdt@yandex.ru

Петров Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: dpetrov77@mail.ru

Погосян АрминеАраевна – аспирант кафедры институциональной экономики Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: pogosyanarmine@mail.ru

Подкопаев Владимир Леонидович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: uppravob@pags.ru

Пономарёва Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, директор центра естественно-математического образования Института регионального развития Пензенской области
e-mail: olga-viktoria2010@yandex.ru

Присяжнюк Дарья Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Сайфулин Илья Сергеевич – аспирант кафедры связей с общественностью Тамбовского государственного технического университета
e-mail: agentionis@bk.ru

Фомина Зинаида Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова
e-mail: zinaf33@yandex.ru

Цуцкова Марина Геннадиевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: cuckova@yandex.ru

Шкуров Алексей Юрьевич – кандидат педагогических наук, директор МБОУ «Гимназия № 42» г. Пензы
e-mail: achkurov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Sergeyevna Avdeeva – Doctor of Economics, Professor of the Marketing, Accounting and Foreign Trade Activity Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Evgenia Aleksandrovna Belousova – post-graduate student of the Arbitration Process Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: arxangel2703@mail.ru

Aleksey Aleksandrovich Bessonov – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Criminal Law Disciplines Chair, Astrakhan branch of the Saratov State Academy of Law, Colonel of Justice, First Deputy Head of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Kalmykia
e-mail: bestallv@mail.ru

Violetta Vladimirovna Varapaeva – post-graduate student of the World Economy and Foreign Economy Activity Chair, Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: varapaevav@rambler.ru

Yana Vitalievna Vedeneeva – lecturer of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, post-graduate student of the Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: vedeneeva_yv@mail.ru

Inna Valerievna Gamova – Candidate of Sciences (Medicine), Docent of the Clinical Immunology and Allergology Chair, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
e-mail: innapris@yandex.ru

Marina Fedorovna Glukhova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of Social and Humanitarian Disciplines Chair, Moscow City Government University of Management
e-mail: marfg@mail.ru

Vyacheslav Vyacheslavovich Yershov – post-graduate student of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: strelok-6622@yandex.ru

Aliya Amanbaevna Zhumabaeva – post-graduate student of the Public Law Disciplines Chair, National Business Institute, Moscow
e-mail: aliya_zhumabayeva@mail.ru

Iliya Borisovich Konstantinov – Candidate of Sciences (Economics), Dean of the Magistracy and Postgraduate Studies Department, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: iliaconstantinov@yandex.ru

Elena Vladislavovna Kosenko – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Civil and Family Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Elena Eduardovna Kudryavtseva – senior lecturer of the English Language Chair, post-graduate student of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ekalish@yandex.ru

Kristina Andreevna Kuznetsova – post-graduate student of the Social Anthropology and Sociology Chair, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: Strekozzyza@mail.ru

Andrey Victorovich Kuzmin – post-graduate student of the Military Pedagogies and Psychology Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: kuzmin1@front.ru

Andrey Vladimirovich Latkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Economic and Public Service Psychology Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: latcov-av@yandex.ru

Anton Yurievich Markelov – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Economic and Public Service Psychology Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: markelov-au@mail.ru

Natalia Vasilievna Mikhina – post-graduate student of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: mihina@list.ru

Alexander Nikolaevich Neverov – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Economic and Public Service Psychology Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: psychecon@gmail.ru

Dmitry Takhirovich Pashaev – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: pashaevdt@yandex.ru

Dmitry Borisovich Petrov – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Theology and Religious Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: dpetrov77@mail.ru

Armine Araevna Pogosyan – post-graduate student of the Institutional Economy Chair, Saratov Socio-Economical Institute of the Plekhanov Russian University of Economics

e-mail: pogosyanarmine@mail.ru

Vladimir Leonidovich Podkopaev – post-graduate student of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: uprpravob@pags.ru

Olga Nikolaevna Ponomariova – Doctor of Sciences (Pedagogies), Professor, Head of the Natural and Mathematical Education Centre, Institute of Regional Development of the Penza Region

e-mail: olga-viktoria2010@yandex.ru

Daria Igorevna Prisyazhnyuk – Candidate of Science (Sociology), senior lecturer of the General Sociology Chair, National Research University – Higher School of Economics, Moscow

e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Ilya Sergeevich Sayfulin – post-graduate student of the Public Relations Chair, Tambov State Technical University

e-mail: agentionis@bk.ru

Zinaida Vasilievna Fomina – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Humanities Chair, Saratov State Conservatoire named after L.V. Sobinov

e-mail: zinaf33@yandex.ru

Marina Gennadievna Tsutskova – post-graduate student of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: cuckova@yandex.ru

Alexey Yuryevich Shkurov – Candidate of Sciences (Pedagogies), head of Penza Gymnasium № 42

e-mail: achkurov@list.ru

148 2014 ● ВЕСТНИК ПАГС

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Глухова М.Ф.

Управление социозащитными ресурсами
в условиях неопределенности 4

Фомина З.В.

Поворот к традиционным ценностям:
основания культурной политики 10

Веденеева Я.В.

Тенденции трансформации правоохранительной службы
в контексте реформирования системы государственной службы
Российской Федерации 17

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

24

Авдеева Е.С., Варапаева В.В.

Россия и страны постсоветского пространства: состояние экономик
и внешнеторговые связи в 2013 году 24

Жумабаева А.А.

Особенности модернизации государственной службы в странах СНГ 33

Пашаев Д.Т.

Региональные особенности национальной политики
царской России в Закавказье 40

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

45

Бессонов А.А.

О сущности криминалистической характеристики преступлений 45

Цуцкова М.Г.

Информационное обеспечение участников судебного процесса
при рассмотрении частных жалоб по гражданским делам 51

Косенко Е.В.

Субъекты брачного
и родительского правоотношения: прекращение статуса 56

Белоусова Е.А.

Понятие публично-правового интереса
в арбитражном процессе 61

Подкопаев В.Л.

Значение государственного учета земель
для кадастровой оценки земельных участков 66

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

71

Шкуров А.Ю., Пономарева О.Н.

Совершенствование институциональных механизмов
функционирования управляющего совета
в образовательной организации 71

Гамова И.В., Присяжнюк Д.И.

Профессиональная группа врачей
в меняющейся системе государственного здравоохранения 78

Ершов В.В.

Методологические основы исследования
трансформации культурного капитала организации 85

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

91

Петров Д.Б.

Государство и религия:
историко-философский анализ 91

Кудрявцева Е.Э.

Политическая культура студенческой молодежи
в современном российском обществе 97

Михина Н.В.

Формирование общественного мнения по вопросам культуры
через конструирование проблемных полей в СМИ 102

Кузнецова К.А.

Социальные механизмы инноваций
в британских моделях культуры организации и менеджмента:
социологическая перспектива 108

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

114

Сайфулин И.С.

Взаимодействие принципов толерантности
и факторов религиозного экстремизма
в политической системе современной России 114

Кузьмин А.В.

Контроль хозяйственной организации
в социальном пространстве общества 120

Погосян А.А.

Роль инноваций в развитии рынка страховых услуг
(по материалам проекта «Новое поколение страховых продуктов») 125

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
131**

Константинов И.Б.

Международная научно-практическая конференция
магистрантов, аспирантов, докторантов и молодых ученых
«Перспективы развития Российского государства и общества
в условиях международной дестабилизации»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, 12 декабря 2014 г.) 131

**Представляем кафедру экономической психологии и психологии
государственной службы**

**Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ 137**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
143**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Glukhova M.F.

Management of Social Resources in Conditions of Uncertainty 4

Fomina Z.V.

Turning to Traditional Values: Cultural Policy Bases 10

Vedeneeva Ya.V.

Trends in the Transformation of Law Enforcement Service in the Context
of the Russian Federation Public Service Reform 17

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

24

Avdeeva E.S., Varapaeva V.V.

Russia and Countries of the Former Soviet Union: Condition of Economies
and Foreign Trade Communications in 2013 24

Zhumabaeva A.A.

Features of Public Service Modernization in the CIS Countries 33

Pashaev D.T.

Regional Features of the National Policy of Tsarist Russia in the Transcaucasia 40

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

45

Bessonov A.A.

On the Essence of Criminalistics Characteristics of Crimes 45

Tsutsikova M.G.

Information Support of Participants in a Judicial Process when Considering
Individual Complaints in Civil Cases 51

Kosenko E.V.

Subjects of Marital and Parental Relationship: Status Termination 56

Belousova E.A.

The Concept of the Public and Legal Interest in the Arbitration Process 61

Podkopaev V.L.

The Significance of State Land Assessment
for Cadastral Valuation of Land Parcels 66

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

71

Shkurov A.Yu., Ponomariova O.N.

Improvement of Institutional Mechanisms
of Management Board Functioning
in Educational Organizations 71

Gamova I.V., Prisyazhnyuk D.I.

The Professional Group of Doctors in the Context
of the Changing Public Healthcare System 78

Yershov V.V.

Methodological Basis of Research
of the Organization Cultural Capital Transformation 85

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

91

Petrov D.B.

State and Religion: Historical and Philosophical Analysis 91

Kudryavtseva E.E.

Students' Political Culture in Modern Russian Society 97

Mikhina N.V.

Forming Public Opinion on Issues
of Culture through Designing Problem Fields
in Mass Media 102

Kuznetsova K.A.

Social Mechanisms of Innovations
in the British Models of Organization
and Management Culture:
Sociological Perspective 108

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

114

Sayfulin I.S.

Interaction of Tolerance Principles
and Religious Extremism Factors
in the Political System of Modern Russia 114

Kuzmin A.V.

Economic Organization Control in the Social Space 120

Pogosyan A.A.

The Role of Innovations
in the Development of Insurance Services Market
(Case Study of the Project
"New Generation of Insurance Products") 125

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
131**

Konstantinov I.B.

The International Scientific and Practical Conference for Master,
Graduate and Doctoral Students, and Young Scientists
“Development Prospects of the Russian State and Society
in Conditions of International Destabilization”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, December 12, 2014) 131

*We Present the Economics and Public Service Psychology Chair
of Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 137*

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
146**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 6 (45)

Редакторы *Ю.Н. Бирюкова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2014 г., п. № 896

Подписано к печати 22.12.2014 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,58. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 500. Заказ 532.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>